

Владимир Паилодзе

ЛЕДОВЫЙ ГАМБИТ

Владимир Пайлодзе
Ледовый Гамбит

«Автор»

2026

Пайлодзе В.

Ледовый Гамбит / В. Пайлодзе — «Автор», 2026

Что будет, если суровый 80-летний тренер из XXI века очнется в теле 14-летнего пацана в сталинском 1952 году? Он не станет играть по старым правилам — он изобретет коньки будущего, заставит Берию шпионить за Хрущевым и сдаст Сталину чертежи сверхзвуковых истребителей. Буржуазный мир на чемпионатах мира ждет не просто спортивное состязание, а показательная казнь от советской «Красной машины», вооруженной тактикой грядущего века. Смотрите, как запускается великий «Ледовый гамбит» империи, — первая книга уже полностью завершена!

© Пайлодзе В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Падение деспота.	5
Глава 1. В коротких штанишках (Пробуждение в Чите 1952 года).	8
Глава 2. Сталь и пластик грядущего века.	11
Глава 3. Наглец из Забайкалья (Первый выход на читинский лёд).	14
Глава 4. Аплодисменты заказывали? Или Квартирник с последствиями.	19
Глава 5. Марьяна Роцца принимает вызов (Отказ от хоккея и первый шок Всеволода Боброва).	32
Глава 6. Космическая спираль смерти.	41
Глава 7. Щелчок по старой школе.	53
Глава 8. Шашлык на даче.	58
Глава 9. Коммунистический капиталист.	69
Глава 10. Нокдаун на Марьиной Роше	75
Гл	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Владимир Пайлодзе

Ледовый Гамбит

Пролог. Падение деспота.

Пролог.

Седан уверенно шёл по бесконечной ленте шоссе.

Нельзя сказать, что скорость была запредельной, но седой мужчина, крепко сжимавший руль, давно перешагнул тот возраст, когда кровь требует адреналина. Машина двигалась ровно, убаюкивая, отсекая шумом покрывшей дорожные мысли.

Вчера, прямо перед выездом из бурлящего Пекина, предательски прихватило сердце — тупой, давящей болью в груди. Мои помощники и фигуристы поехали поездом, настойчиво звали с собой, но после вчерашних выматывающих выступлений мне до судорог хотелось побыть в полном одиночестве. В мои восемьдесят лет нормальные люди уже давно греют старые кости на побережье какого-нибудь тёплого моря, нянчат правнуков и никуда не спешат. А я? А я продолжаю изо дня в день мерзнуть на ледовых аренах.

Уже больше тридцати лет я живу в Китае. Семьи у меня так и не сложилось — пустой дом, где никто не ждёт. За спиной шепчутся, будто я сухарь и деспот, который, кроме прозрачного холодного льда, в этой жизни ничего и никого никогда не любил. Что ж, на льду я действительно тиран, отрицать глупо. Без этого чемпионов не вырастить.

В далёком 2002 году меня пригласили на тренерскую работу в Поднебесную. За плечами тогда уже был солидный опыт во Франции и Америке, хорошие показатели учеников на международных стартах — всё это обеспечивало мне безупречное резюме. Но в сытой Европе и прагматичных Штатах я оставался лишь наёмником: ставил прыжки, подчищал программы, зависел от чужих систем. Предложение же из Китая полностью развязывало мне руки. Оно давало редкую, почти абсолютную свободу: возможность построить тренировочный процесс с нуля, жестко, по-своему, без оглядки на чиновников и федерации. Грех было не воспользоваться таким шансом. Но, если честно, ещё сильнее тогда хотелось просто сбежать, сменить обстановку и начать всё сначала.

И вот — тридцать лет в Харбине пролетели как один затянувшийся прокат.

Я всегда работал только с одиночниками. Парное катание — это, безусловно, лепота, чистая эстетика и синхронность. Но в парах, как мне всегда казалось, теряется подлинная индивидуальность. В них нет этого отчаянного, яростного стремления оторваться от всего мира, остаться один на один со стихией, вложить всю свою первобытную мощь, характер и боль в вечное, безостановочное движение на коньках. Одиночник на льду — это воин.

Прошедший чемпионат Китая вытянул из меня последние соки. Нет, первые места, разумеется, остались за моими воспитанниками, золото мы забрали, но крови они мне попили знатно.

После домашней Олимпиады в Пекине в стране начался настоящий бум фигурного катания, катки росли как грибы, но общий уровень всё равно пока объективно отставал от России, Европы и США. Мои китайские ученики — невероятно упорные, прыгучие, фантастически исполнительные и уважительные. Но наша харбинская школа оказалась на голову выше всех остальных в стране, и именно это превосходство их расхолаживает. Детство в одном месте ещё играет, лезет наружу сытая вальяжность. Вот эта их внезапная самоуверенность, глупые ошибки на ровном месте чуть не довели меня на этой неделе до инфаркта. Слава Богу, в финале собрались, прокатались чисто, всё обошлось.

Мысли тягуче проносились в голове, сменяя друг друга под негромкий рокот мотора.

До Харбина оставалось ещё триста километров пути. Позади — больше тысячи. В моем возрасте совершать такие автопробеги — чистой воды безумие, не для таких подвигов это тело. Но этот ровный гул дороги и одиночество были мне сейчас необходимы как воздух.

Тяжёлый грузовик, внезапно выскочивший со второстепенной дороги на трассу, на полном ходу снёс небольшой внедорожник, буквально вышвырнув его на полосу встречного движения. Скрежет сминаемого металла утонул в гулком эхо дорожной катастрофы.

Уже в вечерних новостях китайских телеканалов дикторы с прискорбием сообщили о трагической гибели человека, когда-то приехавшего в Поднебесную из далёкой Грузии и посвятившего тридцать два года своей жизни развитию китайского спорта.

Но сам водитель этого разбитого внедорожника уже не слышал новостей. Его неожиданный, страшный полёт впечатался в гаснущую память намертво. Яростный удар, звон бьющегося стекла — и внезапное, оглушающее ощущение абсолютной свободы. Больше ничего не держало, земное притяжение исчезло. Вокруг сомкнулась глухая, непроглядная темнота, но я сам стал крошечной огненной точкой, которая на бешеной скорости неслась сквозь бесконечное пространство, не встречая на своём пути никаких преград и препятствий.

А затем тьму безжалостно расколол ослепительно яркий свет, и откуда-то из этой чистой белизны раздался спокойный, громовой вопрос:

— И куда это ты собрался? Нет, дорогой, так не пойдёт. Столько людей сейчас искренне переживают за тебя, молятся, со слезами на глазах благодарят за твой великий труд. Все они в один голос говорят, что ты мог бы сделать ещё так много...

— Но мне здесь хорошо... — мысленно выдохнул я в этот свет. — Я наконец-то счастлив.

— Ты-то, может, и счастлив, — эхом отозвался голос. — Но мне вот безумно интересно: а смог бы ты на самом деле достичь большего?

— Я свой путь прошёл. Честно. Так, как мог и как сам хотел. И я ни о чём не жалею.

— Свой земной путь ты действительно прошёл, — согласился невидимый собеседник. — Но дам-ка я тебе ещё один шанс. Мне всё-таки очень любопытно взглянуть на результат в новых условиях.

Я замер, и посреди этой ослепительной белизны меня обожгла внезапная, пугающая мысль.

— Стой... Но если я вернусь назад и что-то изменю? Что будет с моим миром? С моей школой, с ребятами, которые только что выгрызли это золото? Мои шаги перечеркнут всё, что я создал там, на Земле?

— Не переживай о своей реальности, мастер, — свет вокруг ласково дрогнул, прогоняя мой страх. — Родная тебе ветвь мироздания останется абсолютно нетронутой. Всё, что ты там построил, твои ученики и их триумфы — всё продолжит жить своим чередом. Я отправлю тебя в параллельное отражение этого мира. Ты начнешь с чистого листа, в новой, отдельной вселенной, и твои будущие поступки никак не навредят прошлому.

— Тогда... ладно, — я почувствовал, как с души свалился огромный, давящий камень. — Любопытно. Но в каком качестве я вернусь? Снова тренером? Моя прошлая жизнь... старая травма в молодости навсегда заперла меня у бортика. Она забрала у меня мою собственную мечту быть фигуристом, вынудив всю жизнь лишь смотреть на лёд чужими глазами. Я больше не хочу быть просто зрителем.

Свет вокруг внезапно вспыхнул теплым, торжествующим золотом.

— Твои уникальные тренерские знания, наработанный десятилетиями опыт, а главное — вся твоя мышечная память и доскональное понимание техники прыжков твоих лучших учеников останутся при тебе. Ты будешь детально помнить особенности биомеханики каждого из них, что позволит тебе развиваться с невероятной скоростью и, если захочешь, максимально эффективно передавать этот гениальный опыт другим. Но в этот раз ты получишь

тело подростка. Абсолютно чистый, гибкий, здоровый материал, у которого нет и никогда не было никаких физических травм. Ты сможешь сам стать действующим фигуристом и показать этому новому миру лучшие, сложнейшие элементы, которые существовали на момент твоей смерти. Четверные прыжки, невероятная хореография, безумные каскады будущего — всё это будет подвластно твоим новым ногам. Удиви их, мастер.

Я не успел ничего ответить — дыхание перехватило от дикого, пьянящего восторга и легкого испуга перед тем, каково это — снова стать мальчишкой.

— Ну а за твою честно прожитую прошлую жизнь лови заслуженный бонус, — одобрительно прогудел голос. — Последние несколько десятилетий ты буквально не разлучался со своими гаджетами. К великому сожалению, материальные вещи я не могу дать тебе с собой. Но отныне ты будешь связан с мировой информационной сетью напрямую. Твой разум сможет мгновенно, силой мысли получать любую текстовую, историческую и техническую информацию со всей планеты... правда, только до момента твоей сегодняшней гибели.

В ту же секунду неведомая сила скомандовала пространству, и меня мощным, безжалостным толчком швырнуло обратно — в холодную, закручивающуюся вихрем темноту.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Друзья, первая книга полностью бесплатна. Но чтобы не пропустить выход второго тома («Берлинская защита») и оперативно получать ссылки на новые главы (в том числе на других площадках), подписывайтесь на мой официальный Telegram-канал: **Владимир Пайлодзе | Книжный клуб**. Жду вас!

Глава 1. В коротких штанишках (Пробуждение в Чите 1952 года).

Глаза открывались мучительно тяжело, словно веки налились свинцом. Затылок и шею пронзила тупая, пульсирующая боль. Руки и ноги казались абсолютно ватными: я физически чувствовал их присутствие, но в то же время они оставались совершенно неподъёмными, чужими. Зрение фокусировалось медленно, картинка перед глазами расплывалась, превращаясь в размытые световые пятна. Из черного бумажного раструба радиорепродуктора на стене глухо доносился торжественный марш Дунаевского.

— Влад, а Влад, слышишь? Потерпи немного, за доктором уже послали. Сейчас Михалыч прибежит, всё будет хорошо, не прерывайся только!

Во рту было сухо и горько, словно я наглотался известковой пыли. Кое-как сфокусировав взгляд, я разглядел парня в простых черных сатиновых физкультурных трусах и растянутой х/б майке, который стоял на коленях прямо надо мной. Женька. Я был уверен в этом на все сто процентов, но сознанием умудрённого тренера точно знал, что вижу этого пацана впервые в жизни. И одновременно с этим в моей голове преспокойно жило другое знание: мы учимся в одном классе и вместе ходим в секцию спортивной гимнастики. Две разные памяти причудливо переплетались в один узел.

— Что... случилось, Женька? — голос прозвучал глухо, еле слышно.

— Да ты с перекладины слетел неудачно на соскоке, вот головой об мат и приложился. Леонидыч строго-настрого сказал, чтобы ты лежал и не вздумал вставать. Наш физрук сам за директором побежал.

В этот момент массивные дубовые двери распахнулись. В школьный спортзал — высокое, пахнущее мастикой для пола помещение с массивными деревянными шведскими стенками и огромным, в тяжелой багетной раме, портретом товарища Сталина в маршальском кителе под самым потолком — тяжело пыхтя, влетел Михалыч, наш школьный врач. Маленький, абсолютно лысый и кругленький, он напоминал суетливого колобка в наспех накинутом, жестко накрахмаленном белом халате поверх глухого гражданского костюма. Следом за ним, чеканя шаг, вошел директор школы в строгом суконном сталинском кителе.

Доктор опустился рядом со мной на корточки и тут же принялся аккуратно прощупывать мои плечи своими теплыми, пухлыми пальцами:

— Так, Ворон, аккуратно. Голова, шея — не болит? Сильно тошнит?

— Александр Михайлович, шею тянет, но не сильно. Вот только руки и ноги какие-то тяжелые... Будто налитые свинцом, поднять не могу.

Не успел доктор ответить, как в двери спортзала ворвался настоящий маленький вихрь. Моя мама — Тамара Эрастовна Ворон, в девичестве Цулукидзе. Она работала здесь же, в школе, преподавателем музыки. Её тёмные глаза были расширены от ужаса, а скромная, уложенная валиком прическа слегка растрепалась. Она пахла строгими духами «Красная Москва» и свежими нотными тетрадами.

— ჩემო ძვირფასო, რა მოხდა? სად გჭკობა? (Мой дорогой, что случилось? Где болит?) — взмолилась она, падая на колени с другой стороны от меня и хватая своими тонкими, музыкальными пальцами мою холодную ладонь.

Глядя в её бледное от страха лицо, я почувствовал, как к горлу подкатил ком. Этот старик из Пекина внутри меня истосковался по материнскому теплу за долгие тридцать лет одиночества в Китае.

— Мама, всё хорошо, правда... Не волнуйся, слышишь? Всё будет хорошо. Я тебя очень люблю. Михалыч мягко, но решительно взял маму за плечи, отстраняя от меня:

— Тамара Эрастовна, успокойтесь, ради Бога. Из Первой центральной больницы карету скорой помощи уже вызвали, доктора вот-вот приедут. Чита у нас хоть и разрослась, но доберутся быстро, растряссти не должны. Надеюсь, ничего страшного, обычное сильное сотрясение. Лежать, не двигаться.

У мамы крупными каплями покатились слёзы из глаз. Видеть её плачущей было невыносимо. Забыв про все запреты, я упрямо попытался приподняться на локтях, чтобы обнять её, но сознание тут же вспыхнуло острой болью, вождь на портрете под потолком вместе со старой Читой и всем миром вокруг крутанулся, и наступила глухая, спасительная темнота.

Парень лет четырнадцати смотрел на меня умными, не по годам всезнающими глазами, словно терпеливо ожидая, пока я обращу на него всё своё внимание. Наше молчание затягивалось, хотя здесь, в этой бескрайней глухой пустоте, время не имело абсолютно никакого значения.

Первым не выдержав он. Шагнув чуть ближе, мальчишка тихо, но твердо проговорил:

— Мне пора. Я ухожу. Но моя память, всё, что я знал и умел, остаётся с вами. Присмотрите за мамой, пожалуйста... И очень вас прошу: никогда не говорите ей, что вы — это не я.

Он развернулся и медленно, растворяясь в серой дымке, растаял в пустоте.

Я остался один. Что ж, пришло время подвести итоги и посмотреть, что мы имеем в прикупе.

Итак, отныне мне четырнадцать лет. Рост для этого возраста отличный — 178 сантиметров, плечистый, сухой, вес всего 58 килограммов. Физически пацан развит просто великолепно, фигура — как у молодого Аполлона, высеченного из мрамора. В школе перекладина, брусья и кольца захватили его целиком. Прежний Влад на этих снарядах чувствовал себя абсолютно свободным от законов физики. В общем, дочувствовался... сорвался на соскоке. Теперь вот я вместо него полностью свободен. И, надо признать, этот «материал» для фигурного катания — настоящая тренерская мечта. Звонкий, легкий, прыгучий.

Мама — преподаватель музыки. Благодаря её генам и часовым репетициям я теперь с легкостью играю на фортепиано, гитаре, скрипке, баяне и даже на саксофоне. На гитаре-то я и в своей прошлой жизни неплохо брынькал, клавишные пришлось освоить позже, когда сам начал подбирать и монтировать музыку к выступлениям своих учеников... А вот скрипка и саксофон — это совершенно новый, удивительный опыт, пальцы сами помнят гриф и клапаны.

Мама из «бывших» дворян. Разумеется, сейчас, в—пятьдесят втором году, об этом на каждом углу молчат ради собственной безопасности. Но благодаря её воспитанию к моему солидному багажу из английского, французского и китайского языков железно добавились отличный немецкий и свободный испанский. Настоящий полиглот в советской провинции. Ещё мама упорно учила своего сына рисовать и всегда искренне огорчалась, что у мальчишки ничего не получается, кроме корявых клякс. Ну, тут я смогу её порадовать. Шедевр мировой живописи на холсте я, конечно, не напишу, но наброски и эскизы костюмов для фигуристов в своей прошлой жизни всегда чертил сам — точно зная, как именно ткань должна играть в динамике прыжка.

Отец — Иван Петрович Ворон. Именно так, строго и официально. Он очень не любит, когда его называют банальным «папа» — только Отец, с заглавной буквы. Суровый, нестигаемый человек, тренер по хоккею с шайбой. Во мне — вернее, в прежнем Владе — он давно и глубоко разочаровался. Сам когда-то за руку привёл сына на каток, поставил на жесткие коньки, мечтая вырастить хоккеиста, а пацан плюнул на спорт для настоящих мужчин и выбрал какую-то девчачью, по мнению отца, гимнастику. Что ж, придется вернуть Ивана Петровича на каток, пускай и не совсем так, как он мечтал.

Из явных и досадных недостатков новой жизни — нужно снова ходить в среднюю школу. Сидеть за партой с малолетками после тридцати лет тренерского деспотизма — то еще испытание для нервов.

Но с гимнастикой я завязываю однозначно. Лёд — вот куда мы отныне направим всё моё рвение, опыт и эту потрясающую молодую физику. У нас в Чите фигурное катание, конечно, номинально существует, но сейчас, в начале пятидесятых, это именно что унылое «катание» по кругу под баян, без единого намека на спорт высоких достижений. Теперь оно станет подлинно Фигурным. Я лично об этом позабочусь.

На дворе — сентябрь одна тысяча девятьсот пятьдесят второго года. Иосиф Виссарионович ещё жив, а советский спорт только-только триумфально вернулся с летней Олимпиады в Хельсинки. Ровно через четыре года, в одна тысяча пятьдесят шестом году, пройдут зимние Олимпийские игры в Кортина-д'Ампеццо, где фигуристы со всего мира впервые разыграют медали. И я обязан, я просто кровь из носу должен быть там, на главном льду планеты.

Приняв это окончательное решение, я глубоко вздохнул, открыл глаза и осмотрелся вокруг, возвращаясь в реальный мир.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 2. Сталь и пластик грядущего века.

Глава 2.

— Мужики, глядите-ка! Сосед наш очнулся. Смотрите, не прошло и недели, а он глаза продрал! — зычно произнес рыжий дядька с приметным носом-картошкой.

Ещё трое мужчин в застиранных больничных халатах поверх нижнего белья оторвались от засаленной колоды карт и с любопытством уставились на меня. Один из них, древний старик, внимательно всмотрелся в моё лицо из-под кустистых седых бровей и примирительно прошамкал беззубым ртом:

— С возвращением вас, молодой человек, с возвращением. Считай, пять дней в себя не приходили, мы уж грешным делом думали — всё, отдал Богу душу.

— Попить... можно? — еле слышно прохрипел я, чувствуя, как пересохший язык неприятно царапает нёбо.

Рыжий сосед тут же спохватился. Бросив карты на тумбочку, он поспешно налил воды из стеклянного графина в гранёный стакан. Бережно, со свойственной простым рабочим людям грубоватой заботой, он приподнял мою голову вместе с жесткой, набитой пером подушкой и поднёс стакан к моим сухим, потрескавшимся губам.

В этот самый момент тяжелая деревянная дверь палаты с грохотом распахнулась, и внутрь буквально вплыла женщина в белом халате необъятных, монументальных размеров. Похоже, это была местная санитарка или старшая медсестра.

Её голос, прозвучавший подобно иерихонской трубе, мгновенно затопил всё помещение:

— Замерли все! Ну-ка, цыц!

Она практически мгновенно, несмотря на свою грузную комплекцию, материализовалась рядом с моей койкой. Одним точным, отработанным движением её мощная рука перехватила подушку, а вторая аккуратно забрала у рыжего стакан с водой. Повернувшись ко мне, она внезапно сменила гнев на милость и ласково проворковала:

— Не спеши, касатик. Потихоньку давай, маленькими глоточками пей.

Затем она резко развернулась к притихшим карточникам, и её грозный бас снова заставил зазвенеть оконные стекла:

— Что же вы за люди-то такие, а? Ясно же вам говорил доктор: не трогать малого! А вы своими загребушими руками сразу хватаете всё, лезете, куда не просят! Вот Пантелеймон Иннокентьевич на обход придёт, я ему всё до единого слова расскажу. Попляшите вы у меня тогда, голубчики! Вмиг из палаты на мороз вылетите!

Было отчетливо видно, как мои соседи по палате заметно побледнели при упоминании грозного доктора, а древний дед даже строго, с обидой посмотрел на медсестру из-под кустистых бровей:

— Ивановна, ты чего это лихое надумала? Парень же попить попросил, чисто по-человечески, вот мы и решили помочь. Зачем Иннокентьевича беспокоить лишний раз по пустякам? У него и так работы выше крыши.

Ивановна, молча дождавшись, пока я осушу стакан до самого дна, строго показала рыжему глазами на стеклянный графин. Тот всё понял без слов, мгновенно подскочил и снова наполнил стакан до краев. Я благодарно кивнул мужчине и опять прильнул губами к прохладному стеклу. Жизнь окончательно возвращалась в затекшее тело.

Когда я допил вторую порцию, медсестра еще раз внимательно, по-хозяйски оглядела притихших мужчин.

— Так, шулеры, всё! Живо все по своим койкам, карты припрятать! Пойду я за доктором. Пантелеймон Иннокентьевич строго-настрого приказал: как только малец очнется, сразу же бежать за ним, в любую минуту дня и ночи.

С этими словами она развернулась и величественно выплыла из палаты, словно пава.

Оставшись в относительной тишине, я принялся внимательно осматривать место своего временного заключения. Палата представляла собой комнату самых средних размеров: шесть стандартных железных кроватей с панцирными сетками, возле каждой из которых теснилось по обшарпанной деревянной тумбочке. Одно узкое, высокое окно, простой стол посередине и пара колченогих стульев. Стены и высокий потолок были густо побелены известью, которая от времени пошла глубокими, причудливыми трещинами. Пол — обычный, дощатый, покрашенный въевшейся в дерево грязновато-бордовой краской. А под самым потолком, на засиженном мухами витом шнуре, сиротливо покачивалась одинокая, голая лампочка Ильича.

Но была одна очень важная деталь, которую я, как опытный тренер, подметил мгновенно. Моя кровать существенно отличалась от остальных. У всех моих соседей матрасы глубоко провисали под весом тел, превращая постели в неудобные гамаки. Под моим же матрасом лежал абсолютно жесткий, ровный деревянный щит — классическое медицинское предписание при тяжелых травмах шеи и подозрении на повреждение позвоночника. Значит, приложился я на той злополучной перекладине действительно на совесть.

Мужики тем временем послушно разошлись по местам, в палате воцарилась напряженная тишина, и все мы приготовились ждать прихода загадочного Пантелеймона Иннокентьевича.

Через некоторое время тяжелая дверь палаты снова послушно скрипнула, впуслав уже знакомую нам медсестру Иванову. Следом за ней, не спеша и с истинно профессорским достоинством, вошел пожилой подтянутый мужчина в безукоризненно чистом белом халате. Из нагрудного кармана его кителя солидно поблескивал массивный серебряный прибор.

— Добрый день, голубчики, — мягким, интеллигентным баритоном произнес он, окинув палату теплым взглядом. — Как ваше самочувствие?

Практически отрепетированным, почти пионерским хором соседи-карточники дружно отозвались со своих коек:

— Спасибо, Пантелеймон Иннокентьевич! Поправляемся! Вашими молитвами!

— Вот и молодцы, — доктор удовлетворенно кивнул и подошел вплотную к моей кровати. Он внимательно посмотрел мне в глаза, пощупал пульс на запястье своими сухими, пахнущими карболкой пальцами и добродушно улыбнулся: — Ну а вы, молодой человек, могу сказать определенно — в рубашке родились. Так страшно сорваться с перекладины на полной скорости и отделаться всего лишь глубоким рассечением кожи на затылке да парой синяков... Это настоящее чудо. Ну-ка, давайте проверим ваши рефлексy. Попробуйте пошевелить руками и ногами.

Приложив некоторое волевое усилие, я заставил новое, еще плохо слушающееся тело подчиниться. С трудом, но мне удалось поднять над одеялом сначала руки, а затем немного приподняться и согнуть в коленях ноги.

— Вот и славненько, — Пантелеймон Иннокентьевич довольно потер ладони. — Вы только не спешите, голубчик. Главное — реакция есть, нервная проводимость в полной норме. Еще пару дней постельного режима, и сможете снова бегать, прыгать и крутить свои кульбиты. Ну а теперь отдыхайте, не буду вас утомлять.

Попрощавшись с палатой легким кивком, доктор величественно вышел вместе с Ивановой. Едва за ними закрылась дверь, по комнате пронесся дружный и громкий вздох облегчения. Мужики зашевелились, снова потягиваясь к своим припрятанным картам.

Я же закрыл глаза и задумался. Раз всё цело, значит, пора срочно приводить этот залежавшийся «материал» в полный порядок. Опыта восстановления фигуристов после самых тяжелых травм в моей прошлой жизни хватало с избытком. Начинать нужно было с малого, не перегружая суставы. Прямо под одеялом я принялся поочередно, на несколько секунд напрягать и расслаблять мышцы рук, затем ног, пресса и, наконец, спины. Настоящая изометрическая

гимнастика будущего в антураже советской больницы. Дело шло туго, тело казалось налитым свинцом, но тренировки приносили плоды — кровь быстрее побежала по жилам.

Вечером, сразу после окончания смены, меня пришли навестить родители. Мама, едва переступив порог, счастливо, со слезами на глазах заулыбалась, бросившись к моей койке со свертком домашних пирожков. Отец же, Иван Петрович, остался стоять у дверей, заложив руки за спину. Он внимательно, тяжело осмотрел меня с ног до головы своим фирменным хоккейным взглядом и скупой, сквозь зубы выдавил лишь одну короткую фразу:

— Дома поговорим.

На третий день моего пребывания в больнице я, к полному изумлению Ивановны, уже уверенно начал вставать и ходить по коридору. На четвертый — запершись в больничном туалете, всю отжимался от подоконника и приседал, возвращая мышцам былой тонус. На пятые сутки Пантелеймон Иннокентьевич лично осмотрел мой затягивающийся затылок, удивленно покачал своей седовласой головой и официально выписал меня домой долечиваться, взяв строгое комсомольское обещание через неделю обязательно явиться на контрольный осмотр.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Друзья, первая книга полностью бесплатна. Но чтобы не пропустить выход второго тома («Берлинская защита») и оперативно получать ссылки на новые главы (в том числе на других площадках), подписывайтесь на мой официальный Telegram-канал: **Владимир Пайлодзе | Книжный клуб**. Жду вас!

Глава 3. Наглец из Забайкалья (Первый выход на читинский лёд).

Глава 3.

Вечером дома состоялся тот самый, давно назревавший разговор с отцом. Он застал меня в нашей скромной комнате, когда я делал легкую разминку.

— Смотрю, форму-то не теряешь, — ровным голосом произнес Иван Петрович, остановившись в дверном проеме. — Доктор твой, Пантелеймон этот, матери сказал, что ты и в госпитальной палате умудрялся заниматься.

— Да, отец. Только отжимался и приседал, если честно. Больше-то ничего толком не делал, аккуратничал.

— Ладно. Когда к полноценным тренировкам в секции приступишь? Леонидыч твой уже два раза справлялся, ждет.

Я глубоко вздохнул, собираясь с духом. Отступать было нельзя.

— Не знаю, отец... Я вообще больше не хочу серьезно заниматься спортивной гимнастикой. Так, чисто для себя на снаряды и в школьный зал ходить буду, форму поддержать, но не более того.

Отец удивленно, исподлобья посмотрел на меня. В его глазах уже готово было вспыхнуть привычное разочарование — опять, мол, пацан от трудностей бежит, бросает начатое. Но я не дал ему вставить ни слова и быстро продолжил, сделав шаг вперед:

— Отец, я хочу у тебя разрешения попросить. Можно, когда у ваших хоккеистов тренировки заканчиваться будут и лед останется свободным, я стану выходить на каток? Просто покататься. Для себя.

Удивление на его суровом лице отразилось еще сильнее. Настоящее, неподдельное изумление. Хоккейный каток для Ивана Петровича был святыней, и то, что сын-«гимнаст» сам добровольно просится туда, ломало все его прежние обиды.

— Можно, сын... Почему же нельзя? Конечно, можно, — негромко ответил он.

И вдруг редкая, непривычно теплая улыбка легла на его жесткие губы. Шагнув ко мне, он крепкой, тяжелой ладонью коротко потрепал меня по волосам и, ничего больше не сказав, вышел из комнаты. Напряжение, царившее между нами годами, растаяло в одну секунду.

На следующий день я первым делом отыскал в кладовке свои старые коньки. Скептически осмотрев то убожество, которое в начале пятидесятых гордо именовалось коньками, я понял, что прыгать на этом режущем лед кошмаре из мягкой кожи невозможно. Завернув их в газету и прихватив школьную тетрадь со своими рисунками, я напрямик направился к дяде Йосе.

Дядя Йося был местной легендой — лучшим в Чите мастером-сапожником, который вручную шил и собирал коньки для взрослых хоккеистов. Мой приход его искренне удивил. Но еще сильнее старый мастер изумился, когда я развернул тетрадь и показал ему подробные эскизы фигурных коньков, профиль лезвий и принялся деловито, языком профессионального инженера-биомеханика выдавать инструкции:

— Дядя Йося, смотрите. Ботинки нужно сделать непривычно высокими — чтобы плотно держали голеностоп. Кожу берем натуральную, но максимально жесткую, в два слоя. Подошву тоже делаем многослойной, из плотной чепрачной кожи. Внутри обязательно нужно утеплить мягкой суконной материей или тонким цигейковым мехом. А лезвия... лезвия нужны из хорошей закаленной стали, с особым радиусом кривизны, зубцами впереди, и их обязательно нужно никелировать, чтобы не ржавели.

На все эти детальные объяснения старый сапожник поначалу смотрел с легкой, снисходительной усмешкой, как на очередную чудную блажь малолетнего ребенка. Но эта ирония

продолжалась ровно до того момента, пока я не перевернул страницу тетради и не выложил перед ним второй чертеж — революционные, анатомически выверенные коньки для хоккеистов с жестким стаканом и защитой ахиллова сухожилия, каких в одна тысяча пятьдесят втором году в СССР еще никто и в глаза не видел.

Дядю Йосю в ту же секунду будто подменили. Глаза старого мастера азартно загорелись, дыхание перехватило — я попал точно в его стихию. Он схватил тетрадь, придвинул к глазам настольную лампу и зашевелил губами, вчитываясь в мои пометки.

После долгих, жарких споров о толщине кожи и углах заточки, старик бережно прижал к себе тетрадь с рисунками. Смотря на них влюбленными, фанатичными глазами истинного ремесленника, он вынес вердикт:

— За две, максимум за три недели я пошью для тебя эти ботинки, парень. Будут как влитые.

— Дядя Йося, дорогой, а быстрее никак нельзя? — с надеждой спросил я. — Лед-то уже скоро встанет.

— Сынок, быстрее никак не выйдет, — ласково проворчал он. — Чертежи у тебя, признаю, просто замечательные, у самого руки чешутся начать. Но весь вопрос в лезвиях. Придется на Читинский паровозовагоноремонтный завод идти, к знакомым лекальщикам, чтобы из правильной инструментальной стали по твоим углам выточили и никелировали. Вот как они на ПВРЗ сделают, так сразу все и соберу. — Старик хитро прищурился из-под очков. — И я так понимаю, ты Ивану Петровичу эти чертежи еще не показывал?

— Нет, дядя Йося. Как в голове все сложилось, так сразу к вам и прибежал.

— Вот и помалкивай пока, — заговорщицки подмигнул сапожник. — Сделаем твоему отцу настоящий сюрприз. Он ведь у меня уже второй год просит придумать какие-нибудь хорошие, крепкие коньки для канадского хоккея, чтоб ноги не сбивать. Вот по твоим наброскам и сготовим.

Пожав друг другу руки — мою мальчишескую и его сухую, мозолистую, — мы разошлись, безумно довольные друг другом. Первые профессиональные коньки будущего для советского фигурного катания были запущены в производство.

Взяв под мышку сверток со старыми коньками и прихватив простенькую спортивную форму, я направился на стадион к отцу. Иван Петрович как раз тренировал детскую команду — мальчишек из семей военных летчиков, расквартированных неподалеку в гарнизоне.

Быстро переодевшись в тесной, пахнущей потом и сыростью раздевалке, я накинул плотную куртку и не спеша подошел к низкому деревянному бортику. За ним, поднимая тучи ледяной крошки, юные хоккеисты шумно заканчивали свою тренировку, гоняя по полю тяжелую каучуковую шайбу.

Отец, заметив мою фигуру у бортика, призывно махнул мне рукой. На его обычно суровом лице промелькнула редкая, открытая улыбка:

— Ну что, сын, готов? Возьмешь клюшку, шайбы? Давай к ребятам!

— Спасибо, отец, но можно я сегодня просто покатаюсь? — мягко отказался я. — Хочу сначала форму вспомнить, почувствовать ноги. Я ведь действительно давно здесь не появлялся.

Отец буквально расцвел от этих слов. Было видно, как глубоко внутри него теплится надежда вернуть сына на лед, поближе к хоккею.

— Ладно, катайся так. Минут тридцать-сорок у тебя точно есть в запасе, пока следующая группа пацанов не подойдет. Давай, обживайся.

— Спасибо.

Я глубоко вздохнул и ступил на лед. Примитивные штампованные лезвия старых коньков коснулись замерзшей поверхности. Я сделал аккуратное, пробное отталкивание и покатил вперед. Но иллюзия превосходства растаяла в ту же секунду. Тело слушалось из рук вон плохо

— оно казалось абсолютно чужим, жестким и деревянным. В моей взрослой памяти яркими вспышками сидели сотни сложнейших программ, музыкальных композиций и биомеханических схем прыжков будущего, но мышцы четырнадцатилетнего гимнаста просто не понимали этих команд.

Вдобавок под ногами отчетливо ощущались скрытые неровности и бугры. Лед на открытом читинском катке в пятьдесят втором году был далеко не пекинским: грязно-белый, скорее даже серый, крошащийся от ударов и излишне мягкий. Сцепление примитивных лезвий с такой поверхностью было вялым, непредсказуемым. Решив заложить крутой вираж и остановиться, я резко затормозил боком — и едва не растянулся во весь рост, комично замахав руками, словно испуганная бабочка крыльями. С огромным трудом, поймав баланс в последний момент, я все-таки устоял на ногах.

Иван Петрович, стоявший у бортика, удивленно и с явной тревогой смотрел на сына. Так неуклюже Влад ездил разве что года в пять, когда только-только учился держаться на коньках.

В этот момент сзади к отцу неслышно подошла Мария Николаевна — статная, строго одетая женщина, вокруг которой в Чите как раз объединялись немногочисленные пока любители фигурного катания.

— Иван Петрович, здравствуйте, — негромко произнесла она, кутаясь в пуховый платок. — А что это у тебя Влад сегодня чудит? Катается, прости господи, будто первый раз на коньки встал.

— Здравствуй, Мария, — тяжело вздохнул отец, не сводя с меня хмурого взгляда. — Может, слышала уже... Сорвался он с перекладины в школе, сильно затылком приложился. Пять дней в госпитале без памяти лежал. Наверное, координация нарушилась после такого удара. Вот попросился на лед, упрямый... А я теперь и сам не знаю, надо ли было вообще разрешать. Похоже, поторопились мы.

А тем временем на другом конце площадки, вдали от их разговоров, я медленно опустился на одно колено прямо посреди серого крошащегося льда. Наплевав на то, как это выглядит со стороны, я бережно положил обе ладони на холодную, шершавую поверхность и тихонько прошептал, здороваясь со льдом как со старым, преданным другом:

— Привет, приятель... Ну вот я и вернулся. Потерпи немного, мы еще покажем им всем, на что способны.

Как это ни удивительно, но ладони сквозь холодную корку отчетливо ощутили ответное, идущее из самой глубины тепло и безмолвное приглашение: «Давай, друг. Я ждался тебя».

Двое взрослых у бортика заворуженно смотрели, как мальчик тяжело, преодолевая слабость, поднялся на ноги, а затем сделал короткое отталкивание и покатил вперед.

Сначала он просто ехал по широкому кругу. Его затекшие, непослушные ноги постепенно, с каждым метром, оживали, обретая былую эластичность. Родная стихия брала своё: сердце Влада стремительно наполнялось яростным, пьянящим огнем, а руки непроизвольно порхали, ловя баланс. С каждым новым витком в его движениях проступала былая, выпестованная десятилетиями уверенность. Скольжение наливалось невероятной плавностью и скрытой мощью.

В какой-то момент, едва заметным микродвижением корпуса, он на полной скорости развернулся и пошел спиной вперед, закладывая идеальную дугу. При этом скорость его бега постоянно, лавинообразно росла. Два опытных тренера теперь физически не могли оторвать глаз от происходящего на катке.

Снова резкое, неуловимое для взгляда изменение направления движения — короткая перебежка, и парень стрелой несется вперед. И вдруг он прыгнул! Прямо из мощного разгона он взмыл в воздух: в высоком полете его ноги безупречно разошлись в идеальном поперечном шпагате, руки раскинулись, словно крылья, последовал резкий наклон корпуса вбок и филигранное, мягкое приземление на одну ногу с мгновенным переходом во вращение. Не давая

зрителям перевести дыхание — снова мощный прыжок вперед, заставивший тело на мгновение замереть в воздухе, подобно парящей в небесах птице. Очередное чистое приземление, стремительный разгон, у самого бортика — резкий разворот на спину и глубокий выезд назад-наружу с наружного ребра правой ноги. Хлесткий, акцентированный толчок зубцом левого конька, стремительное вращение в воздухе и глухое приземление на правую ногу.

Мария Николаевна от неожиданности громко вскрикнула, до боли сжав кулаки:

— Господи... Иван, твой Володя прыгнул тулуп!

А безумное движение на льду и не думало прекращаться. Скользя по длинной дуге назад, парень выполнил мощный толчок от внутреннего ребра левого конька, мгновенный разворот, яростный взмах свободной ногой в воздухе, два чистейших оборота — и приземление на наружное ребро, уходя в глубокое скольжение назад.

У Марии Николаевны перехватило дыхание, лицо побледнело:

— Да не может быть... Двойной сальхов!

А Володя уже летел дальше. Практически без подготовки, с ходу, лед под его коньком послушно зазвенел, выбрасывая тело в закрутку — идеальный, высоченный двойной лутц! И снова стремительное, плавное скольжение назад, спиной к ходу движения. Парень долю секунды балансирует на правой ноге, резко разворачивается лицом вперед, переходит на левую ногу, глубоко приседая на нее и заставляя лезвие врезаться в лед. Прыжок вперед! Мощный стопорящий толчок коньком, яростный выброс правой ноги вверх, два с половиной оборота в воздухе и безупречное приземление на правую ногу с выездом спиной вперед.

Мария Николаевна уже просто комментировала происходящее пересохшими губами, не веря собственным глазам:

— Двойной... двойной аксель... Этого просто не может быть, и я это вижу своими глазами...

Он на огромной скорости понесся к самому центру площадки. Короткий разворот, резкое, эффектное торможение боком — и из-под его лезвий в воздух взметнулся целый рой сверкающих ледяных искр. Парень замер, тяжело дыша, а на его лице сияла счастливая, торжествующая улыбка. Тело, пусть пока еще слабое и не тренированное, вспомнило лед.

Единственные два зрителя у бортика находились в состоянии глубокой, легкой прострации. Наконец, придя в себя, Иван Петрович и Мария Николаевна ошарашенно посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, быстрым шагом бросились наперерез парню, который уже медленно, на прямых ногах скользил к выходу с площадки.

Мария Николаевна первая подбежала к Володе, едва не поскальзываясь на присыпанном крошкой льду. Её глаза горели лихорадочным, фанатичным блеском.

— Володя... Володя, что это сейчас было?! — задыхаясь от избытка чувств, выдохнула она.

Я вежливо затормозил, слегка придерживаясь за деревянный бортик, и спокойно посмотрел на неё взглядом умудренного опытом мастера:

— Здравствуйте, Мария Николаевна. Это была моя будущая олимпийская медаль в фигурном катании.

Отец, только что подошедший следом, замер на месте в полном замешательстве. Его суровое лицо окаменело, а челюсть слегка двинулась — он явно не узнавал собственного сына. Мария Николаевна недоуменно переводила потрясенный взгляд с хоккеиста Ивана на школьника Володю, пытаясь осознать услышанное.

— Но я пока объективно не готов к серьезным выступлениям, — как ни в чем не бывало продолжал я, деловито оценивая состояние своих затекших мышц. — Мне нужно еще месяца два-три плотных, ежедневных тренировок. Вот тогда я буду полностью готов крутить на льду тройные прыжки.

— Володя... какие еще... тройные? — окончательно растерялась женщина, нервно поправляя пуховый платок. Для нее и двойные-то были пределом мечтаний.

— Обычные, Мария Николаевна. Тройные. Двойные я без проблем могу делать уже сейчас, базовой высоты прыжка от гимнастики мне вполне хватает. А вот наката и ледовой практики пока нет, тело должно привыкнуть. Ну а если всё пойдет хорошо, то со временем я и на четверной замахнусь. — Я почувствовал, как наваливается свинцовая усталость: молодой организм после госпиталя выдал слишком мощный выброс адреналина. — Вы простите меня, я сегодня немного устал. Если вы не против, я пойду домой, отдохну.

Последовало два абсолютно синхронных, ошарашенных молчаливых кивка. Повернувшись, я медленно побрел к дощатому выходу с площадки.

Дождавшись, пока моя фигура окончательно скроется в сырой полутьме коридора раздевалок, Мария Николаевна резко развернулась и гневно, с явным упреком уставилась на Ивана Петровича:

— Ваня! Как это понимать? А?! Мы тут с девчонками в секции по крупицам информацию собираем, пробуем по редким книжкам и чехословацким журналам элементы учить... А ты, оказывается, нагло скрываешь от города собственного сына-самородка?!

— Маш, да ты чего? — отец растерянно развел огромными руками, впервые в жизни оправдываясь. — Я сам, честное слово, ни черта не ожидал такого! Он как ушел с головой в свою гимнастику, так на коньки годами, можно сказать, вообще не становился. А тут... я сам в прострации, Маша. Такое вытворять после тяжелого сотрясения...

— Ладно, Вань... Что делать-то теперь будем? — уже мягче, но с затаенным азартом спросила она.

— Что делать... — Иван Петрович тяжело вздохнул, почесав затылок. — В Москву его везти надо, в Спорткомитет сдавать. Что еще остается с такими прыжками? Здесь мы его загубим.

— Какая Москва?! — Маша прикрикнула на него так, что пара воронов сорвалась с заснеженного тополя у катка. — Заберут же парня с концами, и поминай как звали! А нам самим в Чите такой алмаз нужен. Я лично со всеми начальниками в ОДО договорюсь, лед Володе будет в любое время, хоть по ночам! На область мы его выставим, я уверена — первое место железно будет за нами. А там, глядишь, и на чемпионат Союза замахнемся!

Отец недоверчиво хмыкнул, глядя на нее исподлобья:

— Маша, ну ты скажешь тоже... Вот так сразу — и чемпионат Союза? И первое место?..

В ответ Маша лишь выразительно посмотрела на него. И этот твердый, горящий взгляд забайкальской энтузиастки сказал всё куда лучше любых громких слов.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 4. Аплодисменты заказывали? Или Квартирник с последствиями.

От автора:Приветствую! 4-я глава уже на сайте. Нравится история? Обязательно поставь лайк и подписку!

И загляните в комментарии под книгой — я запустил там конкурс-угадайку с призом в виде бесплатной подписки на второй том. Жду ваши безумные теории! Приятного чтения!

Глава 4.

Две недели пролетели в бешеном, но упоительном ритме между домашними стенами и катком. Мой предшественник, как выяснилось из его личных архивов, всерьез увлекался написанием стихов. До Пушкина с Есениным пацану, конечно, было как до луны, но это юношеское хобби дало мне прекрасную легальную возможность. Теперь я мог совершенно открыто по вечерам закапываться в общие тетрадки и писать, писать и писать часами напролет, не вызывая подозрений у родителей. Память, подстегиваемая моим скрытым информационным даром, услужливо извлекала из будущего и переносила на пожелтевшие листы слова песен, ноты, целые музыкальные композиции, а главное — детальные схемы сложнейших программ, шагов и связок.

По субботним вечерам в нашей небольшой читинской квартире по старой советской традиции собирались соседи и близкие знакомые. В эти часы в доме неизменно царили музыка и смех. Мама с легкой королевской грацией садилась за тяжелое фортепиано, а мне в руки ложилась старая шестиструнная гитара. Мы подбирали аккорды, импровизировали, а гости дружно, в несколько голосов пели душевные романсы и популярные советские песни.

Одной из любимых добрых шуток в нашей компании всегда был я. Все взрослые прекрасно знали про моё «тайное» увлечение поэзией. Но на любые настойчивые просьбы гостей продекламировать хоть что-то из своего личного творчества прежний Володя обычно лишь краснел, смущенно улыбался и скромно отмалчивался. Тетради моего предшественника с его наивными юношескими виршами теперь были надежно убраны в самый дальний ящик стола. Их место законно заняли мои воспоминания о музыке и хореографии будущего.

Сегодня днем, как и всегда, я сначала плотно отзанимался на льду в гордом одиночестве, а затем остался на катке и принялся помогать Марии Николаевне с её подопечными. За последнюю неделю я стал замечать странную тенденцию: на мои личные тренировки у бортика собиралось всё больше и больше случайного народа. Люди специально приходили на стадион ОДО, превращая мою обычную раскатку в настоящие сольные выступления. Сказать, что это меня как-то сильно напрягало? Пожалуй, нет, к полным трибунам мне было не привыкать. Но это изрядно сдерживало. Мне категорически не хотелось раньше времени раскрывать перед праздной толпой все свои технические козыри. Хотя, с другой стороны, чистые, искренние эмоции замерзших читинских зрителей знатно подхлестывали к действию.

Едва закончились занятия секции и лед опустел, я подъехал к бортику, за которым переобувалась тренер.

— Мария Николаевна, у меня к вам есть одна большая просьба.

— Слушаю тебя, Володя, — она подняла на меня свои усталые, но теплые глаза.

— Вы простите меня за дерзость... Но мне сейчас жизненно необходимо заниматься одному. Без лишних глаз, без случайных зрителей, в абсолютной тишине. Скажите, возможно ли организовать это на нашем катке?

Мария Николаевна удивленно замерла, держа в руках конёк.

— Я, конечно, постараюсь переговорить с администрацией стадиона, Володя... Но ведь люди приходят сюда специально, чтобы просто насладиться твоим потрясающим катанием. Ты действительно хочешь вот так жестко взять и запретить им приходить?

— Но вы и меня поймите как профессионал, — я бессознательно перешел на свой привычный, веский тон взрослого тренера-деспота. — Мне нужно отрабатывать сложнейшие элементы, падать, ошибаться, искать баланс. Для этого нужна предельная концентрация. Я готов приходить сюда когда угодно: хоть самым ранним утром, до школы, хоть поздним вечером, при свете фонарей. А для желающих и прессы мы можем иногда устраивать специальные, открытые тренировки. И еще, Мария Николаевна, подумайте, пожалуйста, как тренер. Программа фигуриста — вещь сугубо индивидуальная, штучная. А на эти импровизированные трибуны приходят самые разные люди. Мне бы очень не хотелось, чтобы до официального выступления на области кто-то из конкурентов или спортивных чиновников подсмотрел и скопировал наши находки.

При упоминании профессиональной скрытности и конкуренции взгляд Марии Николаевны мгновенно изменился. Мои доводы попали точно в цель.

— Хорошо, Володя. Я организую тебе тишину, — Мария Николаевна понимающе кивнула, затягивая шнурки на своих ботинках. — Кстати, сегодня суббота, так что вечером я обязательно загляну к вам на посиделки. И когда мы уже наконец услышим нашего скромного поэта? Ладно-ладно, иди, не красней, вечером увидимся.

Придя домой, я ещё с порога услышал, как из кухни доносится аппетитный аромат домашних пирогов, а мама тихонько, вполголоса напевает какую-то старинную грузинскую мелодию.

— Мама, можно тебя отвлечь ненадолго? Мне очень нужна твоя помощь.

— Что-то случилось, сынок? — она обеспокоенно обернулась, вытирая руки о белоснежный фартук.

— Да нет, всё в порядке. Просто... хочу попросить тебя сегодня на вечере сыграть несколько моих вещей. Вы ведь с отцом и гостями всё время уговариваете меня показать хоть что-то, вот я наконец и решился.

Тамара Эрастовна замерла, одарив меня долгим удивленно-вопросительным взглядом.

— Пойдём-ка в твою комнату, — наконец мягко произнесла она. — Покажешь, что у тебя там за тайны.

В комнате мама присела на скрипучий стул у окна. Я достал из ящика стола одну из своих новых общих тетрадей, где плотным убористым почерком были записаны шедевры советской и мировой эстрады будущего, и протянул её маме.

Открыв первую страницу, Тамара Эрастовна будто выпала из реальности. Для всего остального мира её просто не стало. Она медленно листала страницу за страницей, её тонкие музыкальные пальцы непроизвольно порхали по краю стола, словно по невидимым клавишам фортепиано, считывая нотные знаки. Время от времени она испуганно отрывала взгляд от тетради, пристально, словно силясь разглядеть во мне чужака, смотрела мне в глаза, а затем снова торопливо возвращалась к партитурам.

Перевернув последнюю исписанную страницу, мама медленно, словно в прострации, поднялась со стула. Она подошла ко мне вплотную, крепко, до боли обняла за плечи и внезапно горько разрыдалась.

Кое-как успокоившись и всё ещё прерывисто всхлипывая, она заглянула мне в лицо:

— И вот это... вот это всё ты столько времени скрывал от нас?! Володя, у тебя хоть крупинка совести есть? Как можно было так поступать с собственными родителями? Это же... это поразительно!

— Мама, ну я же писал это исключительно для себя, — мягко соврал я, аккуратно поглаживая её по спине. — Просто слушал, как вы с отцом и друзьями рассказываете свои истории,

видел, как вы искренне переживаете, думаете о прошлом... Вот в голове само собой и сложилось то, что есть.

— У тебя же к каждой песне прикреплен идеальная партитура! — мама восхищенно покачала головой, бережно прижимая тетрадь к груди. — Ты расписал буквально всё, до малейшего аккорда. Я чувствую, ты ведь даже точно знаешь, как именно должна звучать вживую каждая из этих композиций. Сколько своих песен ты хочешь, чтобы люди услышали сегодня вечером?

— Десять. И в каком конкретно порядке они должны идти, я тоже прекрасно знаю. Поможешь мне, мам?

— Да я не просто помогу, сынок... Я с огромным, колоссальным удовольствием помогу тебе это исполнить! — Её глаза восторженно заблестели, а от недавней грусти не осталось и следа. — Живо к инструменту, идём репетировать!

В нашей большой комнате постепенно собирались гости — соседи, коллеги родителей по школе, друзья отца по стадиону. Каждый по старой доброй традиции приносил с собой что-то вкусненькое к общему столу: кто-то завернутые в газету теплые домашние пирожки с картошкой, кто-то баночку квашеной капусты с клюквой. Мужчины и женщины привычно рассаживались по своим излюбленным местам, предвкушая начало теплого субботнего вечера.

Когда наконец все были в сборе и компания уже готовилась к обычному, давно устоявшемуся времяпрепровождению с неторопливыми разговорами о хозяйстве, в комнату вошла мама. По её торжественному и немного взволнованному лицу сразу стало понятно: привычный график сегодня полетит к чертям.

— Дорогие гости, минуточку внимания, — звонко произнесла Тамара Эрастовна. — Сегодня у нас особенный вечер, поэтому мы немного изменим нашу традицию. Пожалуйста, берите свои стулья и рассаживайтесь полукругом вот здесь, поближе к фортепиано.

Гости, прекрасно знавшие твердый характер моей мамы и то, что со строгой преподавательницей музыки лучше лишний раз не спорить, без лишних вопросов задвигали ножками стульев и быстренько организовали импровизированный зрительный зал.

Мама с непривычно серьезным, почти сакральным видом опустилась на вращающийся табурет перед инструментом. На секунду в комнате воцарилась выжидательная тишина. Мама глубоко вздохнула, посмотрела на меня и едва заметно, ободряюще кивнула. Я крепче перехватил гриф старой шестиструнки и взял первый, чистый и глубокий аккорд.

Я, конечно, прекрасно понимал, что мой нынешний подростковый, неокрепший ломающийся голос четырнадцатилетнего подростка всё еще бесконечно далек от вокального идеала. Но, как говорят у нас на льду: надо — значит надо. Набрав в легкие побольше воздуха, я запел, а мамины пальцы мягко и слаженно подхватили мелодию на клавишах:

— С чего начинается Родина?

С картинки в твоем букваре,

С хороших и верных товарищей,

Живущих в соседнем дворе

В комнате мгновенно стало так тихо, что было слышно, как на кухне мерно капает вода из крана. Взрослые люди, прошедшие через страшную войну и голод, замерли, ловя каждое слово этой удивительно простой и пронзительной песни из далекого будущего. На лицах женщин проступило щемящее удивление, а мужчины подались вперед, не сводя с меня потрясенных взглядов.

Отец, Иван Петрович, сидел в углу, намертво вцепившись пальцами в подлокотники кресла. Его взгляд буравил меня насквозь. Не давая залу опомниться и перевести дух, мама резко, без паузы перешла на суровые, маршевые минорные аккорды. Гитара в моих руках отозвалась глухим, ритмичным боем, переходя к главной, самой тяжелой артиллерии:

— От героев былых времен

Не осталось порой имен.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей, травой
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь, нам завещанный одним,
Мы в груди храним

По щеке сидевшей в первом ряду Марии Николаевны беззвучно покатилась крупная слеза. Да и у остальных мужчин, чьи груди под пиджаками украшали ордена и медали за взятие Берлина и оборону Сталинграда, желваки на лицах заходили ходуном. Песня была наотмашь, точно в цель, выворачивая душу наизнанку.

И, не давая ошарашенным зрителям опомниться или издать хотя бы звук, мы с мамой слаженно перевернули страницу тетради и мгновенно продолжили наше невероятное выступление. Мама резко сменила тональность, клавиши фортепиано отозвались глухим, маршевым, окопным ритмом, а я приглушил струны гитары ладонью:

— А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты,
С войной покончили мы счеты,
С войной покончили мы счеты —
Бери шинель, пошли домой!..

Эти простые, пронзительные слова Окуджавы, которые в этой реальности должны были родиться лишь через пару десятилетий, заставили мужчин в комнате судорожно сглотнуть. «Из пехоты...» — здесь, в Чите, половина гостей знала, что такое сутками гнить в промерзших окопах.

Сделав крошечную, буквально в один удар сердца, паузу, мы перешли к вещам ещё более монументальным. Мама ударила по клавишам жестко, акцентированно, задавая тяжелый ритм наступающего батальона. Мой ломающийся подростковый голос окреп, наливаясь несвойственной возрасту мужской хрипотой:

— Здесь птицы не поют, деревья не растут,
И только мы, плечом к плечу, вырастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим!..

На припеве у соседа-дяди Коли, потерявшего под Кенигсбергом ногу, задрожали губы. Гости сидели не шелохнувшись, боясь даже вздохнуть. Царившая в комнате атмосфера была заряжена так, что, казалось, поднеси спичку — и всё вспыхнет.

Я дал себе секунду перевести дыхание. Мама закрыла глаза, и под её пальцами родилась тихая, светлая и невыносимо печальная, летящая мелодия. Я запел тише, почти шепотом, глядя куда-то сквозь побеленный потолок нашей читинской квартиры:

— Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей

Это был нокаут. Иван Петрович, мой суровый отец, медленно закрыл лицо огромными, натруженными хоккейными ладонями. Плечи этого негибачего человека, тренера детской команды, сейчас едва заметно вздрагивали. Он вспоминал своих павших товарищей-лётчиков.

Мария Николаевна тихонько всхлипывала, уткнувшись носом в пуховый платок. Песня про журавлей вывернула наизнанку каждого, кто сидел в этой душной комнате.

Короткое время на вдох-выход. Всего мгновение, чтобы утереть слезы, и я резко, с вызовом ударил по струнам, меняя трагический лад на жесткий, полузапретный окопный перебор. Надо было вытягивать мужиков из этой пучины скорби, возвращать им их настоящую, неприглаженную фронтовую правду:

— На горе, на горочке стоит колоколенка,
А с нее по полюшку лупит пулемет,
И лежит на полюшке сапогами к солнышку
С растакой-то матерью наш геройский взвод

Мужчины мгновенно вскинули головы. По залу прошел электрический ток. Эта песня, пахнувшая порохом, махоркой и неприкрытой, суровой правдой боя, окончательно сломала лед советского официоза. Дядя Коля коротко, одобрительно крякнул, а отец отнял руки от лица и посмотрел на меня совершенно иным — потрясенным, уважительным взглядом. Они признали во мне своего.

Мама ласково кивнула мне, её пальцы нежно коснулись клавиш, и над притихшей комнатой поплыл её чистый, звенящий от подступающих слёз голос:

— Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что — мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат
Сколько их в то дальнее село
Мальчиков безусых не пришло

В зале не осталось ни одного равнодушного человека. Женщины тихо утирали глаза уголками платков, а мужчины сидели замерев, со сложенными на коленях тяжелыми руками. Выдержав небольшую, звенящую паузу, мама приглушила аккорды и запела тише, доверительнее, словно обращаясь к каждому лично:

— Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры.
На пороге едва помаячили
И ушли — за солдатом солдат
До свидания, мальчики! Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад

И вновь наступила моя очередь. Я рванул струны, подхватывая мажорно-минорный лад, и мой ломающийся подростковый голос зазвучал с суровой, совсем не детской хрипотой:

— Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте

Мужчины в комнате начали непроизвольно подпевать — пока без слов, просто гудя в тон мелодии своими суровыми басами. Атмосфера в квартире ОДО накалилась до предела.

И вот, как говорят у нас, артистов, пришло время нанести заключительный, самый главный удар. Мы с мамой переглянулись, синхронно кивнули друг другу, и фортепиано вместе с гитарой взорвались мощным, торжественным и ликующим маршем. Я запел во весь голос, вкладывая в эти строчки всю силу своих легких:

— День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк.
Были вёрсты, обгорелые, в пыли —
Этот день мы приближали как могли!
Этот День Победы —
Порохом пропах,
Это праздник —
С сединою на висках,
Это радость —
Со слезами на глазах
День Победы!
День Победы!
День Победы!..

Удар удался на славу. Когда затих последний, вибрирующий аккорд гитары, в большой комнате воцарилась оглушительная, мертвая тишина. Никто не шевелился, никто не говорил ни слова. Некоторые из гостей — суровые фронтовики с орденскими планками на пиджаках — безмолвно плакали, даже не пытаясь прятать катящиеся по щекам слезы. Эта песня буквально раздавила и заново собрала их души, выдав им ту самую оду великому триумфу, которую они ждали целых семь лет после сорок пятого года.

Дядя Йося, сидевший ближе всех к инструменту, первый смог выдать из себя глухой, севший голос:

— Это... это что сейчас вообще было, голубчики?

Данный вопрос беззвучно застыл в глазах у каждого присутствующего. Все смотрели на нас с мамой как на блаженных или на пришельцев из другого мира.

Мама медленно встала из-за фортепиано, подошла ко мне, нежно приобняла за плечи и, обведя торжествующим взглядом притихшую комнату, тихонько произнесла:

— Вы же всё это время настойчиво просили у Володи, чтобы он почитал вам свои стихи, помните? Ну вот он наконец и решился. Только переложил их на музыку.

Сказать, что для притихших гостей это был сокрушительный удар ниже пояса — не сказать ничего. В большой комнате нашей читинской квартиры по-прежнему стояла полная, звенящая тишина. Люди переваривали услышанное.

И тут, как всегда, тишину нарушил дядя Йося. Он требовательно хлопнул ладонью по колену и хрипло выкрикнул:

— Спойте еще раз «День Победы»! С самого начала давайте!

На третий повтор великую песню будущего, со слезами на глазах и сорванными голосами, стоя пели уже абсолютно все — и суровые фронтовики, и плачущие женщины. А затем, когда аккорды затихли, нас наперебой принялись умолять повторить и другие композиции.

Когда страсти наконец немного улеглись и гости, тяжело дыша, опустились обратно на свои стулья, мы с мамой заговорщицки посмотрели друг на друга. Она едва заметно кивнула мне. Развернувшись корпусом к отцу, мама ласково улыбнулась и громко, на всю комнату сказала:

— А вот эту песню мы с Володей хотим отдельно подарить нашему самому любимому человеку. Нашему папе.

Отец удивленно вскинул голову. Я подмигнул ему, резко ударил по струнам, задавая быстрый, чеканящий и задорный ритм, а мама всю поддерживала меня мажорным, раскати-стым аккомпанементом:

— Звенит в ушах лихая музыка атаки,
Точней отдай на клюшку пас, сильнее ударь!
И всё в порядке, если только на площадке
Великолепная пятёрка и вратарь
Суровый бой ведёт ледовая дружина,
Мы верим мужеству отчаянных парней.
В хоккей играют настоящие мужчины —
Трус не играет в хоккей!
Трус не играет в хоккей!..

Мужики-хоккеисты в комнате буквально взревели от восторга, принявшись отбивать такт ладонями по столу. А сам Иван Петрович... Суровый, негибкий хоккейный тренер растерянно, с каким-то детским, ошарашенным благоговением смотрел на нас. Вокруг буше-вало веселье, а для него мир в эту секунду сузился до размеров нашей скромной комнаты. Он слушал гимн своей жизни, подаренный сыном, чьё увлечение и вечную любовь к писанию в тетради он ещё вчера считал пустой и бесполезной глупостью.

— Так, девочки, ну-ка шагом марш! Всё уже на столе остыло, — весело засуетилась мама, прерывая затянувшуюся паузу. — Дружно идём на кухню, разогреваем горячее, а потом Володя для нас ещё обязательно споёт. Мальчики, а вы тут пока не скучайте без нас!

Женщины шумной стайкой поднялись со своих мест и, оживленно переговариваясь, вышли из комнаты. Едва за ними закрылась дверь, в мужской компании воцарилась заговор-щицкая, чисто фронтовая атмосфера.

Дядя Сергей, сидевший ближе всех, подался вперед и хрипло, с надеждой попросил:

— Володь... спой ещё что-нибудь, пожалуйста. Пока девчат нет. Из такого... из нашего.

Взяв поудобнее гитару, я окинул взглядом эти жадные, горящие глаза взрослых, суро-вых мужиков. Усмехнувшись про себя, я подумал: «Ну что же, Николай Расторгуев и группа "Любэ", выручайте старика». И, жестко ударив по струнам, выдал им подряд, на одном дыха-нии: «Комбата», «Солдата» и пронзительную «Давай за нас». Мужики слушали замерев, боясь расплескать эту честную, суровую правду о воинской доле.

Когда затихли последние аккорды, я перевёл дух, посмотрел прямо в глаза дяде Серёже — кадровому военному пилоту — и тихо сказал:

— А вот это, дядя Серёжа, песня специально для вас и ваших сослуживцев-летунов.

Пальцы взлетели по грифу, выдавая яростный, ревущий, похожий на гул авиационного мотора аккорд. И я запел от лица боевой машины, срывая голос на честный, отчаянный хрип:

— Я — «Як»-истребитель, мотор мой звенит,

Небо — моя обитель!

Но тот, который во мне сидит,

Считает, что он — истребитель

У дяди Сергея от удивления аж сигарета из пальцев выпала на брюки. Он поспешно смахнул её, даже не заметив, как прожёт ткань. А гитара уже неслась дальше, закручивая зал в смертельный вираж новой, ещё более яростной песни Высоцкого:

— Я по совести указу записался в камикадзе!

С полной бомбовой загрузкой лечу.

В баках топлива — до цели, ну а цель — она в прицеле,

И я взять её сегодня хочу!

Рвутся нервы на пределе — погибать, так за идею!

И вхожу я в свой последний вираж.
А те, которые на цели, глядя ввысь, оцепенели —
Знают, чем грозит им мой пилотаж!..

Я ударил по струнам ещё жестче, переходя на яростный, глухой бой. Перегрузки взрослой песни буквально давили на мой подростковый ломающийся голос, заставляя его звучать по-фронтальному хрипло и страшно:

— Парашют оставлен дома
На траве аэродрома.
Даже если захочу — не свернуть.
Облака перевернулись,
И на лбу все жилы вздулись,
И сдавило перегрузками грудь.
От снарядов в небе тесно,
Я пикирую отвесно,
Исключительно красиво иду.
Три секунды мне осталось,
И не жаль, что жил так мало —
Зацветут мои деревья в саду!
Не добраться им до порта,
Вот и всё. Касаюсь борта,
И в расширенных зрачках отражён
Весь мой долгий путь до цели,
Той, которая в прицеле.
Мне взрываться за других есть резон!
Есть резон своим полётом
Вынуть душу из кого-то
И в кого-то свою душу вложить.
Есть резон дойти до цели,
Той, которая в прицеле,
Потому что остальным надо жить!..

Последний аккорд гитары не просто затих — он словно оборвался в крутом пике.

Это была не просто музыка, это был чистый адреналин воздушного боя, перенесённый в маленькую комнату читинской квартиры. Офицеры-авиаторы сидели бледные, намертво замерев, физически ощущая этот бешеный перегрузочный вираж, рёв мотора и вздувшиеся жилы на лбу в собственной груди. Строчки про «взрываться за других» и «потому что остальным надо жить» прошли этих суровых мужиков насквозь. Настоящие забайкальские лётчики молча пили эту песню, как чистый спирт, не в силах вымолвить ни слова от переполнившего их глухого, мужского потрясения.

В этот момент дверь приоткрылась, и из коридора потянуло умопомрачительным запахом разогретого жаркого. Дамы, как выяснилось, уже пару минут тихонько стояли на пороге, боясь шелохнуться и прервать наше сугубо мужское, суровое пике.

Заметив их притихшие, заворожённые силуэты в дверном проеме, я заговорщицки подмигнул отцу и дяде Сергею. Пора было срочно менять тяжёлый фронтальный лад на что-то светлое, лёгкое и весеннее.

— Ну а теперь, — громко, с улыбкой объявил я, — специальный музыкальный подарок для наших подслушивающих дам! Прошу к столу!

Мама понимающе улыбнулась, мгновенно подскочила к фортепиано, и под её пальцами родилась весёлая, искристая и невероятно задорная мелодия с лёгким зимним мотивом. Я с ходу подхватил этот летящий темп на гитаре, и мы запели:

— Сани с лета приготовь, приготовь,
Чтоб зимой не опоздать, опоздать.
Ведь с горы на гору хочет любовь
Все сугробы разметать!
А щёки словно снегири, снегири,
На морозе все горят, все горят.
Кто-то снова о любви говорит,
Уж который год подряд

Женщины восторженно ахнули, разом оттаивая после наших суровых песен про камикадзе. Они шумно занесли тарелки, рассаживаясь по местам, а их лица и впрямь порозовели, как те самые снегири на забайкальском морозе. Атмосфера в комнате мгновенно налилась уютным, домашним праздником.

Выдержав секундную паузу, чтобы гости успели сделать по глотку чая, я посмотрел на маму. Наш главный козырь на эту субботу был припасён напоследок. Тамара Эрастовна мягко закрыла глаза, и над комнатой поплыл хрустальный, глубокий и бесконечно нежный перебор клавиш. Я запел тихо, вкладывая в каждое слово всю душу, а мама вела эту божественную мелодию за собой:

— Я в глаза твои, как в зеркало, смотрюсь,
Отраженье потерять своё боюсь.
Не хочу, чтоб ты лишь гостем был
В сумраке ночей и в судьбе моей

На припеве мама подхватила меня своим чистым, профессиональным вторым голосом. Наши голоса идеально переплелись под потолком читинской квартиры, заставляя хрустальные подвески на старой люстре едва заметно вибрировать от этого мощного звукового потока:

— Я люблю тебя, как любят в жизни раз,
Словно солнца в мире не было до нас.
От забот и мелких ссор ты меня увёл
И ключи от счастья для меня нашёл, для меня нашёл
Любовь, похожая на сон,
Сердец хрустальный перезвон.
Твоё волшебное «люблю»
Я тихим эхом повторяю.
Любовь, похожая на сон,
Счастливым сделала мой дом,
Но вопреки законам сна,
Пускай не кончится она!..

Когда мы взяли финальный, затихающий аккорд, за столом воцарилась полная, благоговейная тишина. Женщины сидели замерев, со слезами счастья на глазах, абсолютно покорённые этой невероятной, космической по своей красоте музыкой. Даже выдавшая виды Мария Николаевна сидела потрясённая, судорожно сжимая в руке носовой платок. Володя Ворон в этот вечер окончательно и бесповоротно перевернул представление всех близких о том, на что способен обычный четырнадцатилетний мальчишка.

Но этот паразит внутри меня успокаиваться не хотел — кураж накатил такой, что остановить этот музыкальный локомотив было уже невозможно! Женщины едва успели перевести дух от «Люби, похожей на сон», как я резко, весело перебросил гитарный ремень и выдал

упругий, шагающий дворовый ритм. Мама мгновенно поймала моё хулиганское настроение и рассыпала по клавишам легкие, прыгающие аккорды:

— Девушка по городу шагает босиком,
Девушке дорогу уступает светофор.
Сверху улыбается воздушный полевой,
Девушка в ответ ему кивает головой
А где-нибудь за городом идет весенний лед,
Девушке навстречу расступается народ.
Девушка по Пушкинской на Лиговский в обход,
Следом по каналу проплывает пароход!..

За столом началось настоящее оживление — гости принялись улыбаться, дядя Сергей стал отстукивать ритм вилкой по фужеру, а дамы задвигали плечами в такт этой удивительно солнечной, питерской по духу песне.

Не давая им опомниться, мы с мамой плавно перешли на светлую, парящую классику. Мой ломающийся голос вдруг поймал ту самую звонкую, чистую пионерскую ноту, от которой у Марии Николаевны по спине побежали мурашки:

— В юном месяце апреле в старом парке тает снег,
И крылатые качели начинают свой разбег.
Позабыто всё на свете, сердце замерло в груди,
Только небо, только ветер, только радость впереди!..
Взмывая выше ели, не ведая преград,
Крылатые качели летят, летят, летят!

Люди в комнате сидели с такими просветленными, чистыми лицами, словно их разом вернули в самое беззаботное детство. На этой волне абсолютного единения мы с мамой завели композицию, которая для меня, человека из XXI века, была главным пророчеством:

— Слышу голос из Прекрасного Далёка,
Голос утренний в серебряной росе.
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель
Прекрасное Далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко — жестоко не будь!
От чистого истока в Прекрасное Далёко,
В Прекрасное Далёко я начинаю путь

Это было до слез пронзительно. Строчки про «чистый исток» и «прекрасное далёко» в сталинской Чите одна тысяча пятьдесят второго года звучали как молитва о будущем — о том светлом времени, ради которого эти люди воевали и восстанавливали страну.

И, наконец, чтобы окончательно закрепить этот триумф и оставить послевкусие доброй, светлой сказки, гитара заиграла ласковый, убаюкивающий мотив, а гости начали тихонько и дружно подпевать:

— Медленно минуты уплывают в даль,
Встречи с ними ты уже не жди.
И хотя нам прошлое немного жаль,
Лучшее, конечно, впереди!
Скатертью, скатертью дальний путь стелется
И упирается прямо в небосклон.
Каждому, каждому в лучшее верится...
Катится, катится голубой вагон!

Когда затих последний аккорд, я аккуратно опустил гитару на колено. В комнате стояла оглушительная, благоговейная тишина. Я обвёл взглядом присутствующих, глубоко вздохнул и тихо, со всей искренностью, на которую был способен, произнес:

— И этой последней песней я хочу от всего сердца поблагодарить...

Я остановился и тепло, с глубоким сыновним уважением посмотрел на своих родителей — на маму и на отца.

Я тепло, с глубоким сыновним уважением посмотрел на своих родителей — на маму и на отца. Перехватив поудобнее гриф гитары, я взял тихий, щемящий аккорд. Мой ломающийся голос зазвучал негромко, но в этой звенящей тишине его слышал каждый:

— Я отпил у взрослой жизни рано,
А вот сейчас бы убежать, в детство убежать
Как хочу к тебе прижаться, мама,
И папе тайны рассказать, тайны рассказать.
Вы простите мне разлуки грешность —
Время закрутило, занесло
Пусть хранят ваш дом любовь и нежность,
Они из детства моего, детства моего.
Помолимся за родителей, за всех живых и небожителей,
И в час, когда станет холодать, их души свечами согреем.
Помолимся за родителей, ангелам нашим, хранителям,
Помолимся, и когда-нибудь помолятся дети за нас

Эти слова, шедшие из самой глубины души старика, запертого в теле мальчишки, буквально перевернули комнату. Гости сидели оглушённые. Иван Петрович судорожно сглотнул, не сводя с меня широко раскрытых глаз, а по лицу мамы уже вовсю катились крупные, блестящие слёзы. Но я не дал им утонуть в этой лавине грусти. Подмигнув маме, я резко перешёл на светлый, парящий кавказский мотив.

Эту потрясающую песню она, как и все в комнате, видела и слышала впервые в жизни. Но её грузинское сердце мгновенно отозвалось на каждую ноту.

— Мама, а это — лично для тебя! Моя новая вещь! — звонко выкрикнул я и запел на её родном, певучем языке, бережно извлечённом из глубин моей информационной памяти:

— ნეტავ სად არის კიდეც ცა,
უძიროდ ლურჯი, ხალასი,
სწორედ ისეთი, როგორც შენია.
ნაიარევი წარსული,
ნანგრევი ნარიყალასი,
ჭადარასავით შემოგრენია

Мама от удивления и восторга счастливо вскрикнула — сын написал невероятный, монументальный гимн её родному городу, о существовании которого в одна тысяча пятьдесят втором году ещё никто на земле не подозревал!

А я без паузы перешёл на русский текст:

— Такой лазурный небосвод
Сияет только над тобой,
Тбилиси, мой любимый и родной!
И Нарикала здесь стоит,
Как память прошлых тяжких бед,
Твою главу венчая сединой.
Расцветай под солнцем, Грузия моя,
Ты судьбу свою вновь обрела.

Не найти в других краях таких красот,
Без тебя и жизнь мне не мила

Когда затих последний, вибрирующий под потолком аккорд, в комнате повисла оглушительная, густая тишина. Даже вечно ворчливый дядя Йося сидел не шелохнувшись. Понимая, что эмоциональный лимит на сегодня исчерпан, я мягко улыбнулся и шутливо поклонился притихшему залу:

— Дорогие зрители, наш спонтанный концерт по вашим заявкам подошёл к концу. Мы с мамой искренне прощаемся с вами до следующих творческих встреч и сердечно благодарим за ваше ангельское терпение. До новых встреч на нашем скромном огоньке!

По комнате тут же прокатился гул разочарованных и недовольных криков — мужики и дамы требовали продолжения банкета, умоляя спеть что-нибудь ещё. Но Тамара Эрастовна мгновенно и решительно взяла бразды правления в свои чуткие руки. Она с весёлой строгостью захлопнула крышку фортепиано и поднялась с табурета:

— Так, товарищи артисты и дорогие гости, отставить шум! Время — уже третий час ночи. Нашей талантливой молодёжи давно пора спать. Ну а мы, старички, ещё вполне можем посидеть. Тем более, из-за Володиных талантов все совершенно позабыли, что праздничный стол у нас накрыт, но до сих пор толком не тронут! Так что все дружно, без разговоров, идём за стол!

Гости со смехом и шутками потянулись к тарелкам. Мама ласково подошла ко мне со спины, крепко, с безграничной материнской гордостью обняла за плечи и тихонько прошептала на ухо:

— Иди отдыхай, родной... Ты настоящий гений, Володя. Написать такое про наш Тбилиси... Потрясающий, просто великолепный вечер. Спасибо тебе, сынок.

Я благодарно поцеловал её в тёплую щёку и, воспользовавшись всеобщей суматохой у стола, потихоньку, незаметно для остальных сбежал в свою тихую комнату. Тело ныло от усталости, но внутри меня горело абсолютное, чистое торжество.

Едва за мной закрылась тяжелая дверь спальни, в большой комнате поднялся настоящий переполох. Взрослые буквально накинлись на растерянную, но счастливую маму:

— Тамарочка! Ну и как это понимать, а? Столько лет скрывала от нас такого гения, такой невероятный талант!

— Да не поверите вы мне! — оправдывалась Тамара Эрастовна, прижимая руки к груди. — Володя только сегодня, прямо перед вашим приходом, робко попросил меня подыграть ему на фортепиано. Я как открыла его общую тетрадь, как увидела эти партитуры — всё, оторваться уже не могла. А эта его «Баллада о матери»... У меня до сих пор сердце разрывается, как вспомню.

Все присутствующие в комнате дружно и согласно закивали головами, утирая заблестевшие глаза.

Дядя Сергей, кадровый офицер-летчик, решительно рубанул ладонью воздух:

— Ну что, дорогие родители, готовьтесь. Я до понедельника точно не выдержу! Завтра же с самого утра пойду прямиком к Николаю Николаевичу, нашему начальнику гарнизона. Будем на самом высоком уровне решать, что с Володиёй делать. Такие песни, товарищи, нужно всей стране со сцены петь, а не на читинских кухнях скрывать!

Тут старый сапожник дядя Йося, не выдержав общего накала, вдруг подскочил со стула и опрометью бросился в темный коридор. Через секунду он шумно вернулся, держа в руках увесистый, шуршащий газетный кулёк.

— Тьфу ты! С этим вашим великим концертом я совсем из ума выжил, чуть не забыл, зачем вообще пришёл и какие подарки принёс! — ворчал старик, дрожащими от волнения пальцами разворачивая пожелтевшую правдинскую газету.

Он с глухим стуком бережно выложил на праздничный стол три пары новеньких, пахнущих свежей кожей коньков совершенно невиданного, футуристического вида. Лезвия из читинской инструментальной стали, покрытые тонким слоем никеля, ярко блеснули в лучах одинокой лампы.

— Вот... Сделал всё в точности так, как Володя на своих чертежах нарисовал, — гордо выдохнул мастер. — Ваня, гляди, вот эти тяжелые, с высоким задником — это для тебя, хоккейные. А вот эти, изящные, с меховым подкладом и зубцами впереди — это для Володеньки.

Отец, Иван Петрович, замер. Он медленно взял в свои огромные ладони новые хоккейные коньки будущего и растерянно, с немим шоком крутил их так и эдак, бережно ощупывая жесткий стакан и анатомическую защиту ахилла.

— Да чего ты их в руках крутишь, как дикарь? На лёд в них надо, на лёд! — весело прикрикнул на него дядя Йося. — Эх, Ваня, ты бы видел, какие этот сорванец мне рисунки новой формы для твоих хоккеистов набросал! Вот там — настоящая красота, а уж как защита суставов продумана... Космос! Передай Володе, когда проспится, что эти коньки — мой личный подарок за его сегодняшние песни.

Дядя Сергей внимательно выслушал сапожника, а затем снова повернулся к хозяевам дома:

— Я думаю, все здесь присутствующие единогласно согласны, что Володиные песни должны услышать люди на больших концертах. Тамара, ты чего на меня так смотришь? Не согласна, что ли?

— Согласна я, Серёженька, конечно согласна, — тихо и со вздохом ответила мама, ласково поглаживая ладонью голенище новых фигурных коньков сына. — Но есть один важный момент. Ты, Серёжа, человек военный, от мира писателей и музыкантов далёк. Чтобы эти песни у него не украли, всё это добро надо везти в Москву, в ВУОАП, и официально зарегистрировать авторские права. И вот тут как раз кроется огромная проблема. Володе ведь всего четырнадцать лет, он несовершеннолетний школьник. Как ты думаешь, советская бюрократия позволит ему вот так легко и просто защитить свои права в столице?

— Хм... Об этом-то я как-то не подумал, — дядя Сергей озадаченно почесал затылок, но тут же хитро прищурился: — Но погоди! Есть у меня в Москве один очень важный товарищ в Спорткомитете. Он за две Володиные песни — за «Камикадзе» и про хоккеистов, которые мы сегодня услышали — думаю, любые двери в ВУОАПе с ноги откроет. Как-никак, мы с ним в одной эскадрилье служили, до сих пор в Москве иногда получается вместе посидеть. Слушай, Йося, а ты мне прямо сейчас две пары таких же точно коньков будущего для хоккеистов сможешь сготовить? Я сам лично на следующей неделе решу вопрос с окружным руководством и вместе с Володей в Москву полечу! Обеспечу парню прикрытие!

Дядя Йося в ответ лишь страдальчески всплеснул руками и выдал своё коронное, чисто одесское:

— Ой, ну вот всегда так! У бедного старого еврея последнее с мясом заберут! Осталось у меня на складе всего две пары хорошей чепрачной кожи, так и те сейчас без ножа отберут!

Дружный, громовой хохот уфимских и читинских гостей был ему единогласным ответом. Напряжение окончательно спало.

Дальше застольный разговор сам собой сошёл на обычные домашние темы, звенели рюмки, пахло пирогами, и только под самое утро, когда за окнами уже забрезжил холодный забайкальский рассвет, уставшие, но безумно счастливые родители наконец-то легли спать.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 5. Марьяна Роцца принимает вызов (Отказ от хоккея и первый шок Всеволода Боброва).

Глава 5.

Я так и не узнал, кому именно, что и какими словами рассказывал дядя Серёжа в это воскресенье. Но факт оставался фактом: уже ранним утром в понедельник мы с мамой стояли у строгого серого здания КПП военного аэродрома. В руках у нас было по небольшому чемоданчику, за спиной у меня висел походный рюкзак, а на плече на брезентовом ремне покоилась завернутая в плотную ткань шестиструнная гитара. Мы терпеливо ждали нашего проводника.

Наконец тяжелая дверь пропускного пункта распахнулась, и к нам вышла группа высших офицеров. Возглавлял её дядя Серёжа. Сейчас он был при полном параде, в идеально отутюженной синей летной форме. Вся его грудь была плотно закрыта рядами боевых орденов и медалей, а над ними ярко и гордо горела золотым огнем медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. При виде этого монументального великолепия я невольно проникся к нашему соседу глубочайшим уважением — на фронте дядя Серёжа явно спуску врагам не давал.

После короткого, официального знакомства с дежурным по части нас оперативно провели вовнутрь охраняемой зоны и усадили в армейский «козлик» ГАЗ-67. Машина с ревом рванула по бетонным плитам напрямиком к взлетной полосе.

Нас подвезли к стоявшему чуть поодаль двухмоторному самолёту. Это был легендарный военно-транспортный Ли-2, рабочая лошадка советской авиации тех лет. Возле него о чём-то весело переговаривались и смеялись лётчики в кожаных куртках. Завидев приближающийся автомобиль, они мгновенно подобрались. От группы отделился командир экипажа. Он четко приложил руку к козырьку фуражки и доложил:

— Товарищ полковник, экипаж к выполнению специального рейса полностью готов!

Затем пилот с явным, нескрываемым любопытством скользнул взглядом в мою сторону и с легкой улыбкой спросил:

— Это, получается, и есть наш особо ценный пассажир с личным грузом?

Дядя Серёжа веско и согласно наклонил голову.

— Он самый, капитан. Проходите в салон, — повернулся полковник к нам с мамой.

— Сразу честно предупреждаю: на высоте будет собачий холод, отопление у нас тут условное. Так что не стесняйтесь, внутри на лавках лежат теплые овчинные тулупы. Закутывайтесь по самые уши, и полетели. Нам до промежуточного аэродрома часов пять пилить.

Погрузились мы споро и без суеты. Едва заняв жесткие металлические сиденья вдоль борта, я натянул на себя огромный, пахнущий овчиной и порохом тулуп, а дядя Серёжа заботливо набросил сверху еще парочку. К слову, мою гитару тоже бережно, как младенца, замотали в толстую меховую шкуру, чтобы от перепада температур не повело деревянный гриф.

Как только Ли-2 с натужным ревом оторвался от читинской земли и набрал высоту, по металлическому салону тут же загулял ледяной сквозняк. Ситуацию усугублял монотонный, оглушающий гул поршневых двигателей. Понимая, что поделать ничего нельзя, я укутался в спасительные тулупы буквально с головой, закрыл глаза и, поддавшись укачивающей тряске, сам не заметил, как провалился в глубокий, безмятежный сон. Молодой организм после госпиталя и бурной субботы требовал восстановления.

Разбудил меня крепкий толчок в плечо. Дядя Серёжа аккуратно тряс меня за край мехового воротника. До посадки, судя по изменившемуся, более низкому звуку работы моторов, оставалось минут пятнадцать.

— Ну-ка, малец, просыпайся, — весело загудел полковник в ухо. — Давай, приводи себя в божеский вид. Нас на земле встречать будут серьезные люди, а ты сонный, как сурок после спячки.

Встреча на земле прошла на самом высшем уровне, какой только можно было представить. Моё зрелое, далеко недетское сознание, повидавшее в прошлой жизни немало мировых арен, сейчас должно было перенести колоссальный, запредельный стресс. Прямо у трапа самолёта нас ждала строгая группа высокопоставленных офицеров во главе с молодым, подтянутым генералом в сине-голубой шинели ВВС. Но стоило этому генералу повернуться к нам лицом, как я на мгновение полностью потерялся во времени и пространстве. Земля буквально ушла у меня из-под ног. К личной встрече с самим Василием Иосифовичем Сталиным я объективно готов не был.

Пока я лихорадочно приходил в себя, дядя Серёжа уже вовсю по-мужски обнимался с Василием — они явно были старыми боевыми товарищами по летному делу.

Генерал-лейтенант Сталин отстранился, перевёл свой острый, цепкий взгляд на меня и с вызовом прищурился:

— Ну что, молодёжь, дядя Серёжа говорит, ты у нас феномен. Удивишь боевых летунов?

— Удивлю, Василий Иосифович, — твёрдо ответил я, глядя ему прямо в глаза и мгновенно беря себя в руки. — Обязательно удивлю.

— И чем же? — Сталин усмехнулся, затягиваясь папиросой. — Своими чудо-песнями?

— Песни — само собой. Но сначала я могу научить ваших знаменитых хоккеистов правильно на коньках стоять, биомеханику им поправить. А вот после тренировки можно будет и спеть.

Дружный, раскатистый хохот офицеров штаба ВВС был мне мгновенным ответом. Шутка дерзкого мальчишки им явно пришлась по душе. В этот момент сзади аккуратнo подошла мама, вежливо поздоровалась и представилась по форме.

Василий Иосифович тут же преобразился, галантно козырнул и открыто улыбнулся:

— Тамара Эрастовна, не переживайте. Вас сейчас на штабной машине с комфортом отвезут в лучшую гостиницу округа, отдыхайте с дороги. Ну а мы с вашим молодым человеком прямо отсюда съездим на каток. Поглядим в деле, чему эта молодёжь собирается учить мастеров. Сева! — крикнул он стоявшему чуть поодаль легендарному Всеволоду Боброву. — А ты давай, готовься, настраивай ребят! Гонять вас сегодня будут, чувствует моё сердце!

Новый взрыв дружного смеха сопровождал его слова. Настоящий Бобров лишь хмыкнул, азартно поправив кепку.

— Благодарю вас, Василий Иосифович, — мягко отозвалась мама. — Я действительно немного устала от перелёта, с огромным удовольствием воспользуюсь вашим предложением и отдохну.

— За сына даже не беспокойтесь, Тамара Эрастовна. Мы за ним присмотрим как за родным.

— Спасибо. Я вам верю.

Сталин размашисто махнул рукой, и к трапу тут же с тихим шуршанием покрышек подогнали вереницу новеньких представительских автомобилей ЗИС. Рассевшись по машинам, мы оперативно разъехались в разные стороны.

В просторном и роскошном салоне генеральского ЗИСа Василий Иосифович с Серёжей увлечённо вспоминали какие-то свои старые фронтовые вылеты и общих знакомых. Я же тем временем прильнул к стеклу, жадно разглядывая послевоенную сталинскую Москву. Она была совершенно, абсолютно не похожа на ту огромную, неоновую и высотную столицу из XXI века, которую я помнил по своей прошлой жизни. Здесь ещё пахло дровяным дымом, по улицам катили редкие «Победы» и троллейбусы-МТБ, а люди ходили в строгих суконных пальто.

— Ну, как тебе Москва, Владимир? — неожиданно прервал мои мысли Сталин, повернувшись с переднего сиденья.

— Красивая... Как и всегда, Василий Иосифович, — искренне выдохнул я. Моя секундная оговорка — это мысленное «всегда», выдавшее во мне гостя из будущего — к огромному счастью, пролетела мимо ушей взрослых.

— Это да, — удовлетворенно кивнул генерал, зажигая новую папиросу. — Москва у нас всегда красивая.

— Василий Иосифович, а куда конкретно мы сейчас едем? — поинтересовался я, поправляя рюкзак, где лежали коньки от дяди Йоси.

— В Марьину Рощу, — с хитрой, азартной улыбкой произнес Сталин. — Там у нас каток с искусственным льдом. Вон, сзади в машинах ребята из команды ВВС вместе с Бобровым едут, у них вся форма при себе. Вот там, на месте, ты их и поучишь скольжению. Покажи им класс.

— Что ж, ВВС ваши — это хорошо, — деловито, чисто по-тренерски кивнул я в ответ. — Им в этом сезоне всё равно чемпионами Союза быть. Так что нужно прямо сейчас показывать, как лучше и эффективнее играть на высоких скоростях, чтобы золото не упустить.

Василий с Сергеем одновременно разулыбались, и полковник весело толкнул генерала в плечо:

— Видишь, командир, какого я тебе уникального тренера из самой Читы привез? Парень даже на сто процентов уверен, что твои летуны в этом году чемпионами станут! Каков пророк, а?

Но сразу после этих слов веселье в салоне как-то резко, в одно мгновение оборвалось. Оба офицера внезапно замолчали и очень тяжело, пристально и внимательно посмотрели на меня через зеркало заднего вида. Слишком уж не по-детски прозвучала моя фраза о чемпионстве, как непреложный, заранее известный факт.

А я что? А я ничего. Сделал самое невинное мальчишеское лицо и продолжил как ни в чём не бывало смотреть в окошко на мелькающие московские переулки. Дальше до самой Марьиной Рощи мы ехали в гулкой, напряженной тишине, а мужчины время от времени бросали на меня настороженные, косые взгляды. Чёрт его знает, что там дядя Серёжа успел нарасказать Василию Сталину про мои пророческие песни и ледовые кульбиты, но почва для подозрений явно была подготовлена знатная.

Прогулка от места, где припарковались наши ЗИСы, до здания катка проходила медленно. Несмотря на то что на дворе стоял разгар рабочего понедельника, на улицах Марьиной Рощи было многолюдно. Прохожие мгновенно узнавали шествовавшего впереди Василия Сталина и шедших следом звёздных игроков ВВС. Люди то и дело замедляли шаг, оборачивались, уважительно здоровались, а некоторые посмелее подходили ближе и искренне желали команде новых громких побед в чемпионате.

Пока мои визави неторопливо раскладывали свои тяжёлые баулы в просторной генеральской раздевалке и готовились к выезду, я времени терять не стал. Быстро переоделся, достав из рюкзака простые спортивные штаны и шерстяную курточку. Затем бережно извлёк на свет хоккейные коньки, сработанные гениальными руками читинского сапожника дяди Йоси, и принялся их надевать. Всеволод Бобров, застёгивая щитки, краем глаза заметил необычную форму ботинок и лезвий. Он молча подошёл ближе и принялся очень внимательно, с профессиональным прищуром наблюдать за тем, что я делаю. На этих коньках был и жесткий стакан, и высокая защита голеностопа — невиданная роскошь для советского спорта начала пятидесятых.

Надевая и плотно шнуруя коньки, я мимоходом посмотрел по сторонам и, словно бы ни к кому конкретно не обращаясь, негромко спросил:

— А на лёд уже можно выйти? И ещё... я бы хотел клюшку попросить с шайбой. Своих из Читы привезти не догадался.

Бобров, продолжая буравить меня и мои диковинные коньки пристальным взглядом, что-то неразборчиво пробурчал себе под нос, а затем резко развернулся к раздевалке:

— Юра! Пантюхов, а ну поди сюда. Дай молодому человеку запасную клюшку и шайбу, пускай покрутится, побегаёт малость. — Великий Сева хитро ухмыльнулся и добавил: — Да и сам давай, зашнуровывайся поживее. Против него сейчас на лёд выйдешь. Смотри только, не зашиби мальчика с горяча, аккуратнее там.

Минут через десять на идеально гладкий искусственный лёд вальяжно, поигрывая плечами, выкатился Юрий Пантюхов. Сделав пару эффектных, размашистых кругов, он с лёгкой снисходительностью обратился к стоявшему у бортика Боброву:

— Михалыч, мне как действовать? Сразу у него шайбу отобрать, а потом пускай попробует у меня её забрать? Что за упражнение?

— Давай, Юра, делай как знаешь. Начинай, — махнул рукой Всеволод Михайлович.

Юрий, победно улыбаясь, только-только собирался вальяжно покатиться в мою сторону, как я, не дожидаясь его атаки, неувловимым движением кисти сам хлётко отпасовал ему шайбу точно в крюк.

Столичный хоккеист принял этот подарок, но не успел он даже толком её обработать, как я на сумасшедшем стартовом ускорении коршуном налетел на него. Короткий финт, резкий подбой клюшки снизу — и я тут же, на глазах у всей команды, вчистую обокрал мастера спорта.

Пару секунд Пантюхов с абсолютно непонимающим, ошарашенным видом смотрел на свою пустую клюшку, а затем, густо покраснев от обиды, яростно бросился за мной вдогонку.

Следующие минуты две все присутствующие в манеже — включая замершего у бортика Василия Сталина — заворожённо смотрели, как у лучшего нападающего ВВС решительно ничего не получается. Я закладывал такие крутые виражи на своих коньках будущего, так резко тормозил и уходил в стороны на противоходе, используя мышечную память взрослого тренера, что Юрий лишь рассекал воздух. Отобрать у меня шайбу в одиночку он физически не мог.

Бобров первым не выдержав этого позора, громогласно рявкнул на весь каток:

— Лёва! Мишин, на лёд живо! Помоги уже Юрке поймать этого шустрого читинского чертяку!

Защитник Лев Мишин пулей выкатился из калитки и, заложив корпус, с ходу понёсся прямо на меня по правому флангу. С другого боку, тяжело дыша и злясь на самого себя, на меня увлечённо летел Пантюхов. Они зажимали меня в классические хоккейные «клещи». Но я просчитал их траекторию на три шага вперёд. В самый последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, я резко затормозил, пропуская их инерцию мимо себя. И, как и ожидал, хоккеисты, не доехав до меня буквально полметра, на полной скорости со всего маху врезались друг в друга.

Громкий, раскатистый хохот всей команды ВВС и самого генерала Сталина эхом разлился по пустой площадке.

Тяжело, кряхтя поднявшись со льда и потирая ушибленные бока, Юра и Лёва о чём-то сердито переговорили между собой, а затем медленно разъехались в разные стороны, теперь уже совершенно иначе — настороженно и с огромным уважением — поглядывая на четырнадцатилетнего Володю.

Я с легкой усмешкой перевел взгляд на Боброва у бортика:

— Михалыч, смотри! Вот как на самом деле надо играть.

С этими словами я хлётким щелчком снова послал шайбу Юрию Пантюхову. На этот раз, уже изрядно наученный горьким опытом, нападающий принял её максимально собранно и мгновенно, по-профессиональному надёжно, укрыл её от меня своим мощным корпусом. Но меня это не смутило. Всего два мощных, взрывных толчка лезвиями — и я на приличной скорости плечо в плечо жестко встречаю его.

Не ожидавший от четырнадцатилетнего мальчишки такой взрослой, литой плотности и идеального баланса, мой оппонент потерял равновесие и картинно распластался на льду. А я, спокойно подхватив бесхозную шайбу крюком, неспешно направился в сторону Лёвы Мишина. Защитник, разъярённый падением товарища, словно разъярённый бык, на полной скорости понёсся прямо на меня, собираясь впечатать наглеца в борт.

Я не стал уклоняться. За долю мгновения до неминуемого столкновения я резко, пружинисто присел, занижая центр тяжести и принимая всю массу летящего Лёвы на своё плечо, а затем с коротким кряхтением резко выпрямился. Потеряв всякую опору под ногами, Лёва буквально взмыл ввысь. Сделав в воздухе эффектный, безумный оборот и чуть не зацепив меня своими начищенными коньками, он с глухим стуком приземлился спиной на лед. Классическая, безупречно исполненная «мельница» из будущего.

Весь каток в Марьиной Роще мгновенно замер. В манеже повисла гробовая, звенящая тишина.

Бобров, чьё внимание было обострено до предела, вдруг заметил, что за этой фантастической сценой с трибуны внимательно наблюдает какой-то случайный парень в красно-белом шарфе. Спартаковский шпион! Среагировал великий Сева молниеносно, зычно прикрикнув на всю арену:

— Так, ну-ка, молодёжь, живо поднимаемся со льда! И все ко мне, быстро!

Когда мы с потирающими ушибы хоккеистами подъехали к бортику, Всеволод Михайлович ошарашенно посмотрел на замершего рядом генерала Сталина и молча, с глубоким уважением протянул ему руку.

Василий Иосифович криво усмехнулся, крепко пожал протянутую ладонь Боброва и, косясь на меня со смесью восторга и подозрения, обратился к моему дяде Сергею:

— Уделали вы нас, полковник... Вчистую уделали на нашем же льду. Ну что, Серёж, веди своего самородка. Теперь — за гитару? Послушаем, какие он там песни поёт.

— Василий Иосифович, за гитару ещё рано, — спокойно возразил я, расстёгивая куртку. — Вы погодите. Я сейчас коньки сменю и покажу вам всем, зачем я на самом деле сюда из Читы приехал.

За моей процедурой переодевания — когда я бережно убрал хоккейные коньки и достал те самые изящные фигурные ботинки от дяди Йоси, с меховым подкладом и острыми зубцами на лезвиях — затаив дыхание, уже смотрели абсолютно все присутствующие на стадионе.

Дядя Сергей протянул мне дымящуюся металлическую кружку с горячим чаем:

— На, согрейся малец перед выходом.

— Спасибо, дядя Серёж, но давайте через пару минут. Сейчас сначала программу отка-
таю, пока мышцы горячие, — мягко отказался я.

Ступив на лед, я сделал несколько быстрых кругов по площадке Марьиной Рощи, привыкая к совершенно иной биомеханике и смене коньков. Фигурные лезвия от дяди Йоси сидели идеально. Набрав скорость, я выехал на самую середину пустого катка, сделал лёгкий, благородный поклон в сторону замершего у бортика генерала Сталина, выпрямился и замер.

Терпеть не могу кататься в гробовой тишине, без музыки — в такие моменты всегда кажется, будто из проката выдрали саму душу. Но делать было нечего. Я мысленно запустил в голове ритм и заскользил. Для начала — простенькая, черновых набросков короткая программа.

Ну что же, мастера, смотрите. Включаем «задний ход», глубокое наружное ребро, резкий толчок зубцом — и я легко взмываю в воздух на безупречный тройной тулуп! Чистейшее приземление на одну ногу и без малейшей паузы, с ходу — каскадом сложнейший двойной риттбергер. И снова плавное, скоростное движение назад. Переходим к тяжелой артиллерии: прыжок с внутреннего ребра, три стремительных витка в воздухе — тройной лутц, приземление и сразу же в связке двойной флип.

Теперь нужно показать им дорожку шагов. Я полетел по катку, выписывая безумные спирали, выкрутки и вращения, заставляя Боброва судорожно вцепиться в бортик. И, наконец, завершающий, коронный аккорд. Глубокий присед, разбег лицом вперед, яростный толчок — и я буквально взлетаю под самый потолок манежа. Три с половиной оборота в воздухе! Безумный тройной аксель! Филигранное приземление, быстрый промежуточный шаг-ойлер и мгновенный выезд на тройной сальхов!

Последнее волчковое вращение с бешеным ускорением — и резкий, эффектный стоп с фонтаном ледяных искр.

Фух... Откатал. Тяжело дыша, я вытер пот со лба. Вроде бы даже чистенько получилось для этого тела.

В манеже на несколько мгновений повисла мёртвая, парализованная тишина. А затем Марьяна Роща буквально взорвалась громом яростных аплодисментов. Хоккеисты ВВС кричали и свистели, не скрывая дикого восторга.

Я ещё раз вежливо поклонился льду и неторопливо поехал к ожидающей меня у бортика ошарашенной группе.

— Ну вот, — улыбнулся я, принимая кружку. — Вот теперь можно и горячего чаю попить, и за гитару взяться.

Спокойно, без суеты сняв фигурные коньки в раздевалке и вернувшись в свитере, я сделал пару глотков и посмотрел на притихших хоккеистов. Взяв в руки шестиструнку, я резко ударил по струнам, задавая чеканный спортивный марш:

— Исполняется специально для команды ВВС. Эта песня звучит в Москве впервые в истории. «Гимн хоккеистов»!

— Звенит в ушах лихая музыка атаки,
Точней отдай на клюшку пас, сильнее ударь!
И всё в порядке, если только на площадке
Великолепная пятёрка и вратарь
Суровый бой ведёт ледовая дружина,
Мы верим мужеству отчаянных парней.
В хоккей играют настоящие мужчины
—Трус не играет в хоккей!
Трус не играет в хоккей!..

Пока в манеже стояла оглушительная, благоговеющая тишина и мастера переваривали эти фантастически точные слова про «великолепную пятерку», я заговорщицки подмигнул Сталину и сразу же продолжил:

— А для боевых лётчиков ВВС и лично для товарища генерал-лейтенанта — ещё одна песня!

И яростный, ревуший аккорд гитары, похожий на запуск поршневого двигателя, расколол тишину катка, переходя к бессмертной балладе Высоцкого:

— Я — «Як»-истребитель, мотор мой звенит,
Небо — моя обитель!
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он — истребитель...

«А вот теперь, Володя, тебя эти суровые мужики точно на руках носить будут...» — промелькнула в голове весёлая мысль, едва я перевёл дух после финального аккорда «Истребителя».

И пока над притихшим ледовым манежем в Марьиной Роще ещё стояла звенящая, ошарашенная тишина, из толпы хоккеистов, активно работая локтями, вперёд пробился невысокий плотный мужчина. Судя по его строгому цивильному пальто и интеллигентному лицу, это

был кто-то из спортивного руководства ВВС или ведущих методистов округа. Он смотрел на меня так, словно перед ним только что приземлилась летающая тарелка.

— Молодой человек... Вольдемар... или как вас там? — заикаясь от избытка чувств, выдавил он из себя. — А вот то, что вы сейчас только что показали на льду... Все эти немыслимые обороты, шаги... Это как? Это из какой вообще науки?!

Я лишь понимающе улыбнулся, глядя на его круглые от шока глаза, и снова мягко перебрал струны гитары. «Ну что же, спасибо замечательной поэтессе Анне Соколовой за её песню из будущего, — подумал я про себя. — Думаю, её строчки — это сейчас самый лучший, самый исчерпывающий ответ для этих людей».

И над замершим московским льдом, под тихий, хрустальный перебор шестиструнки, поплыл мой негромкий, но удивительно чистый голос:

— Как только касаются лезвия льда,
Я словно во власть волшебства попадаю.
Скользить так легко — я как будто летаю,
И этот полёт манит сердце сюда
Узоры на хрустальном полотне
Рисую, как в последний раз,
И на трибунах не осталось, нет,
Холодных душ и глаз.
Мечту свою вовеки не предаю,
Трудом открою все замки,
И снова принесут победу нам
Фигурные коньки!..

Последний аккорд мягко растаял под высокими сводами манежа. Мужчина в пальто так и остался стоять с приоткрытым ртом, медленно переваривая эти пронзительные слова о верности своей ледовой мечте. Володя Ворон в этот день окончательно и бесповоротно заставил всю спортивную элиту Москвы поверить в невозможное.

Вот теперь, когда все присутствующие в манеже замороженно смотрели на меня, можно было со спокойной совестью попросить ещё одну чашечку горячего чая. Погрев ладони о металл, я сделал последний глоток и бережно зачехлил шестиструнку.

— Прошу прощения, товарищи, но пальцы уже совсем замёрзли, — мягко улыбнулся я хоккеистам. — Концерт на этом мы, пожалуй, будем заканчивать.

Подхватив в одну руку свой походный рюкзак с коньками от дяди Йоси, а во вторую — гитару, я неторопливо пошёл в сторону выхода, к ожидавшей нас веренице ЗИСов. Однако далеко уйти мне не удалось. Сталин, Сергей и Бобров мгновенно догнали меня у дверей и, взяв в плотное, своеобразное кольцо, вместе со мной направились к машинам. Никакой вальяжности в их движениях больше не было — они шли рядом с равным.

Едва мы захлопнули тяжелые двери просторного генеральского авто и машина плавно тронулась с места, Василий Иосифович развернулся ко мне с переднего сиденья. Он протянул свою открытую ладонь и глухим, сорванным от нахлынувших эмоций голосом произнес:

— Спасибо за «Як»-истребитель, Володя. До печёнок проняло.

Всеволод Бобров не остался в долгу. Его огромная, мозолистая ладонь тут же веско легла поверх наших:

— И за хоккей спасибо, парень. Сильнее слов я в жизни не слышал.

Дядя Сергей, загадочно улыбаясь, аккуратно протянул мне обратно гитару:

— А теперь, Володенька, давай за Победу. И о матери — пожалуйста. Сделай милость для фронтовых друзей.

Сталин и Бобров непонимающе уставились сначала на полковника, а затем на меня. Они ведь ещё не знали, какие козыри остались в моей тетради. Ну а мне что оставалось делать в такой компании? Только петь, выворачивая душу наизнанку.

— Ну что ж... — я покрепче перехватил гриф, приглушил струны и тихонько тронул меланхоличный, плачущий аккорд. — Тогда всё же начну с «Баллады о матери».

Мой ломающийся подростковый голос зазвучал в замкнутом пространстве машины удивительно камерно и пронзительно:

— Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что — мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат
Сколько их в то дальнее село
Мальчиков безусых не пришло...

В салоне ЗИСа стало нечем дышать. Василий Сталин намертво замер, уставившись в лобовое стекло, а его пальцы, сжимавшие папиросу, заметно дрожали. Всеволод Бобров опустил голову, тяжело вздыхая в такт мелодии. Песня о материнской вере и боли послевоенных лет безжалостно резала по живому.

Не давая им окончательно погрузиться в эту пучину скорби, я сделал короткий вдох-выдох и перешёл к своей самой любимой песне. Я резко ударил по струнам, и салон автомобиля заполнился торжественным, ликующим и одновременно щемящим маршем великого триумфа:

— День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк.
Были вёрсты, обгорелые, в пыли —
Этот день мы приближали как могли!
Этот День Победы —
Порохом пропах,
Это праздник —
С сединою на висках,
Это радость —
С слезами на глазах
День Победы!
День Победы!
День Победы!..

Дальнейший путь до гостиницы ВВС прошел в полной, оглушительной тишине. Ни Василий Сталин, ни Всеволод Бобров больше не проронили ни слова — они сидели, глубоко погруженные в свои мысли, переваривая услышанные песни будущего. Тяжелый генеральский ЗИС плавно шуршал покрышками по московскому асфальту, унося нас прочь от катка в Марьиной Роще.

И только когда автомобиль мягко затормозил у парадного входа в массивное сталинское здание гостиницы, Василий Иосифович медленно повернулся ко мне. Он внимательно, уже без тени былой генеральской снисходительности, посмотрел мне прямо в глаза и тихо спросил:

— Ну хорошо, Володя... Песни твои я услышал, катание и приемы на льду увидел. Теперь скажи мне прямо: что конкретно ты хотел предложить лично мне?

Я аккуратно опустил гитару в чехол, застегнул рюкзак с коньками от дяди Йоси и спокойно, с уверенностью опытного тренера-деспота ответил:

— Василий Иосифович, предложение у меня простое. Давайте этой зимой заберем для СССР золотые медали чемпионатов Европы и мира по фигурному катанию. А параллельно — прямо сейчас начнем готовить ваших ребят из ВВС, чтобы на ближайшем чемпионате мира по хоккею в пух и прах разнести канадцев и взять мировое золото.

Сталин на секунду опешил от такой космической наглости, а затем на его лице проступила горькая, но азартная усмешка. Он покачал головой:

— Да-а... Совсем скромная молодёжь у нас в Чите пошла, как я погляжу. Задачи планетарного масштаба ставишь, парень. Но... я тебя понял. Я очень хорошо подумаю над твоими словами и решу, что мы можем сделать на самом верху. А теперь — иди. Хорошего отдыха тебе, Володя. Маме привет.

— Спасибо, Василий Иосифович. До свидания.

Попрощавшись с генералом, Бобровым и дядей Сергеем крепким кивком, я толкнул тяжелую дверь автомобиля. ЗИС плавно тронулся с места, увозя потрясенное спортивное руководство округа, а я перехватил рюкзак поудобнее и уверенным шагом направился внутрь гостиничного вестибюля, навстречу ждущей меня маме. День в Москве определенно удался. Колеса истории были запущены.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 6. Космическая спираль смерти.

Гостиничный номер, который нам выделили по личному распоряжению Василия Иосифовича, поражал воображение. Он состоял из трех просторных, высоких комнат, до потолка утопающих в тяжелой лепнине, позолоте и каком-то вычурном номенклатурном показушничестве, столь характерном для ведомственных люксов той эпохи. Мама от такого великолепия пришла в полный, неподдельный восторг, а мне, если честно, было абсолютно всё равно. В своей прошлой жизни я повидал сотни пятизвездочных отелей по всему миру, так что удивить меня бархатными портъерами было трудно. Остаток вчерашнего вечера прошёл спокойно: мы спустились в роскошный ресторан на первом этаже, плотно, со вкусом поужинали настоящими столичными деликатесами, и на этом безумный день наконец-то закончился. Стоило мне добраться до постели и коснуться головой подушки, как я мгновенно провалился в глубокий сон.

Утро встретило меня непривычной для Москвы тишиной. Немного полежав на мягких простынях, я отчетливо понял, что затекшие бока и молодой организм уже вовсю требуют физического действия. Терять форму было непозволительной роскошью. Поэтому — немедленно поднимаемся, делаем короткую изометрическую разминку прямо на ковре и выскакиваем на утреннюю пробежку. Тише воды высользнув из номера, чтобы не разбудить маму, я на цыпочках сбежал по парадным ступеням вниз и под немым, глубоко изумлённым взглядом заспанного усатого швейцара выбежал из дверей гостиницы в прохладный московский рассвет.

Минут через сорок, хорошенько пропотев и разогнав кровь по жилам, я вернулся. Входя в холл, я сразу заметил, что на меня с нескрываемым интересом и каким-то пугающим удивлением смотрят несколько человек в одинаковых серых плащах, тихо о чём-то шушукаясь между собой. Загадка такого странного внимания разрешилась сама собой, едва я, взбежав по лестнице на свой этаж, приблизился к нашему люксу.

Прямо у входа в номер, на жестких стульях, сидели двое крепких мужчин кавказской наружности в строгих штатских костюмах. При моем появлении они синхронно подобрались и удивлённо уставились на мою взмыленную физиономию:

— Эээ... молодой человек, а вы, собственно, куда это направляетесь? — со строгим, веским акцентом спросил один из них, заступая мне дорогу.

— Доброе утро, — спокойно выдохнул я, вытирая пот со лба. — Я вообще-то проживаю в этом номере. Вместе с мамой.

Они ошарашенно посмотрели друг на друга, затем перевели взгляд на массивные круглые часы, висящие на стене коридора, потом снова уставились на меня и дружно, скорее утверждая, чем спрашивая, констатировали:

— Спортсмен, значит?

— Можно и так сказать, — усмехнулся я. — Я с утренней пробежки.

Они вновь переглянулись, синхронно и как-то очень тяжело вздохнули, после чего освободили проход:

— Ладно, проходи, спортсмен. Тебя там внутри уже заждались.

Войдя в прихожую номера, я тут же услышал доносящиеся из гостиной знакомые голоса мамы и дяди Сергея. На секунду заглянув в приоткрытую дверь, я поприветствовал их:

— Доброе утро! Я в душ быстро, смою дорожную пыль, и сразу к вам.

И, не дожидаясь их ответа, я стремительно направился в свою комнату, чтобы переодеться и забрать чистые вещи. Нас определенно ждал очень важный и долгий разговор.

Из-за двери ванной донёсся весёлый мамин голос:

— Серёж, ну я же тебе говорила! Он просто на пробежку убежал, а ты сразу панику развёл: «Умыкнули, умыкнули!» Кому он нужен в шесть утра?

— Ну кто его знает, Тamarочка, твоего сына... От него теперь чего угодно ожидать можно.

Дальнейшую их пикировку я уже не слушал, так как с огромным удовольствием залез под горячие струи душа, смывая с себя остатки утренней усталости.

Выйдя из ванной комнаты, я быстро прошёл к себе, переоделся в чистую отутюженную рубашку, аккуратно привёл себя в надлежащий вид и только после этого чинно прошествовал в просторную гостиную. На массивном круглом столе, покрытом накрахмаленной скатертью, уже дышал жаром накрытый завтрак на три персоны. Две из них — мама и дядя Серёжа — терпеливо сидели на своих местах, поджидая меня. Стоило мне опуститься на тяжелый дубовый стул, как взрослые молча, словно по команде, приступили к трапезе. Особого желания отставать от них у меня не было, аппетит после сорока минут бега по московским переулкам разыгрался зверский, так что я с большим энтузиазмом принялся уничтожать столичные припасы.

И только когда мама разлила по чашкам крепкий ароматный чай из большого пузатого самовара, оба взрослых синхронно отложили приборы и уставились прямо на меня.

А я что? Я тут абсолютно ни при чём. Сажу себе спокойно, пью горячий чай с пышными сдобными плюшками, никого не трогаю, примус починая. Я медленно обвёл их самым невинным, непонимающим взглядом, безмолвно спрашивая: «Ну чего вы опять хотите от маленького, незащищенного мальчика?»

Оба, не сговариваясь, тут же залились искренним, звонким смехом.

— Ну я же тебе, Серёжа, говорила! — сквозь смех покачала головой мама. — Он сейчас обязательно начнёт делать из себя невинную овечку. Лицо такое честное-честное, будто он ничего не делал и знать ничего не знает!

— Это точно, Тамара, — ухмыльнулся полковник, придвигая к себе чашку. — Сидит как ни в чём не бывало, словно и не он вчера в Марьиной Роще таких делов наворотил, что у нас весь округ на ушах стоит.

Недолго думая, я решил разрядить обстановку и, сохранив самую серьёзную, каменную мину, ляпнул цитату из любимого фильма своего будущего:

— А что, простите... И церковь шестнадцатого века тоже я развалил?

Мама с дядей Серёжей от неожиданности аж привстали со своих мест, едва не опрокинув фарфоровые блюда. Полковник вытаращил на меня глаза:

— Какую ещё церковь развалил?! Володька, ты когда её развалить-то успел, на пробежке своей, что ли?!

Удерживая маску абсолютной серьёзности, я преспокойно продолжил гнуть свою линию. Мои собеседники, родившиеся в первой половине двадцатого века, разумеется, понятия не имели о кинокомедиях Гайдая, поэтому приняли мою шутку за чистую монету.

— Да вот на входе в гостиницу эти двое в штатском меня караулили, строго так спрашивали: зачем, гражданин Ворон, церковь развалил? Кому мешала?

Мама первая сообразила, что её четырнадцатилетний сын просто водит их за нос. Она не выдержала и громко рассмеялась, всплеснув руками:

— Ах ты паразит! Он же издевается над нами, Серёж, посмотри на него! Чистой воды комедию ломает!

— А чего вы сразу на меня вдвоём набросились? — я картинно надулся, отправляя в рот кусок плюшки. — С самого утра поджидают, смотрят как на допросе в МГБ. Так ведь и заикой стать недолго на всю жизнь.

— Нет, Тамара, ты погляди, он ещё и права качает! — весело покачал головой дядя Серёжа, но тут же посерьёзnel, подавшись вперёд. — Ладно, шутки в сторону, Володя. Ситуация на самом деле аховая. После твоего вчерашнего бенефиса на искусственном льду все московские спортивные общества — и «Динамо», и «ЦДКА», и «Спартак» — Москву вверх дном переворачивают! Ищут, где это Василий своего нового секретного игрока прячет. А главные наши мэтры фигурного катания, Глязер с Новожиловой, уже до самого командующего ВВС

дошли! Напрямую требуют, чтобы Сталин своего новичка от общественности не скрывал. Требуют, чтобы ты на официальном просмотре показал своё мастерство перед комиссией.

Я задумчиво отхлебнул чаю. Имена зазвучали весомо.

— Значит, Самсон и Лариса меня, получается, ищут... Интересно.

Дядя Серёжа от удивления чуть ложку в стакане не разбил. Он ошарашенно переглянулся с мамой:

— Тамара, ты слышала?! Он ещё и наших великих фигуристов по именам запросто называет! Самсон, Лариса... Будто всю жизнь с ними на одном катке тренировался! А вот хоккеисты, я гляжу, ему вообще не нужны, даже бровью не повёл.

— Дядя Серёжа, в хоккей я играть не буду, — твёрдо отрезал я, аккуратно поставив чашку на блюдце. — Я уже говорил об этом отцу, повторил вчера Боброву и вам. Если команде ВВС действительно надо — я помогу. Приду на тренировку, расскажу тактику, покажу наглядно, как улучшить скольжение и биомеханику шага. Но сам на лёд с клюшкой в официальных матчах не выйду. С хоккеем покончено.

Полковник ВВС ошарашено покачал сидящей головой:

— И вот ты прямо так, в глаза, и скажешь об этом самому Василию Иосифовичу?

— Так я ему ещё вчера это сказал, — спокойно пожал я плечами. — И моё решение уже ничто не поменяет. Моё предложение Сталину остаётся прежним: золото на европейском и мировом первенствах по фигурному катанию уже этой зимой.

— На меньшее он, видите ли, не согласен! — всплеснула руками мама, но в её голосе уже звенела скрытая гордость. — Золото ему подавай, сразу и всё!

— Мама, на сегодняшний день то, что я вытворяю на льду, в мире не делает вообще никто. Ни у нас, ни за рубежом. Поэтому — только золото, без вариантов.

Дядя Серёжа внимательно всмотрелся в моё каменное лицо, вздохнул и развёл руками:

— Спорить с тобой, как я успел понять, дело абсолютно бесполезное.

Я лишь молча развёл руки в стороны, подтверждая его правоту. Спорить с профессиональным тренером-деспотом из XXI века действительно было глупо.

— Тогда план действий у нас на сегодня такой, — полковник деловито постучал пальцем по столу. — Тамара, ты, если хочешь, можешь спокойно погулять по Москве, пройтись по торговым магазинам. Один сопровождающий из комендатуры округа будет неотлучно следовать за тобой. И даже не спорь, это личное распоряжение Василия. Безопасность превыше всего. Ну а мы с этим нашим юным, но изрядно упрямым дарованием к двенадцати часам дня поедem обратно на каток. Пусть парень раскатается, разомнёт кости. Ты как, Володя, согласен?

— А вот с этим я согласен на все сто, — азартно кивнул я. — Только у меня к вам будет огромная встречная просьба, дядя Серёжа. Нам для тренировки жизненно необходим магнитофон. И несколько конкретных музыкальных произведений. Я сейчас набросаю на листке список, каких именно. — Я повернулся к матери: — Мама, а ты как? Гулять пойдёшь или с нами на лёд поедешь?

— Я, пожалуй, пройду по городу, — задумалась Тамара Эрастовна, аккуратно складывая салфетку. — Да и в ВУОАП мне обязательно надо сегодня заглянуть. Хочу сама, из первых уст разузнать, какие документы и заявления понадобятся для официальной регистрации твоих песен. Так что, мальчики, на каток сегодня давайте без меня.

— Договорились, — Серёжа поднялся со стула, поправляя портупею. — Володь, пиши давай, что тебе там из техники и музыки требуется. Попробую поднять свои связи в округе, поискать этот твой магнитофон. И помни: без меня из номера ни одной живой душой не высываться! Понял?

Дождавшись, пока я быстрым почерком набросаю на вырванном из блокнота листке свои технические «хотелки», Сергей веско махнул нам на прощание рукой и стремительно вышел из люкса.

— Ну, я тоже пойду собираться, — мама ласково потрепала меня по затылку. — А ты будь умницей, сиди в номере и жди полковника.

И, даже не дожидаясь моего послушного ответа, она поспешила к себе в комнату наводить марфет перед выходом в город.

Оставшись в абсолютном одиночестве посреди огромной позолоченной гостиной, я подошёл к окну. За стеклом шумела утренняя Москва. Мне действительно было над чем хорошенько подумать — начиная от того, какую именно программу собирать под грядущие чемпионаты, и заканчивая самым главным, фундаментальным вопросом: а нужно ли мне всё это вообще? Стоит ли игра свеч?

Внутренний ответ на это «надо ли» пришёл мгновенно, заставив сердце забиться чаще. Однозначное, бесповоротное — ДА! Я вернулся на лёд не для того, чтобы просиживать штаны в неизвестности. Значит, отставляем сомнения. Думаем и просчитываем, что именно мы сегодня катаем на глазах у изумленной Москвы.

Ровно через час тяжелая дубовая дверь люкса снова распахнулась. На пороге появились двое — дядя Серёжа и сам Василий Иосифович. Коротко и по-военному кивнув в знак приветствия, они по-хозяйски, с видимым удовольствием расселись в глубоких кожаных креслах гостиной. Всё-таки правительственная гостиница ВВС держала марку — мебель здесь была отменной.

Василий Сталин, не теряя времени на пустые церемонии, сразу же пошёл в лобовую атаку:

— Ну что, Владимир, давай начистоту. Как я успел понять из утреннего доклада Сергея, ты окончательно и бесповоротно решил, что в хоккей играть не будешь?

— Абсолютно точно, Василий Иосифович, — твёрдо ответил я, прямо встретив его тяжёлый генеральский взгляд.

— Тогда объясни мне, парню из пехоты, я искренне не понимаю: чего конкретно ты вообще от меня хочешь? Зачем тебя сюда привезли?

— Я предлагаю вам историческую сделку, — спокойно произнёс я, подавшись вперёд. — Давайте вы лично возглавите нашу советскую спортивную делегацию на грядущих чемпионатах Европы и мира по фигурному катанию уже в этом сезоне. Со своей стороны я даю вам стопроцентную тренерскую гарантию: наше появление на мировом льду произведёт грандиозный фурор. Если международное судейство окажется хотя бы относительно адекватным, все первые места будут безоговорочно за нашей страной. И естественно... — я сделал весомую паузу, — мы обязаны прямо сейчас заявить сборную СССР по хоккею на битву за мировое чемпионство. Подождите, пожалуйста, не перебивайте меня! — твёрдо вскинул я руку, заметив, как генерал открыл рот. — Я прекрасно понимаю, что у наших ребят сейчас критически мало опыта игр против канадских и европейских профессиональных клубов. Но ведь когда-то надо начинать это делать! Я на сто процентов, наперёд знаю: советские хоккеисты очень скоро будут безоговорочно задавать тон на всех ледовых площадках планеты!

После моего горячего, чересчур уверенного выступления в роскошной гостиной повисла гулкая, звенящая пауза. Офицеры молча переваривали мою дерзость. Пользуясь моментом, я нанёс главный удар:

— И самое главное, Василий Иосифович. Весь этот мировой триумф должен пройти под прямой эгидой вашего родного общества ВВС. Скажу вам без малейшего преувеличения: на сегодняшний день в Советском Союзе вы — один из лучших, если не самый лучший спортивный менеджер. Вам и карты в руки.

Сталин от неожиданности едва папиросой не поперхнулся. Он уставился на меня, округлив глаза:

— Кто я? Кто-кто? Менеджер? Это ещё что за матерное слово такое?

— Менеджер — это по-капиталистически управленец, — весело пояснил я, ничуть не смутившись. — Человек, умеющий собрать вокруг себя мощный коллектив и способный добиваться с этим коллективом самых высоких, казалось бы, недостижимых целей. Ну или, если выражаться понятнее, можно смело сказать, что вы — полноправный владелец одного из лучших и самых сильных спортивных обществ в мире.

Генерал ошарашенно повернулся к полковнику, на его лице проступила азартная, довольная усмешка:

— Серёжа, ты только посмотри на этого читинского наглеца! Меня, советского генерала, взял и к капиталистам в открытую причислил! Но... черт меня дери, приятно ведь говорит, что ни говори, а приятно. — Василий Иосифович затушил папиросу в пепельнице и веско добавил: — Обещать с ходу ничего не могу, Володя. Вопрос сложный, политический. Но я очень крепко подумаю над твоими словами. Очень крепко. Ладно, Сергей, что мы там ему в итоге привезли из материальной части?

Дядя Серёжа виновато улыбнулся и развёл руками:

— Володя, с портативным магнитофоном прямо сейчас, в этот момент, на складах округа не сложилось — дефицитная техника. Но мы без подарка не пришли. Ребята из комендантуры доставили целую стопку хороших пластинок, на катке есть радиорубка, так что порядок. Сумели отыскать для тебя «Шторм» Вивальди, классические «Очи чёрные» и даже зажигательную кавказскую «Лезгинку». Подойдёт для твоих тренировок?

— Потрясающе! Спасибо огромное, это даже больше, чем я рассчитывал, — искренне обрадовался я. В голове сразу начали выстраиваться схемы хореографии под мощные аккорды Вивальди. — Тогда давайте прямо сейчас быстро послушаем, что за записи вы привезли, и можно будет немедленно выдвигаться. Кстати, на сколько времени нам сегодня удастся каток в Марьиной Роще занять?

Василий Иосифович хитро прищурился и покровительственно улыбнулся:

— Часа чистого льда тебе для начала хватит? Если покажешь класс и этого покажется мало — сделаю ещё, не переживай. Каток в моём полном распоряжении.

— Ну вот! А вы ещё спорите со мной, Василий Иосифович, доказываете, что вы не самый лучший и всемогущий руководитель в этой стране, — я ненавязчиво, по-доброму подмигнул сыну вождя.

— Нет, Серёжа, ты видел?! — притворно возмутился Сталин, окончательно оттаивая. — Точно паразит! Чистокровный чертяка!

И вся наша маленькая компания дружно, во весь голос рассмеялась, полностью уничтожая остатки официального напряжения. Закрытая тренировка обещала быть невероятно жаркой.

Сталин весело подмигнул и зычно продолжил:

— Всё, отставить разговоры! Едем на каток все вместе. И помни, Володя: если у кого-то на трибунах возникнут лишние вопросы, пускай обращаются прямиком к Большому Руководителю!

Новый взрыв дружного смеха полетел по комнате. Быстро собравшись, мы расселись по машинам и погнали в сторону Марьиной Рощи.

Ровно к двенадцати часам дня я, затянув шнурки на фигурных коньках от дяди Йоси, уже уверенно выходил на лед. К моему немалому удивлению, трибуны маленькой закрытой площадки оказались изрядно заполнены: здесь сидели и взрослые в строгих суконных пальто, и спортивная молодёжь, и совсем ещё мелкие дети из фигурных секций. Слухи в Москве пятидесятых годов разлетались со скоростью звука.

Выехав на самую середину этой зажатой бортиками площадки, я замер на секунду, а затем крутнулся быстрым волчком и легко покатил по широкому кругу, потихоньку разогревая мышцы. Когда по телу разлилось приятное тепло и я почувствовал, что связки готовы к

серьёзной работе, сделал пробный двойной тулуп и сразу в связке — двойной риттбергер. Тело отозвалось идеальным балансом. Что ж, размялся, теперь можно и под музыку покатать.

Я плавно затормозил у бортика, где стояла моя высокопоставленная свита, и довольно кивнул полковнику:

— Дядя Серёжа, я возвращаюсь в центр. Первым делом ставим «Шторм» Вивальди. С него начну, пока сил в избытке. Потом дайте мне пару минут перевести дыхание — и запускаем «Очи чёрные». Ну а кавказскую «Лезгинку» оставим напоследок, на десерт.

Не успел я договорить, как к нашему бортику решительным шагом подошли мужчина и женщина. Не здороваясь, без всяких банальных прелиминарных вежливостей, мужчина тоном, абсолютно не терпящим возражений, принялся с ходу раздавать мне командные указания:

— Так, молодой человек! Живо марш на середину площадки! Включайте скольжение назад и начинайте вычерчивать обязательные фигуры. Вначале мне нужен идеальный круг, а дальше я уже сам буду говорить, какие элементы вам выполнять. Что вы на меня уставились? Выполняем, я жду!

Я лишь снисходительно усмехнулся такой наглости и, проигнорировав командира, демонстративно повернулся спиной к мэтру, глядя прямо на Сталина:

— Василий Иосифович, а это что ещё за клоун тут у нас нарисовался, чтобы я под его дудку по льду ездил? Какую ещё обязаловку, я ему должен чертить?

Генерал-лейтенант Сталин, с трудом сдерживая рвущийся наружу хохот, изо всех сил постарался соорудить суровое, серьёзное лицо:

— Владимир, потише на поворотах. Перед тобой товарищи Глязер и Новожилова, главные люди нашего фигурного катания.

— Рад за них. И что конкретно это знание мне сейчас должно дать? — я безразлично повёл плечом.

— Ну как же... Вот они как раз официально требуют, чтобы я прямо сейчас взял и отдал тебя в их распоряжение, в сборную общества.

— А мне это, простите, зачем? — я язвительно приподнял бровь. — Что они такого уникального могут мне дать в плане техники, чего я сам не знаю? На коньках стоять научат?

— Товарищи, вообще-то мы стоим прямо здесь и всё прекрасно слышим! — глубоко возмутилась Лариса Новожилова, чьё лицо от такой неслыханной дерзости пошло пунцовыми пятнами.

Я повернулся и удивлённо, смерив её оценивающим тренерским взглядом с ног до головы, применил излюбленный приём психологического давления:

— Товарищи... А вы вообще сюда зачем пришли, если не секрет? Кто вас звал?

— Посмотреть, как вы катаетесь, и оценить ваш уровень! — резко, звенящим голосом ответила Лариса.

— Ну вот! Правильно же я понимаю ситуацию, Василий Иосифович? — я снова хитро зыркнул на генерала. — Люди пришли просто посмотреть.

Василий Иосифович, окончательно сдаваясь, весело кивнул в знак полного согласия.

— Так вот и стойте у бортика, и молча смотрите, — отрезал я, разворачиваясь лицом к центру площадки. — И зачем тогда к нам лезть со своими местечковыми хотелками и портить людям праздник? Дядя Серёжа, запускай Вивальди! Шоу начинается!

Глязер от такой неслыханной дерзости окончательно потерял самообладание. Его лицо перекошилось от возмущения:

— Молодой человек! Мы, признаться, были готовы закрыть глаза на ваши провинциальные манеры и взять вас на полноценное обучение к лучшим мастерам столицы... Но с вашим скверным, вызывающим характером всякое желание помогать вам пропадает начисто!

— Товарищ Глязер, давайте мы поступим следующим образом, — я резко перешёл на свой привычный, веский тон взрослого главного тренера, от которого у любого спортсмена

будущего подгибались колени. — Вы сейчас спокойно присядете на трибуну и внимательно посмотрите. А вот в самом конце, если у вас всё ещё сохраняются какие-то профессиональные вопросы, вы чинно подойдёте к руководителю спортивного общества ВВС товарищу Сталину и лично зададите их ему. Если мы на этом исчерпали наше маленькое недопонимание, то я, с вашего позволения, займусь тем, ради чего мы сюда из Читы приехали. Дядя Серёжа, пожалуйста, будь наготове. Как только я кивну — начинаем со «Шторма».

И, даже не дожидаясь ответа онемевшего от такой наглости Самсона Вольфовича, я вернулся и упругим, размашистым шагом поехал на самую середину катка.

Маловата площадка, что и говорить — развернуться в полную силу и заложить широкие дуги здесь физически негде. Зато искусственный лёд в манеже Марьиной Рощи оказался весьма недурственным: плотный, гладкий, без единой зазубрины. Для моих целей вполне сгодится.

Я замер по центру, выпрямил спину и коротко, резко кивнул полковнику у бортика. В ту же секунду над притихшей ареной из раструбов взревела яростная, бешеная и экспрессивная музыка Вивальди. И я мгновенно, без остатка растворился в ней.

У меня не было чёткого, заранее выверенного плана, я не просчитывал последовательность прыжков и не набрасывал общую канву танца. Это была чистая, первобытная импровизация великого мастера, соскучившегося по настоящему льду. Но даже этого хаотичного порыва хватило, чтобы на всём катке мгновенно повисла оглушительная, мёртвая тишина. Исчезли зрители, растаяли трибуны. Остались только бушующий музыкальный вихрь и хищный, чистый звон моих лезвий, с хрустом разрезающих ледяное полотно. Самая лучшая, самая идеальная атмосфера для катания. Я не видел никого вокруг. Существовали только музыка, бешеная динамика движений и полёты.

Яростный «Шторм» требовал агрессивного, плотного катания на предельных скоростях. Сложные дорожки шагов и каскады из двух, а затем и трёх сложнейших прыжков будущего сменяли друг друга практически непрерывным, лавинообразным потоком. Тело работало на пределе, выжимая максимум из молодой физподготовки. Трёхминутная классическая композиция пролетела в одно неуловимое мгновение.

Заключительное, бешеное вращение в ласточке, резкий стоп с веером ледяной крошки — и финальная точка.

А вокруг по-прежнему стояла звенящая, парализованная тишина. Боясь спугнуть это коллективное наваждение трибун, я плавно оттолкнулся и на прямых ногах медленно подъехал к своей свите у бортика. Сердце бешено колотилось в груди, лёгкие горели. Необходимо было срочно перевести дыхание и дать раскалённым мыслям хоть немного успокоиться.

Выдержав пару минут и утерев пот со лба, я коротко посмотрел на дядю Серёжу:

— Ну всё, я готов. Включайте «Очи чёрные». Покажем им цыганочку с выходом.

Как только над катком поплыли первые, тягучие звуки старинного романса, я мягко оттолкнулся от деревянного борта и плавно заскользил по идеальному искусственному льду. Здесь не нужна была яростная акробатика, здесь безраздельно правили чистый танец, глубокое внутреннее переживание и драма. Сложные, выверенные до миллиметра скольжения, затяжные вращения, неожиданные переходы и мгновенные смены ног — всё это плавно вплеталось в рисунок цыганской мелодии.

При этом сам я, как опытный мастер, прекрасно понимал: данная хореографическая постановка изначально больше рассчитана на женское одиночное катание, нежели на мужское. Конечно, моё новое четырнадцатилетнее тело, выросшее на жесткой гимнастической базе, без труда справлялось со сложнейшей растяжкой и пластикой, но профессиональное чутье упрямо подсказывало, что гибкая девушка смотрелась бы в этой программе куда более органично. Впрочем, это было лишь моё разбалованное стандартами XXI века видение. Для окружающих же людей на трибунах манежа в Марьиной Роще даже такое исполнение казалось запредельной, космической фантастикой. Сам я в этот момент поймал удивительное состояние: я словно не

был внутри этого танца, а наблюдал за собой со стороны, как опытный сторонний зритель, от острого взора которого не ускользали ни мимика фигуриста, ни ошарашенные лица людей у бортика.

Вот и пролетели две с половиной минуты проката. Музыка плавно затихла.

Теперь предстояло самое тяжелое на сегодняшний день испытание для этого не до конца восстановившегося после госпиталя организма. Но одновременно — и самое завораживающее зрелище. Хронометраж — всего две минуты, но кавказский ритм там — чистый, первобытный огонь. Лезгинка не прощает пауз: ноги и руки должны находиться в непрерывном, бешеном движении каждую секунду.

Я не стал подъезжать к бортику, чтобы не сбивать дыхание. Просто продолжил мерно скользить по широкому кругу, на ходу расслабляя забившиеся мышцы и восстанавливая пульс. Так прошло несколько минут. Наконец я плавно остановился точно по центру площадки и коротко кивнул в сторону замершего дяди Серёжи.

Оглушительный, темпераментный и яростный мотив лезгинки разорвал тишину манежа.

Мои ноги теперь только и успевали двигаться в такт этому сумасшедшему кавказскому ритму. Мелкие, стремительные шаги, сложнейшие дорожки и вращения на колоссальной скорости сменяли друг друга в умопомрачительных, невиданных для пятидесятых годов вариациях. Воздуха в легких уже катастрофически не хватало, но вот осталось совсем немного, финальный аккорд. Я начинаю мощнейший, размашистый разгон по диагонали, подготавливаю корпус, не спеша делаю классический выход на дугу назад-наружу... Самый простой по своей механике прыжок — тулуп. Но в него я заложил крошечную, убийственную для этой эпохи изюминку.

Четыре. Безумных. Оборота. В воздухе.

Тело скрутилось в струну, на мгновение преодолев законы гравитации. Чистейшее приземление на одно ребро с идеальным, плавным выездом на ход назад. Финал.

Всё, теперь мне срочно нужен был глубокий отдых — ноги мгновенно налились свинцовой тяжестью, сказывалось критическое отсутствие регулярных ледовых тренировок. Кое-как удерживая спину ровной, я спокойно подкатил к бортику, остановился перед замершей администрацией ВВС и вежливо, с достоинством поклонился.

Вот теперь я точно знал — сделал всё на абсолютную, твердую пятерку. Конечно, впереди оставался колоссальный объем работы над физической выносливостью, но фундамент будущего был заложен прямо здесь, на глазах у потрясенной Москвы.

Василий Иосифович Сталин лично, торопливо распахнул передо мной деревянную калитку борта, впуская меня на резиновый настил. И едва я сделал первый шаг со льда, генерал крепко, по-мужски обнял меня за плечи, взволнованно бормоча прямо на ухо:

— Паразит... Слышишь, Володька? Ну ты и паразит! Такое сумасшествие на катке устроить... Теперь я тебя точно никому не отдам, сам лично на чемпионат Европы повезу! Наше общество ВВС таких бриллиантов из рук не выпускает!

Мне в ответ на его бурную радость осталось лишь устало, но торжествующе улыбнуться. И в эту самую секунду трибуны манежа наконец-то очнулись от оцепенения, и нас с головой накрыло лавиной оглушительных, восторженных оваций.

Немного успокоившись от пережитого шока, ко мне робким, нерешительным шагом подошла смущенная Лариса Новожилова.

— Владимир... можно я вас обниму? — тихо спросила она.

Я, абсолютно не ожидая от строгой советской чемпионки такого эмоционального порыва, немного растерянно посмотрел на неё. А она, быстро сделав шаг вперед, крепко прижалась ко мне.

— Спасибо вам... — прошептала Лариса, отстраняясь. — Это настоящее, непостижимое чудо. Я скажу сейчас за всех нас: мы даже в самых смелых мечтах никогда не надеялись увидеть такое на льду.

— Ну что вы, Лариса, — я мягко улыбнулся, возвращая себе привычную тренерскую уверенность. — У вас самой подрастают отличные, талантливые ученики. Я это точно знаю.

— И кто же? — она недоуменно и с явным подозрением воззрилась на меня. Откуда, мол, читинский пацан может знать её подопечных?

— Да та же Людмила Белоусова, к примеру. Я абсолютно уверен: она станет олимпийской чемпионкой, причём точно два раза подряд. Вот только её нужно как можно скорее снимать с одиночного и ставить в пару. Вот тогда всё получится на высшем уровне.

Новожилова смотрела на меня широко раскрытыми, полными потрясения глазами:

— В пару?.. И с кем же, по вашему авторитетному мнению, её нужно поставить?

— С Олегом Протопоповым. Из них получится просто феноменальный, идеальный дуэт. Он сейчас как раз в Ленинграде, тренируется у Нины Леппинской. Помяните моё слово, они перевернут весь мировой лёд.

— Но Люда — чистая одиночница! — горячо возразила Лариса. — Она подаёт огромные, колоссальные надежды именно сама по себе!

— Пожалуйста, поверьте моему опыту: в парном катании у неё этих надежд и потенциала в сотни раз больше. Кстати... если она сейчас здесь, на трибунах, дайте нам всего тридцать минут. Мы выйдем на лёд, и мы вас всех очень сильно удивим.

Услышав это, Глязер издал какой-то совершенно нечленораздельный, похожий на крик-тение звук. Василий Сталин от такого напора густо покраснел, а Новожилова лишь шумно и растерянно засопела. Видя, что взрослые окончательно впали в ступор и никакой вменяемой реакции от них сейчас не дождешься, я привычно взял весь процесс в свои руки. Пора было включать главного тренера.

— Кто у нас здесь Люда Белоусова? Подойди к бортику, пожалуйста! — звонко крикнул я на весь манеж.

Сквозь плотное кольцо окруживших нас хоккеистов и зевак робко просочилась невысокая, хрупкая шестнадцатилетняя девушка.

— Я... Я Люда Белоусова, — тихо отозвалась она, смущенно глядя на меня.

— Приятно познакомиться, Люда. Я — Владимир, — я протянул ей руку. В ладонях у неё были зажаты коньки. — Можно посмотреть на твою матчасть?

— Пожалуйста, — она послушно протянула мне свои ботинки.

Я критически осмотрел их. Да уж, качество кожи и лезвий оставляло желать много лучшего, обычная жесткая советская штамповка, но ничего другого в Марьиной Роще я прямо сейчас всё равно не найду.

— Отлично. Живо надеваем коньки и бегом на лёд, у нас ровно тридцать минут свободного времени. Дядя Серёжа! — крикнул я полковнику. — Пусть поставят «Очи чёрные» по кругу. Как пластинка закончится — заводите заново, без остановки.

И я, лихо развернувшись, первым выкатился на зеркальную гладь. Через пару минут ко мне неуверенно подъехала растерянная, явно напуганная общим вниманием девушка. Я тепло улыбнулся ей, разряжая обстановку:

— Люда, я что, такой страшный, что так сильно тебя пугаю?

Девушка несмело улыбнулась в ответ, её плечи немного расслабились:

— Да нет, просто... всё это как-то слишком неожиданно. И Глязер, и товарищ Сталин, и вы...

— Вот и замечательно, улыбка тебе очень идёт. Мы сейчас с тобой просто немного покажемся вместе. Ничего сверхсложного делать не будем, не переживай. Я буду ехать рядом и всё детально объяснять по ходу. Ну как, готова?

Людмила решительно и утвердительно кивнула.

— Вот и прекраснейшим образом. Поехали.

И над катком в Марьиной Роще началось то, что я в своей жизни любил больше всего на свете — таинство сотворения танца. Великая магия, прекраснее которой для меня в этом мире не существовало ничего.

Лариса Новожилова, не мигая, заморожено смотрела на ледовую площадку. Наконец она шумно выдохнула и потрясённо произнесла, обращаясь то ли к Глязеру, то ли к самому Сталину:

— Этот парень... он просто сумасшедший! В хорошем, абсолютно гениальном смысле этого слова. Вначале его дерзкое, вызывающее общение с нами, потом это невероятное сольное выступление с четверным прыжком, а теперь... Вы только посмотрите, он же творит на льду настоящее волшебство! Причём творит прямо сейчас, на наших глазах.

Она нервно поправила воротник пальто, не в силах оторвать взгляда от скользящей пары.

— Он ведь не просто механически показывает Людмиле, чего от неё хочет, — продолжала Новожилова, и в её голосе уже звенел чистый профессиональный азарт. — Он на ходу, за считанные минуты, полностью перестраивает весь её многолетний стиль катания. Те самые прыжки, над которыми мы в секции мучительно страдали последние полгода, он скорректировал всего за пятнадцать минут! Люда стала исполнять их свободно, без прежнего дикого напряжения и, главное, с видимым удовольствием! Посмотрите на её корпус: она стала стоять на коньках совершенно иначе — свободнее, раскованнее, увереннее. Он постоянно наклоняется к её конькам, что-то чертит на льду зубцом, показывает положение стопы и объясняет, объясняет без остановки... При этом Белоусова слушает его, буквально раскрыв рот от изумления. Ловит каждое движение, боясь пропустить хоть единое слово. Знаете что... мне уже самой безумно интересно, что из этого экспромта получится. Весь мой утренний скепсис улетучился без следа.

А тем временем на площадке, под затихающие аккорды очередной пластинки, Володя и Людмила плавно остановились точно по центру катка. Парень с улыбкой повернулся к нашему бортику и выразительно постучал пальцем по своему запястью, как бы показывая на воображаемые часы.

Тридцать минут истекли. Они были полностью готовы продемонстрировать результат своей секретной экспресс-тренировки.

Володя выразительно посмотрел на дядю Серёжу и сделал чёткий, повелительный жест рукой — ставь пластинку с самого начала. Снова зазвучали первые, щемящие душу аккорды старинного романса, и пара плавно поехала.

Они грациозно разъехались в разные стороны, одновременно и абсолютно синхронно выполнили высокий, пронзительный аксель, затем зафиксировали безупречную ласточку и снова мягко съехались друг с другом в центре катка. Взявшись за руки, ребята выдали сложнейшую, витиеватую дорожку шагов. И в этот момент на льду произошло настоящее чудо. Фигуристы разошлись по дугам, и каждый начал безупречно выполнять свою часть раскатистой восьмерки. Когда они на огромной скорости двинулись наперерез друг другу, над катком пронёсся вздох ужаса — все присутствующие у бортика хоккеисты были на сто процентов уверены, что подростки сейчас неминуемо столкнутся грудь в грудь.

Но на точке пересечения траекторий последовал одновременный, взрывной толчок. Да, это был всего лишь одинарный тулуп, но делали они его синхронно, пролетая в воздухе буквально в сантиметрах друг от друга на встречных курсах! Громкий, испуганный вскрик удивления и облегчения эхом раздался над притихшей площадкой, едва они благополучно разминулись.

Через несколько секунд они снова съехались — ровно для того, чтобы Володя мощным, уверенным движением вскинул партнёршу вверх. Людмила на мгновение замерла прямо у

него над головой, словно парящая птица, а он тем временем на одной ноге уверенно вращался вокруг своей оси. И тут же — резкий, хлесткий выброс! Описав в воздухе два чистейших оборота, Белоусова мягко приземлилась на ход назад, а прямо рядом с ней, выполнив безупречный двойной аксель, оказался Владимир. Не теряя ни секунды, он подхватил её за руку и неуловимым, ювелирным движением перевёл её тело в идеально горизонтальную плоскость. Сам Влад прочно зафиксировал позицию в глубоком «циркуле», а Людмила, удерживая его ладонь, на одном коньке заскользила по кругу, едва не касаясь затылком ледяной корки.

Сзади у бортика, заставив Ларису Новожилову испуганно вздрогнуть, раздался новый, полный благоговейного шока женский голос. Это была зашедшая в манеж Татьяна Толмачёва.

— Боже мой... Это же настоящая «спираль смерти»! — поражённо прошептала она. — Смотрите... Один оборот, второй, третий, четвертый... Да что они вообще творят на нашем льду?!

Новожилова на миг обернулась, чтобы коротко кивнуть подошедшей коллеге, но когда вернула взгляд на площадку, Люда Белоусова уже птицей взмыла высоко вверх в умопомрачительной параллельной подкрутке. Владимир мягко, как пушинку, подхватил её у самого льда и бережно отправил в плавное скольжение. И снова — непрерывный поток элементов: каскадная дорожка шагов, синхронная спираль и безупречно параллельное вращение. Не давая зрителям опомниться, Володя повёл партнёршу на прыжковый каскад — три элемента подряд: лутц, тулуп и сальхов! Под занавес — очередная высокая, монументальная поддержка. Музыка плавно замерла, и пара застыла на месте, крепко, по-спортивному обнявшись.

В манеже Марьиной Рощи воцарилась гробовая, звенящая тишина. Владимир внимательно, с мягкой тренерской улыбкой посмотрел на тяжело дышащую Людмилу. Девушка счастливо заулыбалась и коротко, согласно кивнула ему в ответ: «Давай!».

Взявшись за руки, они снова стремительно набрали ход, мощный, одновременный толчок — и над ледяным полотном взвился безупречный, идеально синхронный двойной лутц! На этой победной ноте довольные, раскрасневшиеся ребята дружно подкатили к нашему ошарашенному бортику.

И в ту же секунду сумасшедший шквал аплодисментов буквально взорвал тишину стадиона.

Мы плавно подкатили к бортику, где нас ждала ошарашенная, замершая от восторга администрация ВВС. Я по-прежнему крепко держал за руку раскрасневшуюся, счастливо улыбающуюся Людмилу. Посмотрев прямо в глаза Ларисе Новожиловой, я искренне произнёс:

— Я хочу от всего сердца поблагодарить вас, Лариса, и тебя, Люда. Спасибо за то, что дали мне редкую возможность получить истинное, колоссальное удовольствие от такого потрясающего совместного катания.

Но, разумеется, удержаться от профессионального тренерского ехидства я физически не мог. Повернув голову и выразительно, с лёгким прищуром посмотрев на Самсона Глязера, я иронично добавил:

— Ну... как-то так, уважаемый мэтр. За тридцать минут экспромта. Без всякого черчения кругов и обязательных фигур.

Самсон Вольфович лишь беззвучно открыл и закрыл рот, окончательно растеряв весь свой столичный апломб. Больше спорить со мной о методиках обучения в СССР не решился бы никто.

Развернувшись к командующему ВВС, я сменил тон на вежливый и деловой:

— Василий Иосифович, если вы не против, я бы хотел поехать в гостиницу. Тело после госпиталя гудит, мне нужно как следует отдохнуть.

Генерал-лейтенант Сталин всё понял без лишних слов. Он окинул меня долгим, нечитаемым взглядом, в котором мешались дикий восторг и глубокое уважение, а затем коротко кивнул своей группе сопровождения:

— Отвезите молодого человека в люкс. С комфортом.

Повернувшись ко мне, Василий Иосифович тепло добавил:

— Володя, отдыхай. Я чуть позже, ближе к вечеру, лично к вам с Сергеем заеду, поговорим обстоятельно. Хорошего отдыха.

— Большое спасибо, Василий Иосифович.

Я быстро ушёл в раздевалку, сбросил фигурные коньки от дяди Йоси, аккуратно уложил их в рюкзак и, накинув куртку, в сопровождении двух молчаливых «тихушников» в штатском быстрым шагом покинул каток в Марьиной Роще. Сзади ещё долго гремели голоса хоккеистов и суeta спортивных чиновников. Затылком я отчётливо чувствовал: этот вечер в Москве точно не будет скучным. Мой дневной бенефис неизбежно запустил огромные номенклатурные шестерёнки.

И я не ошибся.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 7. Щелчок по старой школе.

Уже поздним, глухим вечером в наш просторный, обставленный массивной дубовой мебелью трёхкомнатный гостиничный люкс без стука, абсолютно по-свойски вошли Василий Иосифович и дядя Серёжа. Лица у обоих высокопоставленных офицеров буквально светились от глубокого, затаённого и почти детского удовлетворения. Они были довольны донельзя, точь-в-точь как мартовские коты, чудом дорвавшиеся до огромной хозяйской крынки со свежей, густой сметаной. Мама, у которой в руках в этот момент мирно спицевали нитки, удивлённо приподняла брови, а я лишь молча улыбнулся про себя, прекрасно понимая: большие, тектонические новости из коридоров Спорткомитета и ведомств уже на нашем пороге.

Пока Василий Иосифович с видимым, огромным удовольствием пил из тонкой фарфоровой чашки обжигающе горячий чай, шумно закусывая его пышными домашними плюшками, дядя Серёжа, то и дело добродушно посмеиваясь, увлечённо рассказывал о том, что творилось в ледовом манеже сразу после моего поспешного бегства:

— Оказывается, Володька, пока ты там всю бороздил лёд Марьиной Роши и крушил умы ветеранов, кто-то из особо ретивых доброжелателей шустро добежал до ближайшего телефона-автомата, бросил двушку и звякнул Татьяне Толмачёвой-Гранаткиной. А у неё дома в это время как раз в гостях сидел Сергей Васильев. Слухи о том, что в Москве объявился какой-то читинский кудесник из Сибири, долетели до них мгновенно. Они побросали все свои дела, чашки, разговоры и пулей примчались в манеж — увидеть это ледовое чудо собственными глазами. И ведь успели, чертяки, аккурат к самому началу вашего триумфального парного выступления с Белоусовой!

Полковник ВВС сделал ещё один весомый глоток из кружки, вытер усы и весело, громогласно хохотнул на всю гостиную:

— В общем, не разобравшись до конца, что к чему, Татьяна с Сергеем после финального аккорда коршунами бросились напрямик к Самсону Глязеру и Ларисе Новожиловой. Начали их бурно, прямо-таки ураганно обнимать, поздравлять, всю восхищаться, какой, мол, феноменальный, новаторский дуэт они в строжайшей тайне воспитали и как гениально, тонко подобрана музыка цыганского романса! И пока совершенно растерявшиеся от такого бешеного напора Самсон с Ларисой лишь немо хлопали глазами, как пришибленные, не зная, что ответить, ты, Володя, технично, по-английски сбежал с катка в неизвестном направлении. Надо было видеть их лица, когда Толмачёва и Васильев наконец осознали, что признанные столичные мэтры здесь вообще ни при чём! И что всё это запредельное, космическое выступление было с нуля срежиссировано, поставлено и накатано каким-то забайкальским пацаном за неполные тридцать минут!

— Представляю эту немую классическую сцену в духе Гоголя, — искренне улыбнулся я, поглубже откинувшись на мягкую спинку кресла.

— Да уж, немая сцена длилась недолго, — весело подхватил дядя Серёжа, активно жестикулируя. — Следующей их коллективной, безжалостной жертвой стала бедняжка Людмила. На девчонку набросились уже все четверо тренеров, зажали у холодного деревянного бортика и устроили самый настоящий, перекрёстный допрос с пристрастием. А Люда лишь испуганно разводила руками, переминалась с конька на конёк и упрямо твердила им одно и то же: «Да он мне просто на пальцах, за пять минут объяснил, как правильно заходить на прыжки и как держать рёберное скольжение! Сам наклонялся, на моих же коньках показывал, какой стороной лезвия, каким именно боком и под каким углом нужно отталкиваться от ледяной корки...

Я теперь, товарищи тренеры, могу эти двойные прыжки без единой ошибки делать! Он мне уверенно пообещал, что я смогу, — ну я и сама сразу, всем сердцем поверила, что могу!»

А под самый конец Люда повернулась к притихшей Новожиловой и с ходу, без обиняков выдала: «Лариса, пожалуйста, можно я прямо со следующей недели официально перейду в парное катание?» После этой фразы, Володя, вся наша заслуженная спортивная профессура окончательно замерла в полнейшем, глубоком недоумении. А на катке тем временем началось настоящее, форменное сумасшествие: несколько молодых фигуристов из секции ВВС, напрочь позабыв про свои планы, выскочили на лёд и принялись отчаянно, до седьмого пота пробовать повторить хотя бы отдалённо что-то похожее на твои летучие, кружевные дорожки шагов...

Василий Сталин, до того момента молча и с аппетитом жевавший плюшку, довольно, сыто крикнул и бесцеремонно перебил полковника:

— Да, но самое весёлое и жаркое началось потом, Серёж! Мы-то с тобой попытались тихонько, по-английски, бочком-бочком покинуть Марьину Рощу. Но к нашему великому авиационному сожалению, штабная машина, которая отвезла Володю в гостиницу, обратно к манежу вернуться ещё не успела. Нам пришлось куковать у калитки на морозце. И тут на нас лавиной, на полной скорости набросились все четверо злых, взвинченных до предела московских мэтров! А позади них стояла Белоусова и смотрела на меня таким просящим, преданным щенячьим взглядом, что у меня, фронтового лётчика, аж сердце зашлось.

Генерал-лейтенант задорно, широко улыбнулся, и в его прищуренных глазах снова ярко блеснул тот самый азартный, шальной фронтовой огонёк:

— В общем, пришлось нам с Сергеем уйти в глухую, эшелонированную оборону. Разводили руками, держали марку ВВС и строго, по-военному объясняли товарищам заслуженным тренерам, что молодой человек из Читы сейчас физически очень утомлён после тяжёлого госпиталя, общаться пока ни с кем категорически не желает, да и вообще — его собственное катание, по его же личным словам, ещё бесконечно далеко от идеала. Вот когда товарищ Ворон решит, что он окончательно оправился и готов к большим смотрам, вот тогда и будут официальные, предметные разговоры. А пока — вы всё сами прекрасно видели своими глазами, товарищи дорогие, так что вам теперь есть к чему стремиться и над чем работать в своих секциях! На этом приятном, патристическом моменте, слава богу, подкатил наш ЗИС, и мы оперативно ретировались, захлопнув тяжёлые двери. Правда, на прощание Самсон с Ларисой хором, в два голоса пообещали мне, что если я буду прятать такой чистейший алмаз от советского спорта, они со своими жалобами доберутся до Самого Товарища Сталина!

При упоминании всесильного отца Василий Иосифович лишь задорно, заговорщически подмигнул мне, давая понять, что пустых угроз чиновников от Спорткомитета и мэтров старой школы он не боялся никогда в своей жизни. Кому-кому, а сыну вождя аппаратные интриги были на один зуб.

Понимая, что одними сладкими домашними плюшками двух здоровых, измотанных офицеров толком не накормишь, мама оперативно, по-хозяйски вызвала дежурного администратора этажа и заказала сытный, плотный горячий ужин прямо в наш номер. Уже через двадцать минут официант в белоснежном фартуке вкатил в гостиную люкса тележку, от которой умопомрачительно пахло чесночным соусом и специями.

Уплетая за обе щёки вторую порцию сочного, исходящего паром жаркого, дядя Серёжа со смехом добавил, что по дороге к ожидавшему их правительственному ЗИСу он внезапно, с ужасом вспомнил про оставленные пластинки. На что Василий Иосифович, лихо поправив фуражку и звеня вилкой, безапелляционно отрезал, что обратно к разъяренным и требующим объяснений профессорам он не рискнёт возвращаться даже под дулом пистолета. Пластинки решили временно подарить советскому спорту.

Следующей их обязательной точкой остановки в этот сумасшедший день стал штаб ВВС, где на пороге их уже поджидал Всеволод Бобров. Знаменитый Сева, потрясая кулаками, гро-

могласно и яростно требовал от руководства немедленно доставить читинского самородка обратно на лёд, выдать ему канадские дрова и силой заставить играть в хоккей за команду лётчиков. В общем, натерпелись мужики за этот безумный день знатно, оттого и добрались до нашего тихого люкса такими уставшими, взвинченными и дьявольски голодными.

Дальнейший вечер прошёл для наших высокопоставленных гостей в удивительно уютной, почти семейной обстановке, начисто смывшей дневное напряжение. Мужчины окончательно расслабились, сняли тяжёлые парадные кители, развязали тугие галстуки и блаженно откинулись на кожаные диваны. А меня — под тихие, заговорщические и невероятно довольные улыбки мамы — безжалостно, пользуясь командирским правом, заставили взять в руки гитару. Пришлось петь, вытаскивая из памяти тетрадные шедевры грядущего века один за другим, бережно перекладывая их на простые гитарные аккорды под бдительными, потрясёнными взглядами советских боевых офицеров. Лирические баллады и драйвовые рок-мотивы из будущего в скромных стенах московского люкса звучали для них как откровение иной цивилизации.

Следующие несколько дней пролетели в спокойном, размеренном, но невероятно продуктивном рабочем ритме. Мама целыми днями увлечённо и с упоением гуляла по засыпанной золотой листвой осенней Москве, дыша прохладным столичным воздухом, а параллельно с чисто сибирской деловитостью заглядывала в строгие кабинеты ВУОАПа и Союза композиторов. Она планомерно, бумажка за бумажкой, решала все сложные юридические вопросы с авторскими правами на мои песни, чтобы никто из союзных мэтров не вздумал прибрать к рукам наследие грядущего века. Чиновники от культуры под напором её аргументов и незримым покровительством штаба ВВС лишь безропотно ставили нужные штампы.

За мной же каждое утро, ровно в девять часов, к парадному входу гостиницы бесшумно и пунктуально подкатывал блестящий штабной автомобиль. Меня увозили напрямик на тренировочную базу к хоккеистам ВВС Московского военного округа. Лёд в Марьиной Роще ещё только готовился принять команду — на оборонных заводах Берии в строжайшем секрете по моим чертежам уже дособирали первые экспериментальные холодильные установки для манежа. А пока легендарный Всеволод Бобров и его орлы изнывали от нетерпения на «земле», до седьмого пота гоняя по залам ОФП и ожидая, когда сибирский кудесник выдаст им тактические схемы и покажет ту самую обещанную запредельную физику движений грядущего века.

Вот там, на закрытом экспериментальном льду, у нас развернулось самое настоящее, первобытное пекло. Я, Всеволод Бобров, Григорий Мкртчян и Евгений Бабич орали друг на друга до хрипоты, так, что вековая штукатурка со старых сводов манежа натурально сыпалась на ледовое покрытие. Мы до хрипоты чертили схемы, ломали карандаши и клюшки. При этом Василий Сталин, получая от этого яростного ледового зрелища колоссальное, ни с чем не сравнимое удовольствие, частенько по несколько раз в день срывался со строгой штабной службы. Генерал прилетал на базу без предупреждения, чтобы лично посмотреть на наш бурный тактический цирк и от души, громогласно посмеяться над тем, как четырнадцатилетний забайкальский пацан строит наглухо зажатых в старые рамки признанных мастеров советского спорта.

Огромным, просто величайшим и неоценимым плюсом всей этой истории было то, что Сева Бобров в этой реальности был абсолютно, стопроцентно здоров. Старые фронтовые травмы и нещадно избитые в былых футбольных и хоккейных баталиях колени, конечно, периодически напоминали о себе противным, тягучим нытьём, когда сырая московская осень пробирала до костей — куда более едкая, чем наш сухой забайкальский мороз. Но в отличие от моей прежней, оригинальной исторической ветки, здесь не было той страшной, роковой травмы, которая в будущем навсегда сломает карьеру великому нападающему. Сева был в идеальной, звенящей боевой форме, голодный до больших побед и готовый рвать любого соперника.

Советские хоккейные «старика» поначалу зло, высокомерно и яростно спорили со мной у тактической доски, авторитетно заявляя на весь манеж, что я — зелёный провинциальный профан, а все мои тактические начинания, канадские чертежи геометрии захода и жёсткие требования к новой динамике шага не стоят и выеденного яйца. Но стоило нам тут же, без долгих разговоров, на практике обкатать на ледовом зеркале тот или иной предложенный мной вариант скоростного прохода, силового прессинга или веерной расстановки в чужой зоне, как все глупые вопросы отпадали сами собой. Проглотив уязвлённую профессиональную обиду, матёрые мастера на пару секунд затихали, ошарашено переглядываясь, а затем споры с новой, утроенной силой начинали кипеть уже по следующему инновационному пункту моей тетради.

Чего только стоило их глухое, яростное, штыковое неприятие кардинального изменения вратарской стойки Коли Пучкова! Когда я в приказном порядке заставил молодого голкипера попробовать сыграть в принципиально новой, низкой стойке «баттерфляй», скопированной мной из канадских профессиональных учебников конца двадцатого века, крики в манеже не утихали целые сутки. Наш тренерский мостик натурально ходил ходуном.

Зато на второй день, когда Николай немного освоился, поймал нужный баланс и ветераны ВВС при всём своём колоссальном желании никак не могли забить ему низом, наши именитые нападающие обиженно и зло заворчали. Форварды, раз за разом в упор расстреливая ворота и натываясь на глухую стену из щитков, начали в один голос утверждать, что кататься на коленях — это вообще неспортивно, не по-нашему, и так в хоккей не играет никто на этой планете! Кондовые кожаные щитки Пучкова, намокая от ледяной крошки, становились тяжёлыми как свинец, но Коля упрямо продолжал складываться в идеальную нижнюю плоскость.

Закончился этот ледовый бунт очень просто и буднично. Всеволод Бобров, тяжело, со свистом дыша после очередной безуспешной, веерной атаки на ворота, медленно подъехал к пятачку, опёрся на клюшку и хмуро, исподлобья спросил у запыхавшегося вратаря:

— Коль, ну а ты сам-то что скажешь? Без этих умных тактических формул. Как по чистым ощущениям?

Ответ девятнадцатилетнего Пучкова был предельно честен, сух и профессионален:

— Нагрузка на ноги, колени и поясницу, Михалыч, физически в разы больше, с непривычки все мышцы просто огнём горят, — честно признался вратарь, сдвигая маску на затылок и вытирая пот со лба. — Но зато весь низ и углы ворот я теперь перекрываю намертво, монолитно и абсолютно уверенно. Халтурить не получается. Да и сегодня Владимир мне показал ещё один очень интересный, хитрый приём на быстром перемещении от штанги к штанге...

Бобров после этих слов мгновенно, по-хищному подобрался, в его прищуренных глазах азартно блеснул тот самый шальной фронтальной огонёк, и он резко, с хрустом лезвий развернулся в мою сторону:

— А ну-ка, Ворон, стоять! Ни с места! А ну, показывай сейчас же, немедленно, чего ты там ещё в своей забайкальской заначке от нас скрываешь!

Я тяжело вздохнул, лезвием подгрёб к себе бесхозную тяжелую шайбу и плавно, спиной вперед откатился чуть назад, к самой синей линии. На меня в этот момент, затаив дыхание, уставилась вся команда лётчиков ВВС. Даже вечно кричащий Тарасов у бортика на секунду прикусил язык.

— Смотрите внимательно и запоминайте, мужики, — громко, на весь притихший манеж произнес я, постукивая черенком по льду. — Весь секрет сокрушительного щелчка заключается в максимальном прогибе палки. Крюк клюшки должен со всей силы ударять по ледовому покрытию за несколько сантиметров до самой шайбы, а не бить по ней напрямую. В этот миг деревянная клюшка сгибается как тугим боевым луком, накапливает колоссальную кинетическую энергию, а потом резко, как хлыст, выстреливает. За счёт этого скорость полёта каучукового диска получается просто бешеной — вратарь чисто физически, на уровне рефлексов не успеет среагировать на траекторию.

Я заложил короткий, резкий разгон, ловя рёбрами лед. Моё молодое гимнастическое тело сработало как идеальная, безупречно отлаженная анатомическая пружина. Я высоко, по-канадски замахнулся, уходя всем корпусом вниз, жестко зафиксировал голеностоп и со всей дури, весом всего тела вложился в этот удар.

Раздался сухой, оглушительный, оглушающий треск, похожий на резкий выстрел из винтовки в закрытом тире. Тяжелая, кондовая советская ясеновая клюшка просто физически не выдержала такой дикой, противоестественной для стандартов пятидесятих годов нагрузки. Она в ту же секунду с треском разлетелась в моих руках в мелкие щепки! Черенок с мясом переломился ровно пополам, а обломок развороченного крюка со свистом улетел куда-то далеко к деревянному борту.

Но каучуковый диск всё же поймал мой импульс. Тот самый — безумный, на пределе, когда рука уже не ведаёт, что творит. Шайба ушла с крюка так, словно её выстрелили. Чёрный снаряд, невидимый глазу, прошёл воздух через всю площадку — и вонзился в дальний борт с таким грохотом, что вздрогнули трибуны.

На толстом дереве осталась дыра. Глубокая. Дымящаяся. Щепки ещё падали на лёд, когда я опустил остатки клюшки.

Знаменитый Григорий Мкртчян на воротах не шелохнулся. Он так и стоял в своей старой стойке — с открытым ртом, с пустыми глазами, с клюшкой, которую даже не успел поднять. На катке повисла тишина. Та самая — звенящая, мёртвая, когда кажется, что время остановилось и забыло, как идти дальше.

Советские хоккеисты стояли, ловя ртами воздух. Их взгляды — дикие, неверящие — металлись между разлетевшимися по льду щепками и пробитым щитом у борта. Как будто они пытались понять: это произошло на самом деле — или им всем вместе приснилось.

Всеволод Бобров медленно, как-то совсем заворожённо подошёл ко мне вплотную. Он молча посмотрел на сиротливо зажатый в моей ладони обгорелый огрызок расщеплённого ясеневого черенка, затем перевёл тяжёлый взгляд на застывшего у бортика Василия Сталина и глухо, веско произнёс на весь притихший манеж:

— Да-а... Прав ты на все сто процентов, Ворон. Дрова наши отечественные для такой артиллерийской войны совершенно не годятся. Ломать — ломаем, а толку? Василий, ты слышишь меня? Пиши срочный приказ своим интендантам и внешторговцам. Кровь из носу, из-под земли достаньте, но нам в секцию нужны те самые многослойные гибкие канадские клюшки. Иначе мы этот чёртов пушечный щелчок из твоего будущего до начала чемпионата мира парням просто не поставим! Мы их палки в щепки изведём за пару тренировок.

Генерал Сталин, чей взгляд в этот момент горел чистым, фанатичным и безумным авиационным восторгом, лишь молча, солидно и согласно кивнул, уже прокручивая в голове, какие каналы Берии нужно задействовать ради этой закупки. Контур нового, непобедимого советского хоккея проступали на этом изрезанном лезвиями льду всё отчетливее и грознее.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Подпишитесь на профиль автора. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 8. Шашлык на даче.

Глава 8. Шашлык на даче. Глава 8. Накануне вечером к нам в номер буквально на пару минут заскочил весёлый дядя Серёжа. С порога громогласно объявил, что благодаря его армейским связям и протекции Василия Иосифовича самый сложный юридический вопрос с официальной регистрацией моих песен и музыки в ВУОАПе решится в положительную сторону уже на днях. — Ну а на завтра, товарищи артисты, у нас объявлен полноценный выходной! — задорно подмигнул полковник. — Поедем все вместе за город, на дачу. Шашлык-машлык кушать, взрослые будут хорошее грузинское вино пить, ну а для нашей привередливой молодёжи, так и быть, бутылочку лимонада «Ситро» найдут. Довольный собственной шуткой, он тепло попрощался с мамой и ушёл. Утро следующего дня, к чему мой организм уже успел окончательно привыкнуть, началось со строгой спортивной рутины: сорокаминутная пробежка по свежему московскому воздуху, бодрящие водные процедуры и лёгкий питательный завтрак в номере. Ровно в десять часов за нами пришли Василий Иосифович и дядя Серёжа. Попросив меня обязательно прихватить с собой шестиструнную гитару и все мои черновые наброски новой хоккейной амуниции, они оперативно усадили нас в просторный салон правительственного ЗИСа и повезли прочь из бурлящей столицы. Дорога по загородному шоссе заняла около тридцати минут. Мы аккуратно въехали на строго охраняемую, глухо огороженную зелёную территорию, окружённую вековыми соснами, и автомобиль мягко затормозил недалеко от въезда. Нас вежливо провели к просторной резной беседке с богато накрытым столом. Рядом уже вовсю чадил массивный железный мангал, над которым лениво разгорались и исходили жаром угли для шашлыка. Маму с истинно кавказским гостеприимством сразу усадили в глубокое плетёное кресло и заботливо укрыли плотным шерстяным покрывалом — на улице было довольно свежо, если не сказать прохладно. Меня же Василий Иосифович, внезапно по-свойски подхватив под руку, без лишних объяснений потащил напрямик к массивному двухэтажному деревянному дому. Сказать, что, переступив порог просторной комнаты, я был морально потрясён — это не сказать вообще ничего. Моё пятидесятилетнее тренерское прошлое и весь жизненный опыт XXI века в одну секунду превратились в пыль. В глубине строгого, обшитого дубовыми панелями кабинета за массивным письменным столом, неторопливо раскуривая свою знаменитую трубку, сидел сам Иосиф Виссарионович Сталин. А напротив него, на самом краешке жестких стульев, испуганно втянув головы в плечи, примостились Самсон Глязер и Всеволод Бобров. Посмотрев на меня своими знаменитыми, чуть прищуренными и непривычно умными глазами, Вождь народов едва заметно улыбнулся. Выпустив густую струю ароматного табачного дыма, он коротко кивнул в мою сторону и негромко, с характерным глубоким грузинским акцентом спросил у сидящих перед ним мэтров спорта: — Этот? Как два послушных китайских болванчика, великий хоккеист и легендарный фигурист мгновенно закивали головами и практически синхронно, сдавленными голосами выдавили: — Да, товарищ Сталин. Он самый. Иосиф Виссарионович не спеша отложил трубку на массивную малахитовую пепельницу, перевёл свой тяжёлый, пронизывающий взгляд с притихших мастеров на меня и негромко произнёс: — Ну хорошо, товарищи. Вы свободны. Ступайте на воздух, отдыхайте. С молодым человеком мы побеседуем наедине. Внутреннее оцепенение, сковавшее меня в первую секунду перед Вождем народов, внезапно улетучилось. На его место вернулся холодный, расчетливый разум взрослого тренера. Я выпрямил спину и по-военному четко произнес: — Здравствуйте, товарищ Сталин! Владимир Ворон по вашему распоряжению прибыл. Иосиф Виссарионович едва заметно улыбнулся, попыхивая трубкой: — Кричать не надо, Владимир. Присаживайся

к столу. Пока там на воздухе наши товарищи шашлык приготовят, мы с тобой немного поговорим. Я послушно опустился на указанный мне тяжелый стул. Немного подумав, решил не изображать из себя напуганного школьника и устроился поудобнее, уверенно опершись на подлокотники. Сталин тихо, иронично хмыкнул себе под нос, заметив это микродвижение: — А ведь правду про тебя в докладах пишут... Наглец. Совершенно не стесняешься. Ну ладно, молодец, робеть перед начальством не надо. Рассказывай. — Товарищ Сталин, а что именно рассказать? — спокойно спросил я. — Всё, что знаешь, рассказывай. Я мысленно взвесил каждое слово, понимая, на каком тонком лезвии сейчас стою: — Я родился в — Это я и без тебя в твоём личном деле читал, — мягко, но властно перебил меня вождь. — Мне другое интересно. То, о чём ты с такой железной уверенностью говоришь. О том, что будет впереди. Ты ведь рассуждаешь об этом не просто так, будто где-то прочитал или знаешь, а вроде как... сам всё это лично пережил и прочувствовал. Ты с такой пугающей точностью говорил и о наших фигуристах, и о хоккеистах. А твои технические предложения... — Сталин медленно поднял трубку тяжелого телефонного аппарата на столе: — Пусть занесут то, что привезли. Тяжелая дверь кабинета бесшумно открылась через несколько секунд. Внутрь четким шагом вошли двое сотрудников комендатуры в строгих синих кителях и бережно внесли на руках диковинные предметы: футуристический хоккейный шлем из литого пластика, коньки двух совершенно разных, невиданных для СССР видов, анатомическую хоккейную амуницию с плотными защитными чашечками. Они молча, аккуратно разложили всё это богатство на сукне стола прямо передо мной и так же бесшумно удалились. — Это всё было изготовлено за эти дни на наших оборонных предприятиях строго по твоим эскизам, — Иосиф Виссарионович бережно коснулся пальцами полированного лезвия фигурного конька с зубцами. — Инженеры и технологи, которые это делали, в один голос утверждают: все эти вещи сконструированы со стопроцентным знанием дела, в них досконально учтены малейшие нюансы анатомии и биомеханики. Никаких аналогов в мире сейчас нет. У нас, понятное дело, отродясь не было, но и у проклятых капиталистов тоже ничего подобного нет. Более того, те наши торговые люди за рубежом, которых мы оперативно попросили осторожно разузнать в Канаде и Европе про товары, изображенные на твоих рисунках, теперь сами шлют шифровки. Иностранные фирмы умоляют нас предоставить им такие образцы или продать лицензии на их производство. Естественно, предлагают платить чистой валютой. Сталин глубоко затянулся, и его пронизательные глаза уставились на меня сквозь сизый табачный дым: — Я только что, прямо перед твоим приходом, подробно говорил с товарищами Бобровым и Глязером. А моей дочке Светлане на домашний телефон со вчерашнего дня постоянно поступают слезные просьбы от Новожиловой и Толмачёвой — они требуют немедленно найти тебя и передать вас им на полное растерзание в секцию. Я думаю, ты не будешь со мной спорить, что все эти люди — величайшие знатоки своего дела в нашей стране. И все они в один голос утверждают: твои знания, умения и ледовая тактика абсолютно не соответствуют твоему паспортному четырнадцатилетнему возрасту. Я здесь сейчас даже не упоминаю о твоих песнях и музыке. Люди из Союза композиторов, которые краем уха слышали твои тетрадные записи, утверждают, что они гениальны, и тоже очень желают с вами познакомиться. Вождь отложил трубку, оперся локтями о стол и тяжело, веско закончил: — Так что ты мне на это скажешь, Владимир Ворон? Откуда у обычного читинского школьника всё это в голове? «Да уж, Володя... Ну и много же ты ляпов наделал со своим всезнайством, — промелькнула в голове паническая мысль. — Слишком рано раскрыл карты. И что теперь остаётся делать?» Я медленно поднял голову и посмотрел прямо в глаза Сталину — честно, открыто, без тени страха. Несколько минут в полутёмном кабинете царила абсолютная, давящая тишина. Мы молча буравили друг друга взглядами, словно взвешивая души на невидимых весах. Наконец Иосиф Виссарионович довольно, едва заметно кивнул, словно утвердительно решив для себя какую-то сложнейшую внутреннюю задачу. — Говори всё как есть, Владимир, — негромко,

но свинцово-веско произнёс он. — А мы здесь уже сами подумаем, как с этим быть. — Всё, товарищ Сталин? — я сделал глубокий вдох. — Даже если то, что я скажу, будет для вас очень неприятно? Сталин медленно отвернулся к окну, молча взял со стола свою трубку и принялся методично, не торопясь, забивать её табаком, потроша папиросы «Герцеговина Флор». Так же не спеша раскурил, выпустив сизый шлейф дыма, сделал несколько тяжелых шагов по ковру и снова повернулся ко мне. В его усталых глазах промелькнула вековая кавказская мудрость: — Говоришь, будет неприятно? А судя по твоему выражению лица, парень, там окажется даже гадко... Да-а, задал ты мне задачку, читинский самородок. Я понял, что это мой единственный шанс перехватить инициативу и отложить неизбежное до тех пор, пока мы оба не будем готовы: — Товарищ Сталин, там на улице, в беседке, мама ждёт. Гости собрались, да и шашлык, наверное, уже вовсю готов. Предлагаю прямо сейчас уделить время им. Я ведь не зря взял с собой гитару — мы с мамой споем для всех. А вот позже, когда вечер закончится и уставшие гости начнут собираться по домам, вы просто попросите меня остаться — якобы спеть ещё пару песен лично для вас. Вот тогда, в тишине, мы и поговорим обо всём абсолютно спокойно. Никто и ничто не будет нам мешать. Сталин на секунду замер с трубкой у рта, ошарашенный такой немислимой, фантастической стратегической наглостью четырнадцатилетнего мальчишки. А затем его усы дрогнули в искренней, довольной усмешке: — Наглец... Настоящий наглец! Но... хорошо, пускай будет по-твоему. Пойдём есть шашлык, раз уж он готов. Я поднялся со стула, подхватил чехол с гитарой и, прежде чем сделать шаг к двери, тихо добавил: — Товарищ Сталин, и ещё одна просьба... Пожалуйста, говорите мне «ты». А то, когда вы обращаетесь ко мне на «вы», получается слишком сильный диссонанс с моим нынешним паспортным возрастом. Вокруг люди, мало ли что подумают. Вождь народов остановился у самого порога, внимательно посмотрел на меня из-под седых кустистых бровей и негромко рассмеялся своим сухим, хрипловатым смехом: — Умный... Какой же ты умный, да... Хорошо, договорились. Идём к столу, генацвале! Дальнейший вечер проходил в удивительно тёплой, по-настоящему дружественной обстановке. Наша компания дружно расправилась с великолепным сочным шашлыком. Взрослые с явным удовольствием пили терпкое грузинское вино, а передо мной демонстративно водрузили массивный графин с прохладным домашним компотом. Иосиф Виссарионович время от времени бросал на меня проницательный взгляд из-под седых бровей и понимающе ухмылялся в усы, глядя, как умудрённый восьмидесятилетний тренер в теле мальчишки послушно тянет из стакана ягодный морс. Ближе к полуночи всё действие переместилось в просторную гостиную дачи. Я поудобнее перехватил гриф гитары, и начался марафон. Мама великолепно исполнила несколько пронзительных романсов под фортепиано, но в основном отдуваться за весь репертуар будущего пришлось мне. Постепенно на звуки музыки в комнату подтянулись новые гости, от имён которых у любого советского человека подкосились бы ноги: Светлана Аллилуева, молчаливый и мрачный Лаврентий Берия в своём знаменитом пенсне, сосредоточенный Молотов и маршал Ворошилов. Концерт закончился только в три часа ночи, но расходиться по домам никто категорически не хотел — магия песен будущего намертво держала этих суровых, вершивших историю людей. Каждый из них по очереди подходил, крепко обнимал меня и искренне благодарил за этот невероятный вечер. Когда в гостиной поднялась суета перед выходом, ко мне тихонько, со спины подошёл Сталин. Почти на самое ухо он заговорщицки спросил: — Лаврентия оставляем на ночной разговор? Или выставим за дверь? Я лишь понимающе пожал плечами, глядя на застывшего в отдалении главу атомного проекта: — Иосиф Виссарионович, вам решать. Вы здесь Хозяин. Через пару минут ко мне подошла мама. Она как-то скромно, растерянно улыбнулась и тихо произнесла: — Володя... Сам Сталин меня сейчас очень вежливо попросил, чтобы ты остался на ночь здесь, на даче. А меня Василий в гостиницу отвезёт. Ты ведь не против, сынок? — Мама, ну как можно такому человеку отказать? — мягко улыбнулся я, сжимая её ладонь. — Конечно, останусь, не переживай. Всё хорошо. Мама крепко обняла

меня, после чего они с Василием Сталиным тепло попрощались со всеми и направились к выходу. Когда высокопоставленные гости наконец разъехались, в огромном, окутанном полумраком зале остались всего трое: я, Сталин и Берия. Вождь народов медленно опустился в глубокое кресло, раскурил трубку, посмотрел на меня в упор и с хитрой ухмылкой приказал: — Ну что, Владимир... Давай, спой нам теперь что-нибудь этакое. Из неразрешённого. Я невозмутимо перебрал струны, настроил гитарный лад и язвительно уточнил: — Что, прямо совсем неразрешённого, товарищ Сталин? Чтобы вы меня потом отсюда с чистой душой и спокойной совестью честного коммуниста прямо на заднем дворе расстреляли? Они на секунду опешили от такой запредельной наглости, а затем синхронно переглянулись и во весь голос залились искренним, раскатистым смехом. Берия первый справился с эмоциями, вытер платком стёкла пенсне и удивлённо покачал головой: — Наглец... Каков наглец, а? Но смешно, чертяка, смешно! Иосиф Виссарионович с улыбкой повернулся к своему соратнику: — Лаврентий, ты не согласишься, но ты сегодня уже далеко не первый, кто его этим словом называет. У него это на лбу написано. Ну что же, подумал я про себя, крепче зажимая аккорд. Кто не спрятался — я не виноват. Марк Фрейдкин, родной, выручай, не подведи сейчас старика перед главными цензорами эпохи! Я глубоко вздохнул и ударил по струнам, заводя ироничный, слегка вальжанный мотив... Я упруго ударил по струнам, задавая гитаре легкий, почти вальсовый, но обманчиво едкий мотив. Посмотрев прямо в глаза двум главным вершителям судеб огромной империи, я запел, четко и ровно выговаривая каждое слово: — Так ведётся с давних времён у народов всех и племён: Нам мешая жить по-людски, Миром правят мудак. На первом же куплете Лаврентий Павлович резко дернул головой, а его пальцы, протиравшие шелковым платком золотое пенсне, на мгновение замерли в воздухе. Иосиф Виссарионович медленно выпустил изо рта густую струю дыма, и его взгляд под седыми бровями стал невыносимо тяжелым, каменно-проницательным. Но отступать было поздно. Гитара весело звенела, унося нас в будущее, о котором эти двое еще не имели ни малейшего понятия: — Главы всех правительств и стран Входят в этот родственный клан. Держит свора мудрых владык всю планету за кадык. Кризис, спад, дефолт и застой Не страшны династии той. Мор, война, импичмент, мятеж — А у власти-то все те же. Да, их можно трона лишить — Свергнуть или, скажем, пришить. Но на троне эдак ли, так. Вновь окажется мудак. Вот на радость гражданам всем. Околел мудак Ким Ир Сен. Кто ж в Корее новый кумир — Не мудак ли Ким Чен Ир? При упоминании Ким Ир Сена — действующего лидера дружественной Северной Кореи, с которым СССР прямо сейчас вел тяжелейшую корейскую войну, — Сталин едва заметно вскинул бровь. Имена Ким Чен Ира, Фиделя Кастро и Саддама Хусейна для них сейчас были пустым звуком, но общий, глобальный исторический контекст песни они считывали моментально, как гениальные гроссмейстеры геополитики. — Все на Кубе ждут втихаря, Скоро ль Кастро даст дубаря, Чтобы завтра править страной. Стал мудак очередной. Янки сдуру взяли Багдад, Дав Саддаму пендель под зад. И теперь на смену ему Должен сесть такой же му... Я сделал искусную, драматическую паузу, плавно замедляя гитарный перебор, и перешел на вкрадчивый, почти ласковый речитатив: — Он наступит, радостный час: Новый босс не минет и нас. Но сомнений нету ни в ком, Что он будет... умным, добрым и порядочным человеком. По губам Берии скользнула хищная, понимающая усмешка. Финал я выдал мощно, с вызовом, беря финальный, вибрирующий в тишине кабинета мажорный аккорд: — Если ж снова выйдет облом, К урнам двинем мы всем кодром, Чтобы выбрать вместо него. Сами знаете кого. Марк Фрейдкин не подвел — песня легла на сукно сталинского кабинета как идеально отточенный клинок. Когда затих последний отзвук струны, в огромном зале Ближней дачи воцарилась глубокая, звенящая тишина. Я аккуратно опустил гитару на колено и замер. Глаза моих высокопоставленных слушателей заблестели каким-то неистовым, лихорадочным блеском. Они молча переваривали эту фантастическую, злую и невероятно глубокую философию власти, пришедшую из конца двадцатого века. Берия медленно водрузил пенсне обратно на

переносицу, его взгляд за стеклами стал пугающе острым. Он повернулся к вождю и негромко, со своим характерным мингрельским акцентом произнес:— М-да Сами знаете кого. Слушай, Коба, этот мальчик сейчас спел то, о чём мы с тобой наедине думаем последние тридцать лет. Жестокая правда. Сталин глубоко затянулся, выбил пепел из трубки прямо в малахитовую пепельницу и тяжело, веско посмотрел на меня. На его лице больше не было улыбки. Наступало время того самого главного, ночного разговора, ради которого меня и оставили на этой даче.— Смотри, Лаврентий... Не боится он нас, — негромко, с тяжёлой ухмылкой произнёс Сталин, не сводя с меня глаз.— Не боится, Коба, совершенно не боится, — эхом отозвался Берия, тяжело опершись ладонями о стол.— Слушай, Лаврентий, а кто такие этот Кастро и Саддам, о которых он сейчас пел?— Кастро... Кастро... — Берия на секунду задумался, перебирая в памяти аналитические сводки МГБ. — Кажется, есть один такой молодой кубинец, юрист, мутит там воду против Батисты. А вот Хусейна никакого не знаю. Но я все имена из песни железно запомнил, Коба. Дам команду своим орлам — землю носом заруют, всё доложат. Или... — Лаврентий Павлович тяжело повернулся в мою сторону, — или молодой человек сам нам сейчас всё расскажет? И про Багдад, и про то, когда именно янки — я ведь правильно понимаю, это американцы? — этот самый Багдад штурмом взяли? И оба всесильных руководителя империи одновременно, мёртвой хваткой усталились на меня. В полумраке дачной гостиной их взгляды казались рентгеновскими лучами. Воздух в комнате стал густым, как кисель. Я кожей почувствовал, как вокруг моей шеи затягивается невидимая петля из сотен новых вопросов, допросов на Лубянке и аналитических записок. Нужно было срочно ломать этот сценарий. Перебивать послекусие злой сатиры чем-то монументальным.— Я расскажу, Лаврентий Павлович. Всё расскажу, — мой голос слегка дрогнул, но я перехватил гитарный гриф поудобнее. — Но перед этим... разрешите еще одну. Чтобы вы понимали: мы там, в тридцать пятом, не только зубы скалим. Мы помним, благодаря кому вообще дышим. Я не стал ждать их разрешения — в такой ситуации секундная пауза могла стать фатальной. Пальцы жестко, наотмашь ударили по струнам, высекая тяжелый, чеканный, почти трагический ритм. Совсем не похожий на легкие переборы предыдущей песни. «День Победы, как он был от нас далек...» — запел я, глядя прямо в уставшие, желтоватые глаза генералиссимуса. На строчке «Этот день мы приближали, как могли» Сталин медленно отложил трубку. Его рука так и осталась лежать на сукне стола, а пальцы начали едва заметно, в такт, постукивать по дереву.— Вы поете, что этот день приближали как могли... Значит, помнят? Через восемьдесят лет после меня — всё еще помнят и празднуют? Это хорошо. Значит, я строил это государство не зря, если даже ваши "мудаки" не смогли похоронить эту память. Сталин подался вперёд, положил накрахмаленные рукава кителя на сукно стола и тихо, свинцово-веско произнёс:— Говори, Владимир. Всё как есть говори! Я медленно обвёл их взглядом, выдержал гроссмейстерскую паузу, лихорадочно соображая и на ходу выстраивая стратегию того, как именно начать этот смертельно опасный рассказ.— Как вы, товарищ Сталин, и вы, Лаврентий Павлович, наверняка уже детально узнали из докладов, недавно со мной на школьной тренировке произошёл несчастный случай. Сорвался с перекладины.— Да, эти медицинские данные нам незамедлительно доложили, — сухо подтвердил Берия.— Так вот... В ту самую секунду прежний Володя Ворон умер. Я замолчал и посмотрел им прямо в лица. Они буквально впились в меня своими глазами, ловя каждое движение моих губ. Сталин едва заметно, требовательно кивнул:— Продолжай.— Умер тот мальчик, который родился и рос в вашем времени, — спокойно, без тени дрожи продолжил я. — А тот «я», который сейчас сидит перед вами, умер в глубоком, далёком будущем. Моё взрослое сознание неведомая сила просто выдернула из момента катастрофы и перенесла сюда, заперла в этом молодом четырнадцатилетнем теле. Лаврентий Павлович сидел на своём стуле неподвижный, словно каменное изваяние, и бледный как полотно. Его пальцы намертво вцепились в подлокотники. А вот Сталин отнёсся к чертовщине на удивление прагматично. Он лишь глубже затянулся трубкой и спросил просто, по-деловому:— Из какого

именно года ты к нам прибыл?— Из две тысячи тридцать пятого года. Последние тридцать два года своей прошлой жизни я безвыездно прожил в Китае, тренировал их сборную. А по национальности я... мингрел. Выдержав секундную паузу и глядя на ошарашенное лицо Бери, я мягко перешёл на чистейший, безупречный грузинский язык:— Здесь, в вашем времени, я пока ещё даже не родился. Мне только предстоит сделать это в одна тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, в городе Тбилиси. Лаврентий Павлович, до этого момента не сводивший с меня пристального взгляда, судорожно сглотнул и сдавленным, хриплым голосом выдал по-русски:— В Советском Союзе, значит, родился, а жил и работал в Китае?.. Мы что... мы в будущем объединились с Пекином в одно государство? Великий блок?— Нет, Лаврентий Павлович, — я горько и печально усмехнулся. — Никто ни с кем не объединился. В моём родном мире никакого Советского Союза больше нет. Великая держава полностью развалилась в декабре одна тысяча девятьсот девяносто первого года. А первой из состава республик со скандалом вышла Литва — ещё весной одна тысяча девятьсот девяностого. Что тут началось... Оба вождя, словно по команде, одновременно вскочили со своих мест, начисто позабыв про всякую чинную номенклатурную солидность. По огромной гостиной Ближней дачи началось самое настоящее, хаотичное броуновское движение. Сталин, тяжело дыша и яростно пытаясь трубкой, мерил шагами ковёр от окна к дверям, а Берия, бледный как мел, метался ему наперерез, нервно на ходу протирая стёкла пенсне. Мне в какой-то момент даже стало чисто по-тренерски любопытно: столкнутся они сейчас лбами на крутом вираже или всё-таки разминутся? Нет, не столкнулись, профессиональная аппаратная траектория спасла. Наконец Иосиф Виссарионович, тяжело кряхтя, подошёл к своему креслу и бессильно опустился на сиденье. Прозвучали первые слова страшной правды из будущего.— Лаврентий, сядь, — глухо, мертвенным голосом приказал Сталин, не отрывая взгляда от дубовой столешницы. — Сядь и слушай. Берия на неслушающихся ногах подошёл к соседнему стулу и буквально рухнул на него. На его лбу выступили крупные капли пота. Иосиф Виссарионович медленно поднял голову, его глаза потемнели:— Рассказывай, Владимир... Почему всё так стало? Почему великая страна развалилась?— Это слишком долгий и страшный разговор, товарищ Сталин, — тихо, но твёрдо ответил я. — Но большинство историков и аналитиков будущего сходятся в одном: всё началось сразу после вас. Вы совершили две самые главные, роковые ошибки.— Я?! — Сталин резко подался вперёд, и его усы яростно дёрнулись. — Я сделал ошибки?!— К огромному сожалению, да. И первая ваша ошибка заключается в том, что вы... умерли. Вождь народов на секунду опешил, а затем горько, хрипло усмехнулся, взмахнув рукой:— Вах! Разве это ошибка, генацвале? Все мы там когда-нибудь будем. Человек не вечен.— Вы умерли слишком рано, товарищ Сталин.— Я не понял? Что значит — слишком рано?— Это случится ровно через полгода, — я заглянул ему прямо в зрачки, чеканя каждое слово. — Пятого марта одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Здесь. В этом самом здании Ближней дачи, на которой мы сейчас находимся. Пожалуйста, выслушайте меня до конца! — прикрикнул я, заметив, как Берия судорожно схватился за сердце. — Ваша вторая стратегическая ошибка — после себя вы не оставили сильного, признанного всеми преемника, который мог бы повести за собой партию и страну.— А Лаврентий? — Сталин резко перевёл тяжелейший взгляд на побледневшего Берия. — Разве Лаврентий не остался?— Лаврентий Павлович переживёт вас всего на три с половиной месяца, — я повернулся к главе атомного проекта. — По одним архивным данным моего времени, двадцать шестого июня одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года вы будете тайно убиты прямо во время захвата вашего дома группой заговорщиков по приказу Хрущёва, Маленкова и Булганина. По другим данным — вас арестуют, затем последует закрытый суд и расстрел. Насчёт моей вменяемости можете даже не сомневаться, Лаврентий Павлович. Я досконально знаю географию и биографию товарища Бери — Лавренти Павлес ძე ჯგერო. В кабинете воцарился такой могильный холод, что казалось, на стенах сейчас выступит иней. Но я

продолжал бить фактами из будущего наотмашь, выдавая то, о чём в 1952 году знал лишь узкий круг лиц:— Я могу в деталях рассказать о вашем дестве, о службе в азербайджанской контрразведке, о том, как вы поехали в Грузию и служили в азербайджанской ЧК. Я знаю, чьи приказы выполнял Меркадер, направляя ледоруб в голову Льва Троцкого. Я знаю всё про ваш Спецкомитет и Манхэттенский проект. Знаю, как тяжело продвигался наш советский атомный проект, как испытывали РДС-1 и как лично вам и академику Курчатову решением Политбюро было присвоено абсолютно уникальное звание «Почётный гражданин СССР» с официальной формулировкой: «За выдающиеся заслуги в укреплении могущества СССР». Это, кстати, подробно описывал в своих мемуарах Павел Судоплатов, которого ваши вчерашние соратники тоже арестуют в пятьдесят третьем. Рассказать вам про «дело врачей» и «дело авиаторов», которые вы сейчас ведёте? Продолжать, Лаврентий Павлович? Берия, тяжело и хрипло дыша, медленно поднял руку, останавливая мой лавинообразный поток информации. Его стёкла пенсне запотели.— Хватит... — глухо выдавил он, глядя на меня с суеверным ужасом. — Верю. Ты действительно всё это знаешь.— Ваша супруга Нино Теймуразовна, Лаврентий Павлович, проживёт долгую жизнь, — тихо, но отчетливо продолжил я в гробовой тишине кабинета. — В одна тысяча девятьсот девяностом году, в возрасте восьмидесяти четырёх лет, она даст громкое, подробное интервью, в котором до последнего слова полностью оправдает вашу государственную деятельность. После вашего... скажем так, исчезновения, всех ваших близких родственников показательно вышлют в самые разные, глухие концы СССР. Забыл добавить: в официальном обвинении советские суды назовут вас британским шпионом и предателем, работавшим на подрыв советской власти. Сталин от такой вопиющей, абсурдной нелепости — назвать главу советской ядерной программы английским шпионом — не выдержал и хрипло, горько засмеялся в кулак. Дождавшись, пока в комнате снова воцарится звенящая тишина, я перевёл взгляд на вождя:— Товарищ Сталин, ваш бывший бессменный «цепной пёс» Николай Власик... Я прекрасно знаю, что сейчас он проходит по сфабрикованному «делу врачей», отстранён от должности и глубоко обижен на вас. Но знайте: всю свою оставшуюся жизнь он до последнего вздоха оставался предан вам. Из него выбивали компромат на вас в застенках, выбивали очень жёстко, страшно просили дать нужные показания — но он не дал против вас ни одного слова. Я сделал небольшую, психологическую паузу, давая Иосифу Виссарионовичу переварить это известие, и пошёл на самый рискованный шаг — выложил перед ним судьбу его детей, намеренно сместив акценты в истории Василия, чтобы не разозлить вождя раньше времени:— Ваш сын, Василий Сталин, будет арестован вскоре после вашей смерти. Официально его обвинят в банальной растрате государственных средств, злоупотреблении служебным положением, рукоприкладстве и клеветнических заявлениях в адрес нового руководства коммунистической партии. Ему дадут восемь лет тюрьмы. Из Владимирского централа он выйдет практически полным инвалидом, но от вашего имени и памяти никогда не откажется, несмотря на сильное давление. В далёком одна тысяча девятьсот девяносто девятом году этот приговор ему, конечно, полностью отменят за отсутствием состава преступления. Но так как умер он в ссылке, в Казани, ещё в шестьдесят втором году, легче ему от этой посмертной реабилитации, сами понимаете, не стало. Даже его любимое детище — хоккейный клуб ВВС МВО, который мы сегодня тренировали, новые правители расформируют в один день, чтобы вообще ничего о Василии и его спортивных триумфах не напоминало. А ваша дочь, Светлана... Она будет терпеть это огульное очернение вашей памяти сколько сможет. А потом, уже в шестидесятых годах, уехав в Индию, попросит политического убежища в американском посольстве. Она уедет в США и проживёт там всю оставшуюся жизнь, занимаясь писательской деятельностью под фамилией Питерс. Я, конечно, прекрасно понимал, что очень много недоговариваю и сознательно умалчиваю о ключевых фигурах грядущей катастрофы, но внутреннее чутьё тренера и аналитика упрямо подсказывало: прямо сейчас по-другому нельзя. Нельзя выдавать им всё и сразу, нужно дозировать информацию. Тяжёлая

пауза в полутёмной гостиной затянулась на несколько минут. Сталин медленно встал со своего кресла, подошёл к массивному дубовому столу и взял запотевший стеклянный графин с тёмно-рубиновым грузинским вином. Прихватив три простых гранёных стакана, он вернулся к низкому столику, вокруг которого мы сидели. Молча, с застывшим каменным лицом налил до краёв. Мы синхронно подняли стекло и так же молча, не чокаясь, осушили стаканы до самого дна. Терпкий, вязущий напиток огнём покатился по пищеводу. — Дальше... Дальше что в стране было? — глухо, глядя куда-то сквозь меня, спросил Сталин. — Почему наш советский народ... великий народ-победитель позволил Союзу так просто взять и развалиться? — А дальше, товарищ Сталин, всё покатилось по наклонной, — я аккуратно поставил пустой стакан на столик. — Сперва к власти прорвётся Хрущёв со своей безумной кукурузной эпопеей. Именно он на закрытом съезде официально раскроет так называемый «культ личности Сталина» и его ближайших приспешников, огульно обвинив лично вас и Лаврентия Павловича во всех мыслимых и немыслимых репрессиях. За ним придёт Брежнев со своим затяжным застоём. При этом Советский Союз десятилетиями будет тратить астрономические, неподъёмные суммы на раздутую армию и бесконечную помощь десяткам бедных, полудиких стран по всему миру. Мы станем безвозмездно — то есть абсолютно даром — передавать им новейшее оружие, технику, эшелоны продуктов питания. Страна десятилетиями будет тащить на горбу все присоединённые республики в ущерб коренной России. А в это самое время внутри самого Союза начнёт свирепствовать жуткий дефицит. Обычный рабочий народ в магазинах элементарно купить ничего не сможет, годами выискивая на прилавках колбасу и обувь, пока капиталистический Запад вовсю процветает и заманивает красивой картинкой. Под занавес к рулю придёт Горбачёв и пообещает уставшим людям новую, лучшую жизнь. Правда, забыв при этом добавить, что лучшей она станет далеко не для всех. А дальше наш высший партийный аппарат начнёт нагло и открыто грабить собственную страну, подминая под себя в ходе приватизации ведомственные заводы и фабрики. И в один прекрасный день все ваши вчерашние верные коммунистические лидеры в одночасье превратятся в самых махровых, циничных капиталистов. Вот такая вам краткая историческая справка, уважаемые руководители. Лаврентий Павлович из-под стёкол своего пенсне посмотрел на меня с хитрецей, пытаясь нащупать конкретику: — Хорошо... А кого в твоём времени, среди ваших умных историков, называли идеальной кандидатурой? Кого, по их мнению, Иосифу нужно было взять в преемники, чтобы этого кошмара избежать? Про себя я лишь иронично ухмыльнулся: «Ну уж нет, товарищ нарком, не на того напали. Игры в угадывание имён я с вами устраивать не буду». — В будущем на этот счёт существует слишком много полярных мнений и звучат самые разные фамилии, Лаврентий Павлович, — уклонился я от прямого ответа. — Но большинство серьёзных аналитиков склоняются к тому, что нужно было кардинально реформировать саму государственную систему. Требовалось жёстко разделить государственное управление экономикой и саму коммунистическую партию. Нужно было вовремя выбрать молодого, крепкого, циничного хозяйственника и воспитать его строго под эту задачу. И самое главное — сделать так, чтобы партийные чиновники не имели на его экономические решения вообще никакого влияния! А то у вас в стране получается точно так же, как во время недавней войны на фронте: сидит комиссар, который в военном деле ничего не смыслит, отменяет стратегический приказ боевого командира и заставляет делать всё по-своему, чисто по партийной указке. Если атака захлебнулась и люди погибли — виноват командир, он ведь приказ не выполнил, а комиссар вроде как и ни при чём, он же просто идеологию двигал! Вот так же у вас сейчас происходит и с экономикой. Не справился партийный назначенец с заводом — его переводят руководить фабрикой. Окончательно развалил фабрику — ничего страшного, партийный билет в кармане, иди теперь поднимай колхоз! В итоге все карьеристы, шкурники и бездари толпой полезли в партию, ведь без заветной красной книжки никакой руководящей работы в СССР в принципе не видать. А надо, чтобы в партии и в комсомоле состояли далеко не

все подряд ради галочки, а только те единицы, кто действительно заслужил это своим трудом и кровью. Хватит превращать членство в ВКП(б) в карьерную обязаловку, это должно быть величайшей честью!— Слышишь, Лаврентий, как нас с тобой сейчас изыщно умыли? — Сталин горько усмехнулся, медленно покачав головой. — А ведь я тебе ещё когда говорил, что именно так и надо делать, надо разделять эти ведомства... Ладно, Владимир. Ответь мне на главный вопрос: почему конкретно я умер? Из-за чего это случилось?— Тут я вам со стопроцентной точностью сказать не могу, товарищ Сталин, — вздохнул я. — В моем времени историки до сих пор бьются над этой загадкой. По одним архивным данным, у вас случился обширный инсульт, по другим — вас преднамеренно отравили заговорщики. Но самое страшное в том, что, когда вам стало плохо, рядом с вами на даче не оказалось преданного Николая Власика. Охрана из комендатуры так сильно боялась вашего гнева, что никто из сотрудников МГБ целые сутки просто не посмел без спроса зайти к вам в запертый кабинет. А когда они наконец решились переступить порог — время было безвозвратно упущено. Медицинская помощь запоздала. Иосиф Виссарионович на секунду окаменел. Его пальцы так сильно сжали черенок трубки, что побелели суставы. Он резко повернул голову к замершему министру:— Лаврентий... Немедленно верни Власика на место. Прямо завтра. Освободи, верни все полномочия и обеспечь мою личную безопасность. А с остальными нашими «друзьями» мы потихоньку разберёмся сами. — Вождь снова перевёл взгляд на меня: — Как, ты говоришь, тебя звали в твоей прошлой, взрослой жизни?— Владимир Эрастович, — твёрдо ответил я. — Хорошо. Будешь для нас отныне — товарищ Володя. Думаю, на сегодня мы наш ночной консилиум будем закругляться. Нам с Лаврентием нужно вдвоём очень крепко подумать, как теперь будет лучше поступить. Но вот тебе напоследок ещё один вопрос, парень: а сам-то ты чего во всей этой истории для себя хочешь? Какая твоя личная цель? Я поудобнее перехватил чехол с гитарой, поднялся со своего места и спокойно, с законной гордостью опытного тренера-деспота из будущего посмотрел на них двоих:— Товарищ Сталин, я в своём прежнем мире всю свою жизнь без остатка посвятил прозрачному холодному льду и фигурному катанию. И сейчас, в этом теле, я хочу лишь одного: чтобы советские фигуристы и хоккеисты стали безоговорочно самыми лучшими на этой планете. Разрешите мне просто накатать сборную Союза и на глазах у всего мира официально надрать задницы заносчивым капиталистам. Сталин на секунду опешил от такой залихватской спортивной наглости, а затем его усы дрогнули, и он впервые за ночь искренне, раскатисто расхохотался:— Слышишь, Лаврентий? Он не просит у меня чинов, дач или министерских портфелей. Мальчик просто хочет с треском надрать задницы американцам и канадцам на льду! Как думаешь, Павлович, разрешить ему такую малость? Берия молчал, замерев на своём стуле и пристально, сквозь стёкла круглого пенсне всматриваясь в моё лицо. В его глазах отражался целый вихрь лихорадочных мыслей. — Что ты молчишь, Лаврентий? — Сталин с лёгким прищуром посмотрел на соратника. — Что, страшно тебе стало? Лаврентий Павлович шумно, тяжело прокашлялся и хрипло выдавил, честно признавая своё поражение:— Страшно, Коба... Очень страшно, когда тебе вот так запросто, посреди ночи, называют конкретные даты и поимённо перечисляют твоих будущих убийц. — Ничего не бойся, — Сталин веско хлопнул ладонью по столу, и его голос снова налился прежней свинцовой, маршальской силой. — Теперь мы всё полностью поменяем. Всю историю перепишем. Ведь не напрасно же этого читинского чертяку к нам сюда из будущего забросило! Всё, на сегодня аудиенция окончена. Всем спать. А там, на свежую голову, мы всё решим. Абсолютно всё и абсолютно всем вспомним. И вовремя напомним! Выходя из дверей окутанного полумраком кабинета, я отчётливо понимал, какие именно страшные расстрельные списки заговорщиков и реформы МГБ эти двое сейчас начнут яростно обсуждать за закрытыми дверями. Колёса советской истории со скрипом повернули на совершенно новую, неизведанную колею. Бесшумный охранник в синем кителе вежливо провёл меня по длинному коридору Ближней дачи в выделенную гостевую комнату. Сил

не оставалось вообще. Кое-как добравшись до дивана, я упал на него прямо в одежде и, сам от себя не ожидая такой слабости, моментально провалился в глубокий, спасительный сон без сновидений. А в это время за плотно закрытыми массивными дверями сталинского кабинета два самых грозных человека империи продолжали сидеть в звенящей предрассветной тишине. Иосиф Виссарионович медленно раскурил погасшую трубку, шумно выпустил струю дыма и негромко спросил своего соратника:— Ну... Что скажешь на это, Лаврентий?— Коба, я искренне не понимаю, откуда этот мальчишка всё знает, — хрипло, утирая пот со лба, отозвался Берия. — Такое просто невозможно выдумать. Только если он действительно... оттуда. Из грядущего века.— Думаю, оттуда, — веско уронил Сталин, глядя в окно на темные силуэты подмосковных сосен. — То, что он рассказал про твою молодость, мало кто вообще на этом свете знает. А некоторые вещи... ты, наверное, уже и сам думал, что никто никогда не раскопает. А потомки, видишь, всё знают. Плохо ты свои архивы почистил в Тбилиси и Баку, Лаврентий. Очень плохо.— А с этим... с дураком Никитой и остальными что теперь делать будем? — Берия хищно прищурился из-под стекол пенсне.— Завтра начнём слушать нашего читинского гостя, — Сталин жестко постучал пальцем по столу. — Внимательно слушать, до малейшего слова. Пока ничего на бумагу не записывать, никакие стенограммы не вести. Только мы двое должны об этом знать. Власик завтра... нет, уже сегодня днём, кровь из носу, должен быть здесь, на даче. Я тебе эту его поспешную опалу и «дело врачей» потом отдельно припомню, Лаврентий. Вот расскажет нам Володя подробно, как меня тут без помощи парализованного бросили, — будешь передо мной очень бледный вид иметь. Свою и мою личную охрану прямо с этой минуты потихоньку, без шума проверь. Сам ведь прекрасно понимаешь — мы с тобой в одной лодке. Ты уже и сам отлично понял: история будущего ясно показывает — не будет меня, и тебя следом живьем закопают. Надеюсь, ты хорошо запомнил имена тех, кто приказал тебя арестовать и расстрелять? Интересно всё-таки... А кто именно из них тебя в бункере застрелил? Берия после этих слов вождя стал ещё блее, чем был до этого.— Ну, не переживай так, Лаврентий, — Сталин внезапно мягко улыбнулся и ободряюще хлопнул соратника по плечу. — Теперь наш ход. Мы предупреждены, мы всё знаем наперёд и сделаем так, как правильно для государства. Готовь те самые масштабные указы по реформе управления, которые мы с тобой уже давно обсуждали. Будем делать, жестко и без оглядки. И пусть теперь кто-нибудь из этих тыловых крыс попробует против нас вякнуть.— Ладно, иди отдохни пару часов, — Сталин поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — С самого утра начнём работать по-крупному.— Сделаю, товарищ Сталин, — твердо, возвращая себе былую наркомовскую уверенность, кивнул Берия. — Всё сделаю в лучшем виде, не сомневайтесь.— А я теперь, Лаврентий, в этом ни секунды и не сомневаюсь, — удовлетворенно выдохнул вождь. Он откинулся на спинку кресла и внезапно сменил тему: — Скажи... А песни-то мальчишки тебе в итоге понравились?— Понравились, Коба, — Лаврентий Павлович искренне, с затаенным восторгом улыбнулся. — Очень понравились. Сильные вещи. Надо обязательно сделать так, чтобы наш советский народ их услышал.— Значит, пусть слушают, помоги парню оформить все бумаги на них, — одобрительно кивнул Сталин. — Мы тоже с тобой ещё обязательно Володю послушаем, мне вот его последняя песня про власть мудаков очень понравилась. Сильно парень завернул. И оба руководителя огромной сверхдержавы дружно, негромко рассмеялись, полностью сбрасывая с себя остатки ночного оцепенения. — Ладно, иди отдохни пару часов, — повторил вождь. Сталин подошёл к массивному окну кабинета, за стеклом которого уже всюю брезжил бледный, холодный подмосковный рассвет. — Да уж... Отдохнули называется, — тихо проворчал он себе под усы, глядя на рождающийся новый день совершенно новой, переписанной ими истории. Раз уж мы так лихо закрутили интригу в этой главе, самое время заглянуть в будущее. Напоминаю, что в моём блоге всюю идёт конкурс: кто точнее всего предскажет сюжет пролога второго тома, получит продолжение совершенно бесплатно! Подсказок в тексте нет, логика бессильна — решают только интуиция

и здоровое безумие. Как поддержать дебют автора: Книга первая, поэтому ваша активность сейчас критически важна. Лучшая награда для меня — это ваш лайк (нажать «Нравится»), подписка на автора и добавление книги в библиотеку. Спасибо всем, кто уже в строю, читает, добавляет в библиотеки и комментирует! Приятного погружения!

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Подпишитесь на профиль автора. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 9. Коммунистический капиталист.

Глава 9.

Утро для меня началось только в полдень. Разумеется, внутренние биологические часы профессионального тренера разбудили меня гораздо раньше, но устраивать самодеятельность и беспокоить суровую, бдительную охрану правительственной Ближней дачи мне категорически не хотелось. Слишком хорошо я понимал, что любой лишний шорох в этих коридорах мгновенно заставит парней Власика взвести курки. Поэтому я терпеливо и дисциплинированно лежал на массивном диване, разглядывая лепнину на высоком потолке и ожидая, когда обо мне наконец вспомнят.

Вспомнили ровно в двенадцать часов дня, минута в минуту. Бесшумный, подтянутый сотрудник в синем кителе органов госбезопасности вежливо проводил меня в просторную ванную комнату, где я быстро привел себя в надлежащий вид, смыв остатки тяжелого ночного напряжения, а затем вывел в ту самую гостиную. За богато накрытым обеденным столом меня уже терпеливо поджидали Сталин и Берия. Оба выглядели измотанными, с темными тенями под глазами после тяжелой бессонной ночи, но взгляды их оставались пугающе сосредоточенными, цепкими и абсолютно трезвыми. Пахло крепким табаком, свежим хлебом и кавказскими специями.

Сказать, что мы кушали не спеша, я не могу. Хозяева кабинета изо всех сил старались делать вид, что никуда не торопятся, чинно передавая друг другу приборы и разливая суп, но по их застывшим, натянутым как струна позам было отчетливо видно: они оба до безумия хотят как можно скорее покончить с формальностями и вернуться к нашему ночному разговору, перевернувшему их картину мира. Тем не менее кавказская выдержка победила — мужчины стоически дотерпели до подачи горячего чая, не проронив ни одного лишнего слова в присутствии молчаливых вестовых.

И едва над белоснежной скатертью задымились фарфоровые чашки с крепким янтарным настоем, Лаврентий Павлович, подавшись вперед всем телом и хищно блеснув толстыми стеклами пенсне, задал первый прямой вопрос:

— Ну хорошо, товарищ Володя. С историей будущего мы ночью немного разобрались, определенные выводы для себя сделали. Теперь расскажи: как ты конкретно видишь свои дальнейшие шаги на спортивном фронте? Что нам делать прямо сейчас, на этом ледовом пятаке?

— Всё достаточно просто, — спокойно ответил я, делая небольшой глоток обжигающего чая и откидываясь на спинку стула. — Мы обязаны официально заявить сборные СССР и принять самое активное участие в грядущих чемпионатах Европы и мира — как по фигурному катанию, так и по хоккею с шайбой. Уже этой зимой. Тянуть время нельзя, нужно ковать железо.

— Хм... А если вы там с треском проиграете? Перед лицом всего капиталистического мира? — Берия недоверчиво прищурился, и в его голосе прорезался холодный наркомовский металл. — Политический урон для престижа Союза и партии в случае разгрома просчитывал, парень?

— Можем и не выиграть с первого раза, Лаврентий Павлович. Предвзятое, насквозьгнилое международное судейство в капстранах еще никто не отменял. Нашу страну там, мягко говоря, никто не любит, не ждет и спать спокойно без пакостей в наш адрес не может, — я твердо, без тени робости посмотрел ему прямо в глаза. — Именно поэтому обычными методами нам действовать нельзя. Забудьте про классический советский спорт. Нам нужно их ошарашить, удивить, показать им настоящий кибернетический космос на льду! Мы должны заставить простых иностранных обывателей, всю эту западную публику, искренне болеть за нас и поддерживать советских спортсменов. Понимаете? Даже если западные арбитры попыта-

ются нагло, в открытую нас засудить в угоду своим буржуазным правительствам, их собственный народ на трибунах будет громко, до хрипоты возмущаться этой несправедливостью. Мы устроим грандиозный триумф на глазах у миллионов.

Сталин, до этого момента молча куривший свою неизменную трубку в углу стола, довольно ухмыльнулся в густые усы, перевел хитрый взгляд на соратника и веско произнес:

— Учись, Лаврентий, как дела мирового масштаба делать надо. Парень не просто шайбу гоняет, он зрит в самый корень геополитики. Ну-ка, продолжай, Володя, слушаем тебя внимательно.

— Чтобы заявить о себе во весь голос на их же территории, нам нужно показать, что советские люди могут то, чего в мире не умеет делать вообще никто, — азартно продолжил я, чувствуя, как внутри меня с новой силой разгорается мой прежний, привычный тренерский кураж деспота из двадцать первого века. — Для этого наша спортивная делегация фигуристов должна приехать в Европу намного раньше официального старта соревнований. Нам необходимо за хорошие деньги арендовать местный каток. И там, за неделю до начала турнира, мы начнем проводить ежедневные открытые тренировки для прессы и широкой публики. И поверьте мне: то, что они увидят на этих занятиях — наши невероятные каскады, безупречные тройные прыжки, реактивную скорость и сложнейшие поддержки, которых физически нет в их учебниках, — заставит толпы людей штурмом брать ледовую арену. А мы на этом диком ажиотаже начнем зарабатывать чистую, звонкую валюту! За саму возможность просто прийти, сесть на трибуну и посмотреть на наши тренировки мы будем брать с иностранцев плату. Для начала небольшую, но она уже полностью, с избытком покроет все наши первоначальные расходы на поездку.

— Погоди! — Лаврентий Павлович возмущенно всплеснул руками, его наркомовский разум жесткого госснабженца мгновенно выдал внутренний протест. — Это же означает тратить дефицитную золотую валюту, оторванную от оборонных заводов, на аренду их буржуазных катков еще до начала официального чемпионата! Где здесь рациональность, где логика?

— Да, Лаврентий Павлович. Тратить валюту сейчас, чтобы потом зарабатывать её миллионами и везти в Москву мешками, — я вежливо, но настойчиво и жестко перебил главу Спецкомитета, не давая ему задавить меня авторитетом. — Давайте наконец учиться думать по-другому, более масштабно и цинично. Я скажу вам так: на канадском и американском хоккее за океаном хитрые дельцы уже сейчас зарабатывают колоссальные миллионы, крутят огромные капиталы, а у нас в Союзе этот спорт приносит казне один сплошной убыток. Я предлагаю прямо с этого сезона перевернуть игру и начать зарабатывать на советском спорте. Сделать его оружием экспансии. Поверьте мне, с моими знаниями тактики, психологии толпы и законов шоу мы сможем это сделать в кратчайшие сроки.

— Но где нам изначально брать эту самую валюту на раскрутку, на первые шаги, если в бюджете Империи каждая марка и доллар на строгом учете?! — Берия упрямо гнул свое, буравя меня взглядом из-под пенсне.

— Не поверите, Лаврентий Павлович... Мы возьмем её у них же самих, из их карманов, — я хитро улыбнулся, переводя взгляд с одного вождя на другого. — Причем они сами, добровольно будут приносить нам свои доллары с огромным удовольствием, да еще и в очередь выстроятся у наших посольств, умоляя о контрактах. А мы на эту чистую буржуазную валюту потом станем закупать передовые станки, швейцарские калибры, строить новые заводы, кремниевые фабрики и модно, качественно, красиво одевать наших советских людей. Сделаем спорт золотой жилой для государства.

Иосиф Виссарионович медленно поднялся со своего места, заложил руку за борт серого кителя и задумчиво прошелся по мягкому ковру комнаты, окутанный сизым, ароматным табачным шлейфом. Остановившись у огромного окна, за которым шумели подмосковные сосны, он обернулся:

— И как конкретно ты это себе видишь, Владимир? За счет какого чуда мы совершим этот валютный прорыв? Петь они там на льду будут, что ли?

— Самый простой и быстрый ответ, товарищ Сталин, — это именно песни. Мы будем массово продавать им музыкальные произведения на экспорт.

— Хм... Кому на зажравшемся, пресыщенном Западе нужны наши строгие советские песни? — недоверчиво хмыкнул Берия, поправляя дужку пенсне и качая головой. — У них там своя буржуазная эстрада, джазы и кабаре процветают, индустрия грамзаписи работает как часы. наших «Коробейников» они вагонами скупать не станут.

— А кто вам сказал, Лаврентий Павлович, что песни будут наши, советские? — я хитро прищурился, выдерживая гроссмейстерскую паузу.

Оба руководителя огромной империи одновременно, с одинаковым выражением лица, недоуменно и потрясено посмотрели на меня. В комнате повисла звенящая тишина.

— Я предлагаю официально, легитимно продавать капиталистам их собственные песни, — веско, с паузами произнес я и выразительно постучал указательным пальцем по своему виску. — Те самые шедевры мировой эстрады, поп-музыки и рок-н-ролла, которые в этой реальности еще даже не написаны их авторами, но уже до единой ноты, аккорда и строчки намертво зафиксированы вот здесь, в моей памяти.

Сталин от неожиданности удивленно усмехнулся в усы, и в его глубоких глазах впервые за день вспыхнул настоящий, искрометный и чисто азартный огонек игрока:

— То есть... ты на полном серьезе хочешь продавать им их же будущую музыку, опережая время и законы природы?

— Именно так, товарищ Сталин. И у меня этих будущих мировых хитов — на английском, французском, испанском языках — в голове скопилось столько, что нам на долгие десятилетия вперед с избытком хватит, чтобы скупить половину их активов. Но мы не должны просто глупо продать им ноты за разовый куш, как дикари. Мы обязаны юридически грамотно, через подставные европейские фирмы оформить и намертво закрепить за СССР все международные авторские права на эти произведения! Пускай крутят их по своему радио, пускай поют в ресторанах, крутят на пластинках и крутят на стадионах, но западные юристы, подчиняясь своим же международным законам, будут сами, своими руками заставлять буржуазные корпорации платить регулярные отчисления на счета Советского Союза. За их же собственные деньги мы устроим им культурный мат.

— Вот ведь паразит... — восхищенно, с истинно грузинским колоритом покачал седой главой Сталин, моментально оценив всю гениальность этой циничной и красивой схемы. — И сколько же чистой валюты мы сможем таким образом получить в нашу казну? На какие цифры мы выходим?

— Думаю, для начала... около миллиарда долларов нам вполне хватит на первичную модернизацию, — скромно пожал я плечами, словно речь шла о покупке буханки хлеба в магазине.

Оба руководителя империи одновременно, словно по невидимой команде, вскочили на ноги со своих мест. У Лаврентия Павловича, от такой запредельной и космической цифры для одна тысяча девятьсот пятьдесят второго года, аж серебряный подстаканник в руке звякнул об блюдце:

— Сколько... Сколько ты сказал, парень?! Миллиард?! Да ты хоть понимаешь, что такое миллиард американских долларов?!

— Разумеется, всю сумму сразу на блюдечке нам никто не выложит, американские банкиры зубами загрызут за свои центнеры золота, — спокойно продолжил я, уверенно удерживая их внимание и ни на секунду не сбавляя напор. — Но я абсолютно уверен: сразу после нашего грандиозного триумфа на зимнем чемпионате мы сможем заключить первые экспортные контракты миллионов на двести-триста. Для этого нам нужно прямо сейчас, в обстановке

строжайшей секретности, подготовить классный, техничный советский музыкальный коллектив, а лучше даже несколько, которые будут безупречно, без совкового акцента исполнять эти песни на иностранных языках. Мы устроим для Запада настоящий, сокрушительный культурный шок! Буржуазная культура будет идти не от них к нам, разлагая нашу советскую молодежь джинсами и жвачкой, а полноводным, чистым и мощным потоком хлынет от нас к ним, переформатируя их мозги под наши стандарты.

Я сделал еще один глоток уже остывающего чая, давая им переварить масштаб экспансии, и плавно перешел к спортивной части нашего плана:

— Двигаемся дальше, зачищаем фланги. Всю ту инновационную хоккейную амуницию, титановые коньки и облегченные шлемы будущего, что сейчас лежат у вас на складе, мы немедленно патентуем на международном уровне через нейтральные страны вроде Швеции или Швейцарии. И начинаем массово продавать капстранам как готовую высокотехнологичную продукцию наших закрытых сибирских заводов, так и официальные лицензии на производство с обязательным отчислением фиксированного процента за каждую выпущенную ими единицу товара. Сразу после окончания чемпионата мира мы милостиво соглашаемся провести грандиозное, триумфальное турне сборной СССР по Канаде и США, играя против их лучших профессиональных клубов. Но строго на наших условиях и за очень большие деньги! Пускай канадские миллионеры платят нам золотом за само право выйти на один лед с советскими мастерами. И, кстати, товарищ Сталин, нам нужно будет серьезно, весомо мотивировать наших собственных игроков — не только красивыми партийными лозунгами и грамотами, но и нормальными, весомыми рублями, квартирами и благами. Голодный спортсмен много не на воюет. А возглавить все это масштабное ледовое дело, как на самих чемпионатах, так и в ходе канадского турне, я предлагаю Василию Иосифовичу. Сын вас не подведет, у него колоссальная административная хватка, он идеальный, жесткий руководитель для такого проекта. И поверьте мне: наш полноводный валютный ручеек очень быстро превратится в бурную, неукротимую реку.

Я замолчал на секунду, давая вождям перевести дыхание и переглянуться, а затем хладнокровно выложил на скатерть свой последний, самый козырный туз из рукава:

— А следующим стратегическим шагом у нас станет — КИНО. Я предлагаю с нуля создать в системе ВВС передовую, оснащенную по последнему слову техники киностудию, которая будет снимать кассовые фильмы по лекалам будущего. Я, конечно, вовсе не режиссер и не помню все киноленты дословно до каждого кадра, но сюжетные линии, сценарии главных мировых блокбастеров, фантастики и будущих триумфаторов Каннского фестиваля в моей памяти зафиксированы четко. Мы найдем в Союзе талантливых, голодных до работы сценаристов, режиссеров и создадим такие шедевры киноискусства, от которых вся голливудская фабрика грез за океаном содрогнется в бессильной злобе и начнет нести миллиардные убытки! Мы перекупим их зрителя.

— И это еще далеко не всё, товарищи руководители, — я заговорщицки улыбнулся, глядя на замерших у стола Сталина и Берию, которые ловили каждое мое слово как откровение. — Я, конечно, вовсе не химик и не медик по своей прошлой спортивной профессии. Но в своем мире я безумно любил на досуге читать художественные книги про таких же попаданцев в прошлые эпохи. И вот кое-какие формулы передовых лекарств, о которых там часто, подробно и популярно писали авторы, я зачем-то намертво заучил на всю жизнь. Думаю, синтезированные в лабораториях Спецкомитета эффективные антибиотики нового поколения и препараты от тяжелых сердечных недугов в пятьдесят третьем году железно заинтересуют министерства здравоохранения по всему земному шару. Фармацевтика — это еще один миллиард в нашу копилку.

Я веско постучал костяшками пальцев по дубовому столу, переводя наш разговор на строгие юридические рельсы:

— Но я упрямо повторяюсь, товарищи: на абсолютно все наши изобретения, медицинские формулы, музыку, киносценарии и спортивные товары мы обязаны немедленно получать международные патенты. И делать это нужно тайно, не привлекая внимания, по всему капиталистическому миру, через их же патентные бюро. Пускай они там скрипят зубами в своем Вашингтоне и Лондоне, но исправно платят нам роялти за каждую проданную таблетку и за каждый вырезанный конек! А мы на эти колоссальные, хлынувшие в страну деньги будем строить, строить и еще раз строить новые города в Сибири, автоматизированные заводы и мощнейшие научные центры. Главная наша стратегическая задача — сделать так, чтобы они там, на Западе, до безумия хотели жить точно так же, как живем мы. Чтобы они пускали слюни на нашу витрину, а не мы на их красивую обертку, как это, к сожалению, случилось в моей прежней истории. Более того, через подставные фирмы Берии мы начнем на их же биржах планомерно скупать за эти же деньги акции тех зарождающихся предприятий, которые в будущем гарантировано станут абсолютными мировыми лидерами. А там, где это будет необходимо для стратегических интересов нашего государства, наши проверенные, преданные люди со временем возглавят эти зарубежные концерны. Мы тихо, без шума подчиним себе их экономику изнутри.

Лаврентий Павлович, завороченно слушавший этот грандиозный, пахнувший большими деньгами финансовый план, медленно снял и протер шелковым платком пенсне, хитро прищурился своим фирменным взглядом и задал самый каверзный, чисто номенклатурный вопрос:

— Хорошо, Владимир... Допустим на минуту, что мы со всем этим масштабным, дерзким планом полностью согласились и дали Спецкомитету зеленый свет. Но ответь мне на главный юридический вопрос: кто именно по бумагам будет являться полноправным, законным хозяином всех этих международных патентов и авторских прав за рубежом? На кого оформлять будем, а? На ЦК партии? На Министерство внешней торговли?

— Юридическим собственником на Западе буду являться, например, лично я, — преспокойно, с леденящей душу наглостью ответил я, прямо глядя в глаза всесильному главе атомного проекта. — Ну и, разумеется, весомая доля по нашему внутреннему секретному договору будет напрямую принадлежать Советскому государству. Считайте, товарищи, что я официально стану самым первым в мировой истории коммунистическим капиталистом на службе у социалистической Родины. Мне так удобнее вести дела за кордоном.

Иосиф Виссарионович от такой запредельной, немыслимой для советского подростка дерзости сначала опешил, замер с открытым ртом, а затем тихо, хрипло рассмеялся в кулак, качая головой и довольно ухая:

— Да-а... На редкость скромный молодой человек к нам из двадцать первого века пожаловал, Лаврентий, что и говорить. Скромный, тихий и очень, очень деловой. Нам такие зубастые волки нужны.

В этот судьбоносный день, как и в последующие несколько суток, мы разговаривали в закрытом кабинете Ближней дачи очень долго, до хрипоты в горле, до рези в глазах обсуждая малейшие детали и тактические шаги грядущих реформ. Но надо отдать должное сталинской административной системе — если уж вожди принимали окончательное решение, маховик огромной государственной машины раскручивался с сумасшедшей, умопомрачительной скоростью. Вся бюрократия ломалась в один миг. Работа во всех ведомствах закипела невероятно активно, без выходных и перерывов на обед.

Все те будущие песни и нотные партитуры, которые я часами, без усталости пел, хрипел и наигрывал на старенькой гитаре перед трофейными магнитофонами комендатуры, немедленно брались в оборот стенографистками, расшифровывались и официально регистрировались. На одном из таких ночных заседаний я сам, решив проявить осторожность, благоразумно предложил вождям выбрать какого-нибудь надежного, проверенного партией человека из Союза композиторов СССР, на которого можно будет легально зарегистрировать все это колоссаль-

ное музыкальное наследие, чтобы лишний раз не светить мое имя перед иностранными разведками.

Услышав мое предложение, Сталин и Берия лишь дружно, во весь голос надо мной посмеялись, наполнив комнату густым хохотом. Вождь народов веско похлопал меня своей тяжелой рукой по плечу, хищно прищурился и произнес знаменитую русскую поговорку, заставив меня замолчать:

— Нет уж, товарищ Володя. Назвался груздем — полезай в кузовок, не надо скромничать. Оформлять все международное авторское право на музыку, коньки и лекарства мы будем строго на твое имя. Под моим личным, жестким контролем. Государство тебя не обидит, но и сорваться с крючка не даст.

И мне ничего не оставалось делать, как послушно лезть в этот самый тяжелый государственный кузовок Спецкомитета, запуская грандиозную, тектоническую культурно-спортивную и экономическую экспансию Советского Союза на мировой арене. Колеса истории со скрипом повернули в нужную мне сторону.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Подпишитесь на профиль автора. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Глава 10. Нокдаун на Марьиной Роще

Глава 10.

Тем временем по всей Европе, в Америке и Англии через подставные лица в строжайшем секрете нанимались самые дорогие, маститые юридические конторы, специализирующиеся на международной защите авторских прав. В тишине адвокатских кабинетов полным ходом готовилась беспрецедентная, массовая мировая регистрация. Мы затаили дыхание в предвкушении того, как старый капиталистический мир содрогнётся от наших скоординированных действий.

Все мои музыкальные воспоминания тщательно собирались и систематизировались в отдельные общие тетради, которые в дальнейшем должны были лечь на столы патентных бюро. Параллельно в отдельный, особый блокнот под личным контролем Берии заносились имена, фамилии и подробная информация о людях из будущего, чьи данные отложились в моей памяти. Я скрупулёзно записывал, чем именно они знамениты, какие государственные посты займут и каких научных, военных или спортивных достижений добьются через двадцать-тридцать лет. Сам порой искренне удивлялся, сколько же колоссальных пластов информации способна выдать моя проснувшаяся память.

К нашему узкому, тайному кругу официально добавились два человека: триумфально возвращённый из опалы и восстановленный во всех правах Николай Власик и, разумеется, Василий Сталин. Внутри этой закрытой компании мы для простоты и оперативности полностью перешли на имена, без чинов и званий, что существенно облегчало работу.

Василий с головой, со всей своей бешеной летучей энергией ударился в организацию нашего официального участия в зимних чемпионатах. Сева Бобров на правах играющего тренера активно и фанатично помогал ему ковать будущую сборную. Через каналы внешней торговли в Канаде всё-таки сумели тайно закупить партию тех самых гибких профессиональных клюшек, а на наших оборонных заводах по моим чертежам уже вовсю шили и клепали анатомическую экипировку и шлемы. Основной упор, конечно, сделали на сыгранных игроков ВВС, но и талантливых ребят Анатолия Тарасова из ЦДСА тоже внимательно осмотрели и не забыли. По моей жесткой, ультимативной указке играть сборная СССР должна была строго в три полноценных звена, плюс четвёртая дежурная тройка, готовая в любую секунду подменить уставших на льду. Эти консервативные советские мужики в ходе обсуждения тактики выпили из меня килограммы крови, споря до хрипоты, но в итоге мне удалось-таки додавить это революционное для пятидесятых годов решение.

Сам же я в первую очередь плотно занимался нашими фигуристами: лично прорабатывал эскизы костюмов для выступлений, ставил и обкатывал программы. Музыка будущего, под которую им теперь приходилось кататься, в первое время вгоняла советских спортсменов в полный, парализующий ступор. Они на тренировках буквально замирали посреди льда и испуганно слушали эти ритмы, боясь пошевелиться. А уж мои готовые программы, до малейшего шага и виража расписанные в блокнотах, вызывали у ребят настоящий священный трепет.

Ради этого грандиозного смотра в Москву по личному приказу Сталина съехались абсолютно все, кто хоть как-то влиял на фигурное катание в Советском Союзе. На закрытой студии я уже успел лично напеть и записать на пленку несколько ключевых песен. Но самое главное — лучшие столичные портнихи наконец-то закончили шить костюмы для меня и будущих звёзд. И едва мне в раздевалку доставили готовый, расшитый блестками экстравагантный наряд «аля ранний Евгений Плющенко», я не выдержал. Тренерский кураж взял верх. Наплевав на условности, я решил устроить полноценный, дикий по своей дерзости прокат.

На этот строго закрытый, секретный показ в манеже Марьиной Рощи собрались все ведущие мэтры фигурного катания Москвы и Ленинграда, включая Глязера, Толмачёву и Васильева. И я, дождавшись, пока из динамиков взревет размашистый, сексуальный и невероятно

драйвовый ритм песни Тома Джонса «Sex Bomb», выдал им на льду ТУ САМУЮ легендарную программу будущего.

Сказать, что это был сокрушительный, тектонический разрыв всех советских шаблонов — не сказать вообще ничего. Но когда затих финальный, вибрирующий аккорд «Sex Bomb» и я замер в эффектной, вызывающей позе, в манеже воцарилась не просто тишина. Это был вакуум. Гробовая, звенящая, почти физически осязаемая пустота.

Я медленно выпрямился и посмотрел на трибуны. Мэтры в суконных пальто сидели с абсолютно пустыми, ничего не выражающими лицами. Никто не шептался. Никто не качал головой в осуждении. Никто не возмущался. Они просто не могли. Их академический мир, выстроенный десятилетиями, только что рухнул за три минуты, и они ещё не успели даже осознать масштаб катастрофы. Это был полный, сокрушительный нокаут. Они смотрели на меня так, как смотрят на стихийное бедствие — с ужасом и замороженным пониманием, что сопротивляться бесполезно.

Следом за мной на лёд Марьиной Рощи послушно вышла новоиспечённая пара — Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Надо признать честно: за эти дни они попили моей тренерской крови со вкусом и вволю. Но, если быть абсолютно справедливым, виноваты были даже не сами ребята, а их многочисленные консервативные тренеры и кураторы от Спорткомитета. На каждой раскатке эти уважаемые мэтры устраивали форменный консилиум у бортика, причитая на весь манеж: «Да так никто в мире не тренирует! Так вообще не катаются! Так по советским методикам не положено!» В какой-то момент я просто не выдержал этого номенклатурного прессинга. Резко затормозил у бортика и ледяным, не терпящим возражений тоном тренера-деспота отрезал: если эти чинуши ещё хоть раз посмеют влезть в мой тренировочный процесс со своими устаревшими советами, я лично через Василия Сталина закрою им доступ на каток. Навсегда. Психологическая атака подействовала мгновенно. Больше мне никто не мешал — советские профессора лишь дисциплинированно стояли в сторонке, внимательно слушали мои команды и тихонечко, шёпотом обсуждали происходящее между собой.

И вот, когда сложнейший рисунок их парного танца был практически готов, ребята из звукозаписывающей студии ВВС наконец-то принесли мне то, чего так отчаянно не хватало для полной победы. Тот самый заветный хит из далёкого будущего: «My Heart Will Go On» — «Моё сердце будет биться дальше».

Ещё неделю назад, в закрытой студии звукозаписи ВВС, я заплатил за эту музыку свою обычную, жестокую цену. Я сидел перед микрофоном, закрыв глаза, и мысленно тянулся в инфополе будущего, вытаскивая из памяти мелодию. Виски раскалывались, словно в них вбили раскаленные гвозди, к горлу подступала тошнота. Я сжимал кулаки до побелевших суставов, заставляя голос звучать ровно, попадая в каждую ноту. За стеклом звукоизолированной будки оркестранты и звукорежиссёр смотрели на меня с нескрываемым ужасом и благоговением. Они видели, как пятнадцатилетний пацан в поту и с каменным лицом выдаёт мелодии, которых ещё не существует.

— Откуда вы это знаете, товарищ Ворон? — тихо спросил меня звукорежиссёр, когда я, шатаясь, вышел из будки.

— Я просто слышу это во сне, — хрипло ответил я, вытирая лицо полотенцем. — Записывайте. У нас нет времени.

Разумеется, найти в Москве пятьдесят второго года вокалистку с такими же уникальными данными, как у Селин Дион, было задачей из разряда фантастики. Но наши ведомственные музыканты прыгнули выше головы: на записи композиция всё равно прозвучала великолепно. Конечно, это на мой разбалованный безупречным качеством XXI века вкус, а вот для неокрепшего, консервативного восприятия местных советских «аборигенов» эта летящая, космическая музыка стала самым настоящим, сокрушительным взрывом мозга. Именно под эту

завораживающую, щемящую сердце композицию Люда и Олег теперь и будут выступать на грядущем чемпионате.

При постановке их программы я делал упор на невероятную пластику, безупречную синхронность движений, принципиально новые, высокие поддержки, параллельные шаги, глубокие скольжения и раскатистые спирали. Под занавес мы намертво вкатили в лед самый сложный выброс на два полных оборота и параллельные прыжки. И всё это великолепие — под бьющие по нервам аккорды оркестра.

Не успела потрясённая пара покинуть ледовую площадку, как в самый центр манежа на огромной скорости выкатился я сам. В своей прошлой жизни я всегда считал короткую программу «Зима» в исполнении Алексея Ягудина одним из самых восхитительных, недостижимых шедевров в истории мирового фигурного катания. Катать её — высшая честь и колоссальный риск. Поэтому следующей на очереди была именно она. Мне, конечно, в этом не до конца натренированном подростковом теле пока ещё было объективно далеко до легендарного летучего стиля Ягудина, но дикий, оглушительный восторг в глазах замерших на трибунах зрителей стал ярким, неоспоримым подтверждением того, что я сделал абсолютно правильный выбор. Мужское одиночное катание в СССР родилось прямо здесь, под экспрессивный скрипичный ритм будущего.

Следующей, кто по моему вызову робко появилась на льду Марьиной Рощи, стала Татьяна Лихарёва. С этой шестнадцатилетней девчонкой мне повезло просто сказочно — у неё была потрясающая, редкая спортивная интуиция, она схватывала любые мои сложные замечания буквально на лету. Стремительная, удивительно быстрая и прыгучая девочка. Едва я впервые увидел её природную, легкую манеру катания, в моей голове мгновенно, как щелчок, зазвучала песня «Три белых коня».

Работать с Таней было одно удовольствие: любые каскады, вращения и затяжные спирали под этот весёлый, летящий ритм накатывались с первого раза. Но главной нашей изюминкой и секретным оружием против иностранок должен был стать безупречный тройной тулуп. Самым важным и кропотливым делом при работе с Лихарёвой была ювелирная постановка новой техники прыжка — я заставлял её беречь инерцию, правильно группироваться в воздухе и жестко держать ось. Мы ковали будущую мировую чемпионку.

Мой следующий сольный выход на лёд Марьиной Рощи состоялся под взрывной, искромётный аккомпанемент «Хавы Нагилы». В этой программе не было места паузам — одно сплошное, непрерывное и стремительное движение, в которое я филигранно вплёл традиционные еврейские танцевальные мотивы. В Спорткомитете от такой дерзости наверняка схватятся за валидол, но я лишь усмехался про себя: без этих огненных, колоритных ритмов вся мировая ледовая жизнь пресна и скучна!

Третьей одиночницей, выкатившейся по моему сигналу в центр, стала Тамара Братусь. С этой невероятно одарённой девчонкой мы за считанные дни довели до абсолютного, хрустального идеала её же фирменное вращение, когда фигуристка поднимает ногу за спиной выше головы и удерживает её лезвие руками. В моей прежней истории этот самый сложный элемент в семидесятых годах незаслуженно назовут «бильманном» в честь швейцарской спортсменки. Но здесь, в переписанном пятьдесят втором году, я искренне и очень сильно надеялся, что это потрясающее вращение на веки вечные назовут в честь Тамары. Она заслужила это право по праву первооткрывателя. Обладая от природы феноменальной координацией и фантастической гибкостью, Тамара Братусь стала идеальным холстом: мы построили всё её выступление на самых сложных вариациях вращений, глубоких спиралей и, конечно же, не забыли про прыжковую часть. До блеска отточив базовые двойные, мы уже активно нарабатывали элементы в три оборота — великолепный запас по высоте прыжка позволял замахиваться на мировые рекорды. И всё это ледовое великолепие происходило под чарующие, торжественные звуки записанной нами «Песни о фигурном катании».

Моё очередное появление на льду трибуны манежа встретили настоящим шквалом восторженных оваций. Для этого выхода я выбрал вещь простую, незатейливую, но быющую без промаха по душе любого советского человека — заливчатую, раскатистую «Калинку-малинку». Скорость, драйв, народный пляс на коньках — тренеры у бортика едва успевали протирать очки.

Помимо вышеперечисленных одиночников, я вплотную занялся созданием ещё одной перспективной пары. Моими новыми подопечными стали Нина Букашева и Станислав Жук. С ними мне колоссально помог Василий Сталин: по моей первой же просьбе он мгновенно поднял свои ведомственные каналы, разыскал ребят и в своей фирменной, напористой генеральской манере просто поставил их перед фактом. Завёл в кабинет, строго оглядел и доходчиво объяснил, что отныне они выступают исключительно вместе, в парном катании ВВС, и не дай бог им вздумается капризничать или филонить на тренировках... Впрочем, и здесь нам улыбнулась чистая тренерская удача. Стоило им только выйти на лёд и начать совместную работу, как они уже физически не могли остановиться — настолько Стаса и Нину втянул этот сумасшедший творческий процесс. А уж выбранная мной для их проката бессмертная джазовая баллада «My Funny Valentine» легла на их скольжение как влитая. Нам удалось сотворить чудо: ребята смогли безупречно передать на льду тончайшее, хрупкое очарование первой юношеской влюблённости.

Самой большой, просто катастрофической проблемой абсолютно всех просмотренных мной советских фигуристов оставалась их базовая техника исполнения. В пятьдесят втором году она хромала на обе ноги, и хромала тяжело. Мне приходилось буквально на пальцах, часами разжёвывать взрослым спортсменам, как, зачем и ради чего физически делается то или иное микродвижение корпусом, как держать баланс и под каким углом закладывать ребро. Ну и, конечно, новые анатомические коньки от дяди Йоси позволяли ребятам творить на льду намного больше, существенно развязывая им руки.

Пока что для грядущих чемпионатов я твёрдо остановился на двух сыгранных парах и трёх сильных девушках-одиночниках. А вот с мужчинами-одиночками всё оказалось в разы сложнее, достойного материала в столице катастрофически не хватало.

Поэтому мне снова пришлось лично выкатываться на лёд под занавес этого изнурительного смотра. Я поднял взгляд на стеклянное окно радиорубки и коротко кивнул. Дядя Серёжа, наш штатный звукорежиссёр ВВС, перехватил мой жест, кивнул в ответ и плавно вывел ползунок на пульте бобинного магнитофона. Над манежем зазвучала ещё одна грандиозная музыкальная композиция будущего — глубокая, мафиозная, полная трагизма и итальянской страсти тема из кинофильма «Крёстный отец».

Благодаря безграничным административным возможностям и личной поддержке Василия Сталина, в строжайшей тайне на ведомственной студии нам удалось записать более тридцати различных музыкальных произведений будущего. Где именно Василий умудрялся разыскивать и брать на пробы уникальных исполнителей, я даже не представлял. Но факт оставался фактом: подобрать чистые, сильные голоса для безупречного исполнения песен на английском и французском языках ему всё-таки удалось. И исключительно благодаря этой закрытой, ювелирной работе всё получилось на самом высшем, планетарном уровне.

Пока накатывшие программы пары и одиночники один за другим демонстрировали на льду Марьиной Рощи то, что нам совместными усилиями удалось сотворить за этот безумный месяц, я с огромным, искренним удовольствием наблюдал за лицами их бывших наставников. Было безумно интересно видеть, как по мере продолжения номеров стремительно меняется выражение глаз маститых советских мэтров. Разочарованных или недовольных на трибунах не осталось вовсе. Этому колоссально способствовали и космическая для пятьдесят второго года музыка, и роскошные, расшитые стеклярусом костюмы, и, самое главное, коренное изменение отношения самих участников к процессу. Было отчётливо видно: ребята выкатываются на лёд

с огромным, пьянящим удовольствием, получая от этого ледового полёта ничуть не меньше наслаждения, чем замершие зрители. А зрителей на этом строго закрытом показе, несмотря на всю секретность, собралось прилично — человек пятьдесят, не меньше. Весь столичный генералитет и высшее спортивное руководство. При этом всё действие у бортика непрерывно фиксировалось на профессиональные кинокамеры.

Увиденное ледовое шоу привело в полнейший, благоговейный восторг абсолютно всех присутствующих. Не знаю, будет ли эта секретная плёнка в итоге показана в широком прокате в советских кинотеатрах, но то, что по Москве и кулуарам Спорткомитета уже сегодня вечером поползут самые невероятные, фантастические слухи — это было стопроцентным фактом.

И вот, наконец, наступил долгожданный заключительный аккорд. Под величественный, торжественный и пронзительный аккомпанемент композиции «Грандиозо» Эдвина Мартона на лёд одновременно вышли абсолютно все участники нашей обновлённой сборной. Это было то самое масштабное групповое синхронное катание, которое мы яростно, до седьмого пота репетировали последние десять дней. Конечно, идеальной, стопроцентной синхронности движений в силу нехватки времени мы пока ещё объективно не добились, но итоговый результат уже сейчас определённо стоил того, чтобы с гордостью показать его миру. Вначале все фигуристы дружно, как один монолитный организм, сорвались со стартовой линии в едином летящем движении, затем музыкальный темп взорвался, и каждый спортсмен по очереди выдал в центре площадки лучшее, что сумел освоить за этот месяц — каскады прыжков, поддержки, волчки. А финальная концовка снова закрутилась в едином, мощном и ликующем порыве.

Прозвучал последний, затихающий скрипичный звук «Грандиозо», и все до предела вымотанные фигуристы мгновенно замерли на своих точках, тяжело дыша и замерев в ожидании вердикта трибун.

В манеже на несколько секунд воцарилась та же самая, звенящая тишина, что и после моего первого проката. А затем Марьяна Роца буквально взорвалась оглушительными, сумасшедшими аплодисментами и криками «Браво!».

В этот великий момент я отчетливо, с облегчением понял: мои фигуристы наконец-то до конца приняли, прочувствовали и осознали, ради чего именно я безжалостно мучил, гонял и сутками держал их на холодном льду весь этот проклятый последний месяц. Все обиды растаяли. В едином, искреннем порыве ребята со всех концов площадки лавиной съехались ко мне, намертво заключив в тесное кольцо объятий. Нужных слов ни у кого не находилось — на раскрасневшихся лицах блестели слёзы гордости, а счастливые улыбки говорили сами за себя.

Я стоял в центре этого живого, тёплого круга, чувствуя, как привычная, тупая пульсация в висках снова накатывает — плата за бессонные ночи, за выгрузку музыки, за эту колоссальную физическую и ментальную нагрузку. Но я лишь крепче обнял Лихарёву и Братусь и улыбнулся.

Простояв так несколько минут посреди катка под никак не стихающими, громоподобными овациями московских и ленинградских мэтров, мы, крепко держась за руки, медленно покатали на выход со льда. Спортивная революция в СССР свершилась. И я знал: мы готовы.

«Уважаемые читатели! Если вам интересен роман, обязательно нажмите кнопку "Мне нравится" и добавьте книгу в библиотеку. Подпишитесь на профиль автора. Это очень поможет развитию истории! Спасибо!»

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.